

**И
занавес
опускается**

СТЕФАНИ ПИНТОФФ

От автора романа "Во мраке Готэма"

Карьера нью-йоркского детектива Саймона Зилья и его бывшего напарника капитана Деклана Малвани пошла в абсолютно разных направлениях после трагической гибели невесты Зилья во время крушения парохода «Генерал Слокам» в 1904 году.

Хотя обоих мужчин ждало большое будущее, но Зилья переехал в Добсон — маленький городок к северу от Нью-Йорка — чтобы забыть о трагедии, а Малвани закопал себя ещё глубже — согласился возглавить участок в самом бандитском районе города.

В распоряжении Малвани находится множество детективов и неограниченные ресурсы, но когда происходит очередное преступление при загадочных обстоятельствах, Деклан начинает искать того, кому может полностью доверять.

На сцене Бродвея найдена хористка, одетая в наряд ведущей примы. И никаких следов насилия. Ни порезов, ни синяков — вообще ничего.

Под давлением сверху коронер был бы вынужден признать происшедшее самоубийством, если бы это не был второй подобный случай за последние несколько недель.

Новости о предполагаемом серийном убийце станут катастрофическими для набирающего силы мира театра. Не говоря уже о простых жителях Нью-Йорка.

Оригинальное название: A Curtain Falls

Автор: Стефани Пинтофф / Stefanie Pintoff

Серия: Simon Ziele #2 (Саймон Зилья #2)

Перевод: Романенко Карина

Редактор: Волкова Евгения

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Преступление ужасно показательно.

Ты можешь пытаться изменять свои методы, сколько хочешь;

но твои вкусы, твои привычки, твоё умственное отношение и твоя душа обнаруживаются твоими действиями».

— *Агата Кристи*

Пятница

16 марта 1906 года

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Здание уголовного суда. Напротив «Гробницы¹».

Некоторые говорят, что можно узнать, говорит ли человек правду, просто посмотрев ему в глаза.

А вот я так не могу.

Но с твёрдыми доказательствами я могу разоблачить то, что могло остаться нераскрытым.

Обычно так и происходит.

Потому что некоторые люди настолько преуспели в искусстве убеждения, что, несмотря на все улики, говорящие не в их пользу, им удаётся заставить даже самых скептически настроенных людей поверить в сказку.

И никому ещё не удавалось это лучше, чем женщине, которая сейчас сидела за массивным дубовым столом напротив судьи. Она молитвенно сложила ладони, ожидая вердикта суда.

Я три дня наблюдал за её представлением.

Одета она была идеально: белая блузка с кружевами, чёрная узкая юбка, туфли и белые перчатки. Эффект это производило стильный, но в то же время, скромный и сдержанный. Как и полагается женщине, находящейся в трауре по мужу.

Когда она отвечала на вопросы, её манера поведения оставалась смущённой и тихой. А голос, не переставая, дрожал, словно она вот-вот не сдержит слёз.

И все эти дни она смотрела на окружающих широко распахнутыми глазами, будто не могла поверить, что всё это происходит именно с ней.

Но верхом её актёрского мастерства было точно рассчитанное время, когда ей пускать слезу: как раз перед тем, как она бросала взгляд из-под длинных, чёрных ресниц на двенадцать мужчин-присяжных.

Каждый её жест должен был уверить их в одной важной истине: она абсолютно не способна на хладнокровное убийство, в котором её обвиняют.

Её адвокаты — двое крупных мужчин в плохо сидящих серых костюмах — постоянно находились вблизи от неё. Даже, я бы сказал, слишком близко. Рядом с ними она казалась ещё более хрупкой, беспомощной и слабой. Не сомневаюсь, что именно на такой эффект она и рассчитывала.

Чему же поверит суд — доказательствам или истории, которую сплела эта женщина?

Её дело должно было оказаться простым. Предъявление обвинений, вынесение вердикта. Она обвинялась в убийстве первой степени.

Доказательства, предъявляемые прокурором, были убедительны. Эта женщина устала от своего мужа и жаждала свободы.

Многие, вероятно, предпочли бы развод, но она выбрала менее традиционный метод и заменила обезболивающее средство своего мужа цианидом ртути². И, когда у мужа случился очередной приступ головной боли, он достал из шкафчика с лекарствами не обезболивающее, а яд.

И, спустя четверо суток невыносимой боли и непрекращающейся рвоты, он умер.

Уверен, следить за такой смертью было непросто. Она не могла не оставить следа на совести обвиняемой.

— Господа присяжные, вы готовы вынести вердикт? — судья произнёс слова, которые требовал от него закон.

Женщина сжала руки в белых перчатках.

— Да, Ваша честь, — громко и мрачно ответил председатель.

— Подсудимая, встаньте, — сказал судья.

Адвокаты с обеих сторон поддерживали женщину, которая навалилась на стол, словно её в один момент покинули все силы. Её бледное лицо молило присяжных о помиловании.

Мужчина посмотрел её в глаза, и по этому взгляду я сразу понял, каким будет вердикт; ещё до того, как слова «не виновна» пронеслись по залу.

Со всех сторон раздались удивлённые вздохи и бормотание. Я развернулся и быстрым шагом направился к выходу из здания, торопясь выйти на улицу, прежде чем кричащая толпа и вездесущие репортёры собьют меня с ног.

Какое горькое разочарование.

Я арестовал её и собрал все доказательства вины: свидетельства доктора, услышавшего резкий запах миндаля; записи фармацевта, продавшего женщине яд; рассказ близкой подруги, которой подсудимая жаловалась на проблемы в семейной жизни.

Может, улики были и косвенными, но вполне убедительными. Я предоставил суду правду, но её театральное представление всё разрушило. Я больше ничего не мог сделать.

Я начал тяжело спускаться по ступеням, направляясь в сторону улицы Франклина.

Конечно, каким бы не был вердикт, я всё равно был бы в проигрыше. Даже если бы её признали виновной. Справедливость несовершенна. Никакой суд не сможет вернуть к жизни умерших. Как и не сможет изменить тот факт, что, в данном случае, судьба девятилетней девочки навсегда изменится после смерти отца и суда над матерью.

Важно лишь то, что эта женщина представляет угрозу в отдалённом — или не очень отдалённом — будущем.

Убьёт ли она снова?

Или её настолько напугает возможность знакомства с палачом и краткое заточение в тюрьму, что теперь она станет законопослушной?

Возможно.

Но я считал, что человеку, единожды совершившему преступление, гораздо легче решиться на второе. Я никогда не забирал чью-то жизнь, хоть и понимал, что из-за своей работы постоянно нахожусь в группе риска. Но это было чертой, которую я надеялся никогда не пересечь.

— Детектив! Детектив Зиль!

Звавший меня голос был громким и исполненным собственного достоинства. Меня пытался догнать сержант, и по его широкому, ещё детскому лицу скатывались бисеринки пота.

Я остановился, чтобы его подождать. Похоже, я чуть ли не сорвался на бег, направляясь к станции подземки у Ратуши.

— Капитан Малвани сказал, что вы вот-вот должны закончить в суде. Он послал меня передать вам, что вы нужны ему в центре города.

Деклан Малвани был дородным ирландцем, с которым мы были напарниками ещё в начале моей карьеры, когда я служил патрульным в Нижнем Ист-Сайде.

Его недавно повысили до капитана Девятнадцатого участка, в юрисдикцию которого входил и Тендерлоин — район города, который имел сомнительную честь соперничать с Нижним Ист-Сайдом за наиболее криминогенную обстановку.

Хоть наши карьерные пути и разошлись, мы всё равно оставались близки. И вызывать меня подобным образом для него было нехарактерным.

Сержант схватился за бок, пытаясь отдышаться. Ему явно было не по душе подобное поручение. Вообще-то, сержантам обычно не дают подобных заданий. Значит, больше Малвани послать было некого.

— Что случилось? — я продолжил ходьбу, и сержанту пришлось последовать за мной.

— Вы нужны капитану в театре «Гаррик». По слухам, кто-то устроил там сегодня утром «представление», — сержант усмехнулся, довольный собственным чувством юмора.

— И Малвани меня там ждёт? — спросил я, решив проигнорировать поведение парня.

— Ага, — хмыкнул он. — Там произошло убийство. Убили какую-то актриску.

Я резко остановился и повернулся лицом к сержанту.

— В этом городе каждый день происходят убийства. А Малвани руководит самым крупным участком. Зачем я ему понадобился именно в этом деле?

Будучи капитаном, у Малвани не было проблем с нехваткой ресурсов. И если он просил меня о помощи, то для этого должна быть какая-то особая причина.

Сейчас я проводил время частично в Нью-Йорке, а частично в Добсоне — небольшом городке в двадцати километрах от Нью-Йорка, куда я переехал почти год назад, чтобы пожить тихой жизнью.

Но мои коллеги в городе не хотели меня отпускать. К тому же, последнее серьёзное дело в Добсоне — жестокое убийство — произошло аж четыре месяца назад.

Сержант оценивающе на меня смотрел, пытаясь понять, что мне можно говорить, а что — не стоит. Я понимал, что знает он немного, а имеет право говорить ещё меньше, но...

Но до него уже определённо дошли какие-нибудь слухи. И ему нужно было моё согласие на сотрудничество.

— Кажется, в этом деле замешан кто-то влиятельный. Наш большой босс лично держит под контролем это дело и уже задержал некоего мужчину для допроса, — наконец произнёс сержант.

Похоже, сержант прав.

Если подозреваемый уже был в допросной, значит, либо на месте происшествия остались какие-то важные улики, либо сверху надавили и пришлось немедленно арестовывать хоть кого-нибудь.

Но это всё равно не объясняло, зачем Малвани хочет привлечь к этому делу меня.

В этом деле должны быть какие-то сложности.

Когда мы дошли до входа в станцию подземки у Ратуши, сержант пошёл своей дорогой, а я начал спускаться по ступеням вниз.

Пока я ждал на платформе поезд, заметил позади меня какого-то мужчину. Он, не отрываясь, смотрел в моём направлении.

Я прошёл чуть дальше к толпе ожидающих людей.

Но стоило мне подойти к краю платформы, как мужчина двинулся за мной.

Здесь, рядом со зданием суда, я не мог не подумать о тех, чьему задержанию и пребыванию за решёткой поспособствовал за все эти годы. Не сомневаюсь, что многие хотели мне отомстить.

Мужчина подошёл ещё ближе.

Как раз в этот момент подошёл мой поезд, обдав стоящих на платформе тёплым воздухом. Двери открылись, и пассажиры начали выходить из вагона.

Я бросил взгляд через плечо и посмотрел на лицо мужчины. Острый нос, выступающий подбородок и щегольски сдвинутая набок фетровая шляпа показались мне очень знакомыми.

Неужели это...?

Нет. Я наверняка ошибаюсь. После стольких лет... Невозможно.

Я зашёл в вагон, двери с лязгом захлопнулись, оставляя мужчину на платформе.

Сквозь стекло я смотрел, как он исчезает в толпе.

Но воспоминания о его лице не переставали беспокоить меня до самого центра города. А там, когда я добрался до нужной мне остановки, то вернулся мыслями к месту преступления, ожидавшему меня в театре «Гаррик».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Театр «Гаррик», 35-ая улица, дом 67.

Начался снегопад. Воздух потемнел от падающих густых хлопьев. На город словно опускалась сверху белая пелена, но стоило снежинкам коснуться земли, как они мгновенно таяли, оставляя после себя слякоть из грязи и воды.

Типичная мартовская погода.

Несколько хлопьев снега угодили мне за шиворот, и я поёжился от холодного прикосновения. Сразу тупой болью отозвалась моя правая рука — боль всегда усиливалась в холодную и сырую погоду.

Я научился предвидеть боль в подобное время года с тех пор, как почти два года назад повредил руку во время спасательной операции после катастрофы парохода «Генерал Слокам».

Ранение должно было быть временным, но из-за недостаточного умения врача, который меня лечил, оно превратилось в постоянное.

Я отогнал подобные мысли и повернул на 35-ую улицу, уворачиваясь от накренившейся на бок повозки с лошадьё.

Повозка пыталась разминуться с блестящим чёрным автомобилем, который выехал на середину улицы, и который периодически заносило на скользкой дороге.

На улице было полно лошадей и машин, велосипедистов и пешеходов — здесь могли передвигаться все. Неудивительно, что в газетах каждый день появлялись сообщения о произошедших авариях.

Я повернул к театру «Гаррик», и меня тотчас поразила мысль, что сержант был прав: какой бы ни была причина, убийство в здании старались держать в секрете.

Снаружи не было ни одного офицера, хотя по стандартному протоколу рядом с входом обязательно должен кто-то стоять, чтобы отгонять людей и пресекать вопросы журналистов и простых любопытствующих.

Я ожидал бурную деятельность, но вся улица возле театра была пустынна.

Так рано утром — а было сейчас около одиннадцати часов — театральный квартал спал. Оживёт он гораздо позже, после обеда, когда откроются билетные кассы и приедут на репетиции актёры.

Только после наступления вечера окрестности озарятся электрическими вывесками на входе каждого театра. Именно благодаря им Бродвей получил своё новое прозвище — Великий Белый Путь.

Я вошёл в театр «Гаррик» через парадный вход с массивными колоннами и очутился в украшенном красным бархатом фойе рядом с отполированной дубовой будкой кассы. Оттуда я направился в главный зал, где, наконец, заметил занятых работой полицейских.

Откуда-то из-за кулис донёсся истерический вопль женщины. На месте преступления всегда рука об руку шли организованность и хаос.

Но моё внимание привлекло то, что было на сцене. Женщина, которую освещал

единственный софит.

Она растянулась во весь рост на золотисто-зелёном диване, окружённая всевозможными декорациями и бутафорией.

Усыпанные бриллиантами волосы были уложены над головой в виде короны из кучеряшек рыже-красного цвета, а несколько прядей были соблазнительно разложены на подушке. Одета женщина была в атласное пурпурное платье с кружевом, обрамлённое рубиновыми пайетками, которые переливались в свете прожектора.

Лицо было ярко накрашено, как и подобает актрисе на сцене. Смотрела женщина прямо перед собой, не стесняясь находиться под софитами.

И, когда я собрался с духом и направился к сцене по центральному проходу, мне показалось, что наши взгляды встретились. У неё были ярко-васильковые глаза, густо подведённые тушью и тенями.

Вблизи она выглядела ещё прекрасней, чем я мог себе представить, и полностью соответствовала званию ведущей актрисы.

Если, конечно, не обращать внимания на то, что она была мертва.

Я направился к Малвани, чья широкоплечая фигура на полголовы возвышалась над коллегами.

Вдохнув пыльный, спёртый воздух, я тяжело сглотнул. Это была извечная проблема в закрытых местах происшествий без окон. Вот и сегодня в рассеянном свете софитов я видел летающие в воздухе раздражающие частицы пыли.

Громкий и чёткий голос Малвани заглушал царящую вокруг суматоху.

— Уилкоккс сказал ничего не трогать. Поэтому я не собираюсь ничего переносить, пока он не приедет.

Он говорил о Максе Уилкокксе — новом коронере, который часто занимался случаями в районе Гендерлойна.

Стоящий рядом низенький мужчина злился.

— А вы сказали доктору, что она находится здесь уже с прошлого вечера? Мы не можем так оставлять её и дальше. Это неслыханно! Если сегодняшнее выступление не начнётся вовремя, то люди Фромана очень сильно расстроятся.

— Господи, в этом театре произошло преступление! Ваш спектакль перенесут.

Малвани проревел последнюю фразу, но даже грубый ирландский акцент полицейского не смог напугать его собеседника как следует. Малвани скрестил руки на груди.

Мужчина, споривший с Малвани, был невысоким, крепко сбитым, с привычно прищуренными тёмными глазами, в коричневом драповом костюме, из-за которого он походил на полицейского в гражданском.

Но кем бы он ни был, его определённо не страшило звание Малвани.

— Вы же знаете, у Фромана есть связи. Если вы заставите его отказаться от того, чего он хочет, вам придётся заплатить за это огромную цену.

Я знал, что Чарльз Фроман был основателем и руководителем Театрального Синдиката³, который управлял большей частью всех известных театров. Он имел хорошие связи, и ему лучше было не переходить дорогу. Фроман жёстко управлял Великим Белым Путём, который очень важен для растущей экономики города. Даже противники Фромана говорили, что у него железная хватка.

Но Малвани был не из тех, кого можно запугать, хотя, будучи новым руководителем полицейского участка, он изо всех сил старался избежать вражды с влиятельными людьми.

Поэтому следующие его слова были чётко взвешены.

— Мир не вращается вокруг Чарльза Фромана, чтобы ни думали он и его люди. Она останется здесь, пока не приедет Уилкоккс. И, если в результате расследования отменят сегодняшнее выступление, значит, так тому и быть.

Собеседник Малвани прищурился.

Истерические всхлипывания женщины за портьерой позади сцены переросли в пронзительный крик, от которого вздрогнул даже Малвани.

Я подошёл ближе, и он тепло меня поприветствовал. Я в ответ кивнул с улыбкой и перевёл взгляд на мужчину в коричневом костюме. Малвани представил его как Дэвида Марвина, старшего детектива под его командованием.

— Слышал, вы прежде работали с Малвани, — произнёс Марвин. — Может, попробуете его образумить?

И он, извинившись, покинул нас, присоединившись к продолжающему обыску.

Малвани подождал, пока Марвин не скрылся из вида.

— Он, вообще-то, неплохой парень, если не обращать внимания на его завышенное самомнение, — произнёс Малвани, а потом перевёл взгляд на меня и вскинул бровь. — Хорошо, что я услышал о твоём прибытии сегодня в город в связи с делом Снайдер. Полагаю, вердикт уже вынесли.

Я мрачно кивнул.

— Значит, её оправдали, — покачал головой Малвани. — Что ж, от присяжных никогда не знаешь, чего ожидать. Тёмные лошадки. И я слышал, что обвиняемая была настоящей красоткой, — со знанием дела заметил он.

Нас прервал ещё один пронзительный вопль.

— Кто это так кричит? — спросил я.

— Мисс Лили Боуэн, прима этого театра. Я так понимаю, она очень расстроилась из-за платья. Вот это, — Малвани кивнул на тело на сцене, — её платье. Нам пришлось рано утром пригласить сюда мисс Боуэн, чтобы выяснить, есть ли между ними связь.

Ещё один вопль. Малвани передёрнул плечами, но быстро взял себя в руки.

— Конечно, она нам не сильно помогла. Я рад, что ты пришёл. Должен признать, что это одно из самых тревожных дел, с которыми мне приходилось сталкиваться, — заметил Малвани.

Я бросил взгляд на мёртвую девушку, которая сейчас находилась слева от нас.

— Кто она?

— Анни Жермен. Одна из хористок в пьесе «Дочери пастуха», который они ставят тут уже три недели. И, естественно, у обычных хористок не бывает подобных нарядов. Она накрашена и одета, как ведущая актриса.

— Есть идеи, почему? — поинтересовался я.

— Пока нет.

Малвани направился к центру сцены и остановился рядом с телом, полностью погружённый в свои мысли и глядя на юную актрису так, словно видел её впервые в жизни.

— По словам Льва Айзмана — художественного руководителя — всё, что на ней надето, принадлежит мисс Боуэн, даже бижутерия и парик. И всё это было заперто в шкафчике мисс Боуэн. Ключ пропал, и нет никаких признаков взлома.

— И рядом с жертвой ключ не нашли?

— Нет, — покачал головой Малвани. — И мисс Жермен обычно выглядит совершенно

по-другому. В связи с этим возникает вопрос: она сама переделалась, или это дело рук её убийцы?

Я посмотрел в невидящие голубые глаза.

— Как она умерла?

— Понятия не имею, — Малвани прислонился к краю сцены и провёл рукой по короткому стриженному «ёжику» на лысеющей голове. — Я не смог найти на теле ни одной подсказки, ни одной отметины.

Малвани достал из кармана часы и посмотрел на время.

— Почти полдень. Какого чёрта Уилкоккс так задерживается?

Коронер был профессионалом и серьёзно относился к своим обязанностям, хотя немногословная манера общения не прибавляла ему друзей.

И заставлять ждать человека в должности Малвани без какой-либо причины было совершенно не в его правилах.

— Где он?

Малвани не ответил.

Отбросив в стороны портьеры, на сцену, громко причитая, бросилась женщина. За ней семенил мужчина. Наверно, он и есть художественный руководитель.

Это был крупный мужчина лет сорока с густыми чёрными волосами и резкими чертами лица. Женщина же находилась в истерике, и речь её была практически бессвязна. Я улавливал лишь обрывки фраз: «моё платье», «виновата, виновата».

Наконец, мистер Айзман схватил женщину за руку и заставил остановиться. Её длинные каштановые волосы, завитые в мелкие кудряшки, рассыпались по плечам.

— Послушай меня, — резко и зло прошипел он. — Прекращай это. Только подумай, что будет, если рассказы о твоём поведении просочатся за пределы театра!

Что он говорил дальше, мы не расслышали, но слова возымели должный эффект: женщина моментально прекратила истерику и лишь изредка всхлипывала. И то это было больше похоже на икоту.

— Мне надо с ними разговаривать именно сейчас? — она посмотрела прямо на нас.

Мистер Айзман ответил спокойно, но в его словах определённо сквозило предупреждение.

— Ты же не хочешь, чтобы мистер Фроман услышал, что ты не идёшь на сотрудничество с полицией, ведь так?

— Мисс Боуэн, — обратился к ней Малвани, делая шаг вперёд, — присядьте, пожалуйста.

Он жестом указал на один из трёх металлических стульев, стоящих за занавесом в стороне от сцены.

Здесь, за портьерами, находилась организованная небольшая площадка для актёров, ожидающих своего выхода на сцену. Пространство было небольшим, поэтому, когда Малвани и мисс Боуэн сели на стулья, их колени почти соприкасались. Мы с мистером Айзманом остались стоять.

Зато теперь мы хотя бы не видели труп на сцене.

Лили Боуэн бросила на нас взгляд и прикусила губу.

— Мы не станем беспокоить вас множеством вопросов. Мы понимаем, что вам сейчас тяжело.

Малвани удалось добавить в голос нотку сочувствия и понимания. Но говорил он по-

прежнему быстро, и я видел, насколько ему не терпится закончить этот опрос и получить ответы.

— Вы хорошо знали мисс Жермен?

— Естественно, нет! — раздражённо воскликнула дива. — Она состояла простой певичкой в хоре.

Каждое её слово было пропитано возмущением, но тут она поймала неодобрительный взгляд мистера Айзмана, тяжело сглотнула и перефразировала:

— Мы с мисс Жермен не были особо близки, но я видела её на репетициях с самого их начала, и мне очень жаль, что с ней такое произошло.

— Когда вы видели её в последний раз? — Малвани быстро задавал вопросы.

— Прошлым вечером около одиннадцати часов. Она ждала у двери, когда я уходила.

— Кто ещё был в тот момент в театре?

— Не знаю. Я была одной из последних, кто покидал театр. А может быть даже и самой последней.

Она легонько промокнула глаза носовым платком.

— Вы знаете, чего ждала мисс Жермен? Возможно, у неё был новый поклонник?

Мисс Боуэн резко рассмеялась.

— Очень в этом сомневаюсь. И не могу представить, зачем она вернулась в театр и надела мои украшения и моё платье.

— Или почему она теперь мертва? — не смог я сдержаться. Мне было очень неприятно слышать пренебрежение к молодой актрисе, которое мисс Боуэн и не подумала скрывать.

Но я сразу же пожалел о своей вспышке, потому что её глаза моментально наполнились слезами. Она устроила целое представление, доставая из кармана новый платок и начиная снова всхлипывать.

Малвани задал её ещё пару кратких вопросов, и мисс Боуэн удалилась в свою гримёрную.

Мистер Айзман повернулся к Малвани и заговорил громким театральным шёпотом, который остальные якобы не должны были слышать.

— Мистер Фроман и я хотели бы, чтобы ваши люди как можно быстрее переместили тело мисс Жермен в подвал. Я приказал расчистить там свободное место. Его должно хватить.

Малвани его перебил.

— Вы очень добры, но не стоит беспокоиться — мы совсем скоро заберём её отсюда. Через некоторое время сюда прибудет коронер.

— Вообще-то, именно этого я и боюсь, — ответил Лев Айзман. — Уже начинается вторая половина дня, и кто-то может её увидеть. Если новости о смерти девушки выйдут за порог театра, люди решат, что сегодняшнее шоу отменено. Возможно, они даже испугаются и не будут приходить к нам всю неделю. А то и дольше.

Малвани начал злиться.

— И что вы предлагаете? Оставить её в подвале на неопределённый срок? Могу вас уверить, мистер Айзман, что это решение вам быстро разонравится. Чего только стоит запах трупного разложения, который будет распространяться из вашего подвала.

— Мистер Фроман твёрдо уверен, что публикация новостей о смерти мисс Жермен разрушит нашу репутацию и поставит под угрозу наши будущие проекты. Мы хотели бы оставить её тело в местном подвале. Лишь на сегодняшний день. А после того, как

закончится сегодняшнее представление, и толпа разойдётся по домам, коронер и его люди могут прийти и обследовать её тело.

Малвани рассмеялся над абсурдностью такого предложения.

— Значит, вы хотите, чтобы мы перевезли её тело после сегодняшнего спектакля, чтобы никто не увидел?

— Именно, — холодно взглянул на Малвани Лев Айзман.

Малвани поджал губы.

— Я уже вам объяснил, что мы следуем протоколу, поэтому, как только доктор Уилкокс осмотрит тело, мы заберём его. Поступить по иному — абсолютно незаконно, и я из-за этого могу лишиться своего места.

— Можете. Или вас может лишить его мистер Фроман, — мрачно предупредил Малвани мистер Айзман и удалился.

У Малвани перекопилось лицо.

— Я слышал кое-что о Чарльзе Фромане, — произнёс я. — Но то, что я о нём знаю, не объясняет того, почему все здесь настолько...

Я запнулся, пытаясь подобрать нужное слово: смесь уважения и страха, которые я видел в глазах и у мистера Айзмана, и у мисс Боуэн.

— Натанько необъяснимо напуганы этим человеком?

Малвани скривился, но потом снова посерьёзшел.

— Ну, почему напугана мисс Боуэн, я могу понять, — заметил Малвани. — Чарльз Фроман — глава Синдиката и руководитель сотен театров, а значит, именно он выбирает актёров и актрис, которые будут играть в его спектаклях. Он создал себе определённую репутацию — если он берётся за какую-то актрису, то делает из неё звезду. И если мисс Боуэн хочет стать — и оставаться впредь — одной из ведущих актрис, то ей лучше играть по его правилам.

— А мистер Айзман?

Малвани широко усмехнулся.

— А ему, я полагаю, очень хорошо платят.

Наш разговор прервал доктор Уилкокс, который, наконец, приехал и пробирался к сцене с чемоданчиком в руках.

Это был высокий, худой, чуть сторбленный мужчина с лысиной и в очках в чёрной оправе. Он всегда был худощавым, но с тех пор, как я видел его последний раз — а было это почти год назад — кажется, он ещё больше потерял в весе.

Макс Уилкокс поприветствовал нас кивком головы и без предисловий приступил к работе. Здесь он проводил лишь предварительный осмотр, который должен выявить основную информацию о происшествии, прежде чем тело Анни Жермен будет перенесено.

Доктор надел плотные хлопчатобумажные перчатки и склонился над телом, аккуратно приподнимая волосы жертвы, чтобы осмотреть её шею.

— Вы уже сделали снимки? — уточнил он.

— Первым же делом, — рассеянно кивнул Малвани. — Мы сфотографировали сцену в целом, а затем само тело. Особенно сфокусировались на лице и шее.

— Отлично, — одобрительно пробормотал коронер.

Он медленно достал из набора инструментов металлический крючок и вывернул им веко жертвы. Подсвечивая нужную область электрическим фонариком — новым устройством на батарейках — он медленно наклонялся над каждым веком, затем резко

опустил фонарь на пол и начал делать заметки в небольшой записной книжке, вынутой из кармана.

— Хм, неубедительно, — разочарованно нахмурился он.

Затем доктор снова схватил фонарь и поднёс его сначала к шее, а затем приоткрыл рот жертвы и осветил ротовую полость.

— Как я и ожидал, — покачал он головой. — Здесь я мало что смогу сделать. Можете перенести её в мой фургон, не травмируя? Не хочу, чтобы на ней появились новые синяки и кровоподтёки.

— На ней и так пока их нет. Вообще ни одного повреждения, заметного невооружённым взглядом, — отметил Малвани очевидное, чем заслужил строгий взгляд Уилкокса.

— После смерти синяки могут появляться в течение нескольких часов, — возразил коронер. — К тому же, могут быть внутренние кровоизлияния, особенно если предположить, что диагноз механической асфиксии подтвердится.

— А как ещё она могла умереть? — поинтересовался я.

— Скорей всего, её задушили, — пожал доктор плечами. — Конечно, это могло бы быть и отравление, хотя яд обычно оставляет весьма неприглядные внешние признаки, которые в данном случае отсутствуют. Но судя по положению тела, я бы предположил самоубийство.

— Это не самоубийство, Макс, — сказал Малвани. — Должно быть что-то ещё, что бы ты мог рассказать мне прямо сейчас. Мне не с чего начинать, кроме уверенности в том, что она была убита.

Голос Малвани стал мягким и спокойным, но по тону стало ясно, что он от своего не отступится.

Уилкокс склонил на бок голову.

— Уверенности? Ни в чём нельзя быть уверенным, капитан, пока это не подтвердит наука.

— В данном случае твоя наука лишь подтвердит то, что я и так уже знаю.

В голосе Малвани звучало тихое отчаяние.

Малвани не мог не понимать, что рискует оказаться в немилости у Чарльза Фромана, поступая не так, как хочет того театральный магнат. И последствия такого поведения могут выйти далеко за рамки того, с чем когда-либо сталкивался Малвани. Но я не верил, что всё дело в этом.

Уилкокс откашлялся и нехотя поставил на пол свой чемоданчик. Он устроил целое представление, заботливо поправляя шарф на шее, а затем произнёс:

— Что ж... Если принять во внимание то, что ты считаешь это убийством из-за доказательств, которыми ты со мной не делишься, то...

Он позволил словам многозначительно повиснуть в воздухе и продолжил:

— Я бы сказал, что самая вероятная причина смерти — удушение. Если провести всё аккуратно, то следов может и не остаться. Но я не могу ничего подтвердить, пока не проведу вскрытие, которое покажет, есть ли типичные для такого метода убийства повреждения хрящей гортани или подъязычной кости. Я заберу её на фургоне прямо сейчас.

И прежде чем уйти, Уилкокс поднял чемоданчик и слегка повернулся к нам боком.

— И пока я не исследую её внутренние органы и содержимое желудка, — заметил он, — я не поддерживаю твою теорию убийства. Это может оказаться и самоубийством. Вы скоро узнаете. Наука не лжёт.

Уилкокс направился к выходу, и Малвани ещё пару секунд хмурился, а я снова взглянул

на тело девушка на сцене.

Одна хористка из сотни. Почему же именно она?

— В одном Уилкокс прав. Есть нечто важное, о чём ты нам не рассказываешь, — произнёс я, аккуратно подбирая слова. — Это как-то связано с тем, почему ты позвал меня на это дело?

Малвани молча упал в кресло на первом ряду и беспомощно посмотрел на меня. В его глазах плескалось беспокойство.

— Ты упомянул, что на теле нет ни единого повреждения. Так почему же ты настолько уверен, что перед нами убийство?

— Потому что если её не убили, то перед нами не просто одно самоубийство, — Малвани широко раскинул руки, — их уже два.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Театр «Гаррик», 35-ая улица, дом 67.

Второе убийство. Так вот что он утаивал от Уилкокса. И в этом заключалась причина того, что он позвал меня помочь в этом деле.

— Ты имеешь в виду, что была ещё одна смерть, идентичная данной? — я внимательно наблюдал за Малвани.

Он кивнул, но не поднимал на меня взгляд, сосредоточившись на глазах мёртвой девушки, смотрящей на нас сверху вниз со сцены.

Когда вдалеке послышались шаги двух полицейских, вышедших из-за сцены и нёсших в руках пакеты с уликами, Малвани повернулся ко мне и жарко зашептал:

— Три недели назад подобным образом умерла ещё одна актриса. В «Империи», в квартале отсюда. Уборщицы, пришедшие на следующее утро на работу, нашли её в таком же виде, — махнул Малвани рукой в сторону сцены. — Её звали Элиза Даунс. Она была одета с иголки, в украшениях, лежала посреди сцены, и не было никаких признаков преступления. Все посчитали это самоубийством. Расследование не проводилось. Нас даже не вызывали.

— Тогда откуда ты об этом знаешь?

— От мистера Айзмана, — честно признался Малвани. — Видишь ли, «Империя» — ещё один театр Фромана, входящий в небольшое бродвейское сообщество. Новости о смерти мисс Даунс разнеслись быстро и подействовали угнетающе на боевой дух сотрудников.

Он выпрямился и размял руки.

— Но у мистера Айзмана не было причин подозревать в произошедшем что-либо иное, кроме трагического самоубийства, пока сегодняшним утром при схожих обстоятельствах не была найдена мисс Жермен.

— Они обе были актрисами. Нам известно, были ли они знакомы? Если да, то они могли обсуждать самоубийство. И раз новости о смерти мисс Даунс так ярко поразили театральную общественность, мисс Жермен могла скопировать мисс Даунс, решив покончить жизнь самоубийством.

Я и сам понимал, насколько это неправдоподобно, но такова уж была моя привычка: принимать во внимание все возможности, даже если позже я сам же их и отмету.

— Нет, — мрачно покачал головой Малвани. — Я бы тоже хотел так думать. Но есть кое-что ещё.

Малвани осмотрелся, словно беспокоясь, что кто-то подслушает наш разговор. Но в помещении кроме нас никого не было.

Малвани удовлетворённо кивнул и жестом показал мне следовать за ним. Мы подошли к последнему ряду, где он оставил свои вещи.

— Мы нашли записки. Письма. Даже не знаю, как их правильно назвать.

Он запнулся, пытаясь подобрать слова.

— Одно из них было найдено рядом с телом мисс Даунс в «Империи», правда, много позже, сначала его и не заметили. В нём полно поэтической чепухи о смерти, поэтому мистер Айзман и решил, что это предсмертная записка. Но когда мы нашли похожую записку здесь, рядом с мисс Жермен, его начали терзать сомнения.

Малвани засунул руку в потёртую кожаную сумку, доставая несколько листков бумаг.

Захватив край письма носовым платком, Малвани передал мне первый лист бумаги нежно-голубого цвета. Я аккуратно потянулся, стараясь братья только через ткань.

Написано было мелким, неразборчивым почерком.

И вновь избрал я деву без природной красоты и дал ей то, чем обделила Природа. Я — Пигмалион. Она — Галатя, моё лучшее творение. Так скажу же словами прекраснейшего английского поэта:

*«Кровь её я не пролью,
Не раню кожу, что белее снега
И глаже алебастровых надгробий...»*

Малвани выжидательно на меня смотрел.

Я откашлялся, пытаясь сбросить с себя неприятное ощущение от прочитанного.

— Что это значит? — спросил я. — «Я — Пигмалион». И в этих словах о крови, которую он не прольёт, нет абсолютно никакого смысла. Может, он пытается сказать, что он её не убивал?

— Думал, ты мне скажешь, — грустно улыбнулся Малвани. — У тебя, по крайней мере, за плечами пару лет колледжа.

И он шутливо вскинул руки перед собой.

— Я тоже не смог уловить смысла в этой записке. Мистер Айзман пояснил то, что я и так уже понял: убийца хотел, чтобы она и в смерти выглядела прекрасной. Анни была простой девушкой. Да, хорошей танцовщицей и талантливой хористкой. Но она никогда бы не стала ведущей актрисой. И даже не хотела этого.

— Полагаю, всё это — лишь со слов мистера Айзмана.

Я вновь окинул взглядом фигуру на сцене и покачал головой.

Наверно, одежда и макияж её полностью изменили, потому что на женщину, лежавшую передо мной, было определённо приятно смотреть. Настолько, что можно простить любое отсутствие таланта и способностей.

Хотя многие актрисы, не обладавшие признанной обществом красотой, очень успешно выступали на сцене. И Сара Бернар — яркое тому доказательство.

— Ты прав, — согласился Малвани. — Она одета с иголочки, и кто-то определённо приложил немалые усилия. Послушаем ещё, что скажут другие актёры и актрисы, которые придут через пару часов на репетицию. Хотя мне и сейчас понятно, что обычно она выглядела не так.

— Ты нашёл что-либо в её гримёрке, что можно связать с этим письмом?

— Зиль, она была хористкой. У неё не было собственной гримёрки. Она пользовалась общей комнатой в задней части здания. Естественно, мы её сейчас обыскиваем, а вместе с ней — и все остальные комнаты, — Малвани раздражённо выдохнул. — Но пока мы не нашли ничего необычного.

— Кто-нибудь держал в руках записку, которую мистер Айзман нашёл рядом с телом Элизы Даунс? — уточнил я.

Сейчас письма мне казались единственной перспективной зацепкой и связью между двумя смертями.

Малвани кашлянул.

— Айзман сам хранил это письмо, хотя я и не могу понять, зачем он хранил записку самоубийцы. Но сегодня утром, когда он пришёл сообщить нам о смерти мисс Жермен, он вернул и письмо. Оно сейчас в участке в папке с другими уликами. Я покажу тебе, когда доберёмся до моего кабинета. Содержание схоже, вплоть до упоминания о Пигмалионе. Только стихи другие.

— Если отпечатки на обоих письмах совпадут, у нас появится чёткая связь, — размышлял я вслух.

— Мы их сняли, но знаешь — они не обязательно принесут нам какую-то пользу, — пробормотал Малвани себе под нос.

Он был прав: официально они, может, пользы особой и не принесут.

Снятие отпечатков пальцев было пока новой технологией, которую принимали в расчёт лишь немногие полицейские. А судьи — ещё реже. Но неофициально многие из нас были готовы положиться на результаты подобной экспертизы.

— Полагаю, — произнёс я, — ты хочешь привлечь меня к этому делу именно из-за этих писем?

— По большей части, да.

Малвани нахмурил брови, потому что в его голове явно крутилась ещё одна мысль, и когда он её озвучил, то выглядел немного смущённым.

— Я бы хотел, чтобы ты поговорил с кое-кем, находящимся сейчас у меня в участке под стражей. Его зовут Тимоти По. Он актёр.

— Судя по тому, что видел сегодня утром, — заметил я, — кажется, у тебя недостаточно оснований, чтобы кого-то задерживать.

Малвани ткнул пальцем в голубую бумагу.

— Посмотри, всё здесь указывает на некоего Пигмалиона. Мистер Айзман просветил меня, что «Пигмалион» — спектакль, который возродился на подмостках прошлой осенью. И угадай, кто играл в нём главную роль?

— Полагаю, мистер По, — с невозмутимым видом ответил я.

— Именно; он играл Пигмалиона, восхищавшегося Галатеей, — Малвани явно был доволен собой. — Всё совпадает, не так ли?

— Даже слишком, — проговорил я. — Если уж он так хотел изобличить самого себя, оставив это письмо, к чему вся эта неразбериха с поэзией? Он мог просто подписаться своим именем.

Малвани склонил на бок голову.

— А ещё он знал Анни Жермен. Она даже играла несколько недель на замене в «Пигмалионе», когда другая актриса заболела.

— В роли Галатеи? — уточнил я. — Тогда это прекрасно вписывается в твою идеальную теорию.

— Этого я не спрашивал, — Малвани был раздражён тем, что я с ним не соглашался. — И ещё кое-что. Мистер Айзман подозревает, что По был влюблён в мисс Жермен, но дама его отвергла.

— Тогда нужно найти этому дополнительные доказательства, — возразил я. — Не говори мне, что ты станешь полагаться лишь на слова мистера Айзмана.

Наш с Малвани разговор шёл в сторону, которая мне не очень нравилась — всё дело отдавало необоснованным поспешным суждением.

Малвани устало на меня взглянул.

— Это всё, что у нас есть на данный момент. Сделай мне одолжение и поговори с Тимоти По. Может тебе каким-либо образом удастся вытянуть из него полезную информацию.

Естественно, я согласился, хотя методы и теория Малвани начинали меня беспокоить всё больше и больше.

Я мог лишь предположить, что на него кто-то сильно давит сверху.

Я потянулся за шляпой и уже собрался направиться к выходу, когда Малвани снова меня остановил.

— Постой, Зиль. Прежде чем ты уйдёшь, я должен сказать тебе кое-что ещё, — он сделал глубокий вдох. — Этим утром в издательстве «Таймс» тоже нашли письмо. Я пока никому не говорил, даже мистеру Айзману, хотя это он принёс мне первые два письма. Он боится, что по городу пойдут слухи, и будет не очень рад, если окажется, что в этом деле замешаны газетчики.

Я тихонько выдохнул сквозь сжатые зубы. Да, Малвани прав: это всё меняет.

— Что говорится в письме?

— Я пока не знаю, только получил сообщение. Я собираюсь отправиться в издательство «Таймс», как только покончу со всем здесь, — произнёс он и посмотрел мне прямо в глаза. — Я хочу, чтобы ты работал над этим делом, Зиль.

Я молчал.

Малвани криво усмехнулся.

— Это дело как раз для тебя — убийство без капли крови.

Естественно, Малвани знал мою тайну — меня всегда начинало тошнить при виде крови. Да, в моей профессии это было проблемой, но мне хотелось думать, что я её удачно скрываю.

— Значит, сделаешь официальный запрос, чтобы меня прислали тебе в помощь?

— Даже больше — я хочу, чтобы ты возглавил расследование наравне со мной. Полагаю, без тебя в Добсоне справятся.

— Думаю, да.

В моих словах сквозил сарказм. В Добсоне с самой зимы было всё тихо и спокойно; не произошло ничего, с чем бы не мог справиться другой офицер нашего участка, состоящего из двух полицейских.

Иногда я подумывал снова перебраться работать в город. Навсегда.

Но потом я осознавал, что для этого ещё слишком рано.

— Ты ведь будешь в порядке, если подключишься к этому делу? — Малвани задал вопрос вроде мимоходом, но я видел, как он внимательно наблюдает за мной в ожидании

ответа.

Малвани знал, что женщина, на которой я собирался жениться, погибла во время катастрофы на борту «Генерала Слокама». Как и тысяча других пассажиров, умерших во время пожара на пароходе 15 июня 1904 года.

И хоть моя боль потихоньку стихала, а соболезнования соседей по Нижнему Ист-Сайду уже не ранили так остро, я понимал, что некоторые определённые части города — и дела с жестокими смертями молодых девушек — возвращали мне воспоминания, от которых я хотел поскорей избавиться.

Я сжал челюсти, и не стал отвечать на вопрос Малвани.

Вместо этого я понизил голос, чтобы полицейские, собирающие в нескольких метрах от нас улики, не стали невольными свидетелями нашего разговора.

— Под твоим командованием сейчас находится куча детективов, и все они толковые и не нуждаются в моих подсказках. Так зачем тебе я?

— Частично из-за доверия и преданности, — признал Малвани и нахмурился.

Он окинул взглядом комнату и работающих полицейских.

— В моём подчинении находятся прекрасные офицеры. Но они пока не мои люди. Пока не мои.

— Ясно. А ещё из-за чего?

Малвани нахмурился ещё сильнее.

— Потому что есть нечто в этом деле, что масштабнее и сложнее, чем смерть одной — точнее, двух — актрис.

Он тряхнул письмом на голубой бумаге.

— Нутром чую. Надеюсь, что не прав. Но боюсь, что это только начало.

Он на пару секунд замолчал, давая мне осознать сказанное, а затем наши взгляды встретились, и он продолжил:

— Ты не единственный человек, которому я доверяю. Но я знаю, что ты единственный, у кого хватает умений и навыков, чтобы помочь мне раскрыть это дело.

Ну как я мог отказаться после такого комплимента?

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Девятнадцатый участок, 30-я улица.

Малвани заранее позвонил в здание участка, поэтому меня там уже ждали.

Это было переполненное людьми, ветхое здание на Тридцатой улице — всего в нескольких кварталах к югу от театра.

Разрабатывался план строительства нового, современного здания через дорогу, но работы столько раз откладывались на неопределённый срок, что это уже стало шуткой среди служащих.

В существующем же здании любое пространство было дефицитным, поэтому я не стал жаловаться на тесную комнату без окон, где меня ждал Тимоти По.

Запах внутри был спёртым, с нотками пережаренного кофе, но в интересах сохранения тайны следствия я был вынужден закрыть за собой дверь.

Я взял деревянный стул с облупившейся краской, придвинул его к металлическому столу сел и взглянул на сидящего напротив мужчину.

Скорей всего, он был моим ровесником — лет тридцати — но тонкие черты лица делали его моложе.

Он отбросил назад тонкую прядь светлых, невымытых, закрывающих глаза волос, чтобы лучше меня видеть, и я заметил пересекавшие его лоб тревожные морщинки и красные, опухшие глаза.

Он встретился со мной пустым взглядом.

— Вы хотите со мной поговорить, — без выражения произнёс он.

Я кивнул и представился:

— Меня зовут детектив Саймон Зиль. А вы, если я правильно понимаю, Тимоти По.

Мужчина кивнул.

— Вообще-то, это сценическое имя. Настоящее моё имя Тим Краучхайм.

Я частенько посещал театры и знал, что актёры и актрисы постоянно брали себе новые имена, особенно если данное при рождении имя было длинным или сложно произносимым.

— Значит, вы взяли фамилию По, — заключил я.

— Перед моим первым выступлением директор театра попросил меня выбрать что-то простое и короткое, — Тимоти снова отбросил назад волосы. — К тому же, я всегда любил его поэзию.

Я внутренне застонал.

Подобные комментарии только сильнее уверят Малвани, что именно По ответственен за убийство двух актрис и написание писем со стихотворными строками.

— Вы находитесь под следствием из-за свидетельств, связывающих вас с убийством Анни Жермен, — сказал я прямо, вытащил из кожаного чемоданчика записную книжку и карандаш и положил их на стол перед собой. — Где вы были прошлой ночью, начиная с десяти часов вечера?

Он взглянул на меня без всяких эмоций.

— Можете начать с чего пожелаете, — предложил я.

Он несколько раз быстро сжал и разжал длинные, тонкие пальцы.

— Я был в театре до одиннадцати тридцати, потом отправился домой и спал, пока этим утром ко мне не нагрянула полиция. Это было где-то после девяти утра. Вы же понимаете, в театре мы всегда ложимся поздно.

Он на секунду перевёл на меня взгляд и снова уставился на столешницу.

— Они задавали мне вопросы о Анни Жермен, — произнёс он еле слышным шёпотом. — Ужасные вопросы. Никто не должен выслушивать такие вопросы о своих друзьях.

— Как давно вы её знали?

— Около восьми лет, — он слегка улыбнулся, вспомнив то время. — Мы играли главные роли в спектакле под названием «Любимое хобби».

— Для вас мисс Жермен была просто коллегой, или вас связывали более личные отношения?

Я сделал ударение на слове «личные», ожидая реакции Тимоти По, но тот не смутился.

— Она была просто знакомой, ничего больше. Мы несколько раз играли вместе в спектаклях. Последний раз прошлой осенью.

Он тяжело вздохнул и крепко сцепил пальцы.

— Знаете, как её убили?

Я не ждал, что мистер По мне ответит что-то стоящее. В конце концов, даже доктор

Уилкокс пока не мог дать окончательного заключения.

Но мне была важна реакция Тимоти на мой вопрос.

Он казался неуверенным, в замешательстве, но когда он, наконец, заговорил, я не заметил ни одного признака того, что он сознательно утаивает важную информацию.

— Не знаю. Полиция мне ничего не рассказала, — он на секунду запнулся. — Как вы думаете, они же не отправят меня в «Гробницу»? Я там не выживу, я в этом уверен.

У Тимоти начали дрожать руки, и он зажал их между колен.

— Я поговорю об этом с капитаном участка и всё узнаю, — мягко произнёс я. — Но сначала мне нужно задать вам ещё пару вопросов, хорошо?

По согласию кивнул.

— Вы знаете Элизу Даунс?

— Я слышал её имя, потому что полицейский, который первым меня опрашивал, упоминал его, — ответил мужчина.

— Но вы никогда не встречались с ней лично? — я облокотился о столешницу и заглянул Тимоти прямо в глаза, ожидая ответа.

— Нет, — он ответил быстро, не раздумывая.

Он казался настолько искренне выбит из колеи направленными на него подозрениями, что я решил давить на него чуть меньше.

Мне потребовалось всего минут пять, чтобы узнать ключевые факты его жизни.

Тимоти всегда хотел работать на сцене, это было целью его жизни. Началось всё с водевилей, но вскоре он понял, что его истинное предназначение — остроумные комедии, которые ставят на Бродвее.

Он добился значительного успеха, особенно в недавнем спектакле «Поживём — увидим» по тексту Бернарда Шоу. Но что было для него более важным — мужчина нашёл постоянную работу.

Он сказал, что у него было несколько близких друзей, но не было ни жены, ни возлюбленной. Вся его жизнь вращалась вокруг всепоглощающего желания работать на сцене — и работать там постоянно.

— Итак, вы подозреваетесь в убийстве двух женщин, лишь с одной из которых были знакомы лично, — подытожил я сказанное. — Полиция поставила вас в известность, почему вы стали подозреваемым?

— Нет.

Его голубые глаза расширились, а пальцы вцепились в край манжета.

— Они задавали мне те же вопросы, что и вы. Знал ли я тех женщин? Были ли у меня романтические отношения с кем-то из них?

Он печально на меня посмотрел.

— Я не понимаю, почему они меня тут держат. Я рассказал им всё, что знал. Я хочу домой.

Я смотрел на него с немалой долей обеспокоенности.

Он казался слишком слабым и душой, и телом, чтобы выдержать ожидавшее его давление.

Но с другой стороны, он добился немалых успехов на Бродвее, работая в профессии, которая была отнюдь не лёгкой.

Возможно, в этом человеке больше силы, чем я предполагал.

— Кажется, прошлой осенью вы участвовали в возрождении постановки о

Пигмалионе, — начал я, но Тимоти меня прервал.

— Вы говорите о «Пигмалионе и Галатее»? Другой полицейский тоже меня о ней спрашивал.

Он был определённо сбит с толку.

— Но спектакль проходил в октябре, почти полгода назад. Как он может быть связан с убийством Анни?

— Мы пока не знаем, — доброжелательно улыбнулся я, — но вы мне очень поможете, если расскажете об этом выступлении.

Мне нужно было, чтобы Тимоти начал сотрудничать. К тому же, я не знал, сколько ещё времени у нас осталось для разговора.

Мужчина молчал, и я решил ещё чуть-чуть его подтолкнуть.

— Начните с того, какой была ваша роль...

— Хорошо, — он вытянул вперёд ноги, и теперь они, казалось, занимали всё пространство комнаты. — Я играл главную роль. Наверно, на данный момент это самая большая роль в моей жизни. Вы знакомы со спектаклем?

Я признался, что не знаком.

— Пигмалион — творческая личность. Скульптор.

Голос Тимоти становился всё громче и увереннее, и я ясно представил, каким он становится на сцене; как превращается в горделивого, самовлюблённого творца.

— Он попал в ловушку брака без любви и разочарован всеми женщинами, которые его окружают. И вот он решает сам создать женщину. Но не просто женщину, — руки Тимоти начинают плавно гладить видимые только ему формы, — а идеальную женщину. И когда он завершил работу, он влюбился в неё. А как иначе? Она была прекрасна — молочно-белая алебастровая статуя. Настоящее мраморное великолепие.

— Выходит, он создал идеальную женщину... — пробормотал я себе под нос.

— Он молил Венеру даровать его статуе жизнь. И каков же был его восторг, когда Венера исполнила его желание!

Лицо Тимоти разгорелось от возбуждения.

— Он дал статуе имя Галатее и на какое-то время — такое быстротечное! — его жизнь стала прекрасной. Но Галатее не была приспособлена к жизни среди людей, и когда Пигмалион её разлюбил, она вновь превратилась в статую. В конце концов, Пигмалиону она нравилась именно такой — мраморной статуей, неподвижной и неизменной.

Тимоти сидел в ожидании моей реакции, но я мог лишь молча смотреть на него, пытаясь переварить то, что он мне сейчас сказал.

И Тимоти обмяк на стуле, выходя из роли. Он постепенно забыл о своём триумфе на сцене и вспомнил о текущем плачевном положении.

Я ясно видел, как убийца мисс Жермен вплёл эту историю в воссоздание картины смерти на месте происшествия. Теперь отсылки к Пигмалиону в письме, найденном у тела Анни Жермен, стали для меня более понятными. И более тревожащими.

— И ни Анни Жермен, ни Элиза Даунс не участвовали в спектакле?

Это была проверка. Я ведь и так знал, что мисс Жермен заменяла одну из актрис.

Тимоти начал отрицать их участие, но потом вспомнил.

— Ах да! Где-то на неделю, когда несколько человек из нашей труппы заболели, Анни играла в нашем спектакле небольшую роль — сестры Пигмалиона, Мирины.

— Каковы были её отношения с основным составом труппы?

По пожал плечами.

— Доброжелательными. Профессиональными.

Нас прервал стук в дверь. Похоже, время нашего общения подошло к концу.

— И последнее, — я пододвинул к По свою записную книжку и карандаш. — Можете записать для меня ваше имя и адрес?

— Я уже диктовал его офицерам, — ответил мужчина.

— И всё же, — настоял я с улыбкой, — не могли бы вы написать их ещё раз. Для меня.

Когда Тимоти отдавал мне обратно записную книжку, его руки подрагивали, а голос опустился до шёпота:

— И что со мной теперь будет?

Я поднялся и поправил пиджак.

— Я поговорю с офицером, который вас арестовывал.

И задвинул стул обратно к столу.

— Посмотрю, что смогу узнать. Выше нос!

Он робко улыбнулся на мои попытки его взбодрить.

Я закрыл за собой дверь и посмотрел на написанные им строки. Слова были написаны ровным, сжатым почерком.

Но в отличие от записки на голубой бумаге, которую мне показывал Малвани, все буквочки в моём блокноте были округлыми и аккуратными.

И написаны без наклона.

* * *

Малвани вернулся в кабинет в ожидании отчётов своих людей, которые отправились опрашивать всех сотрудников театра «Гаррик», пришедших на работу в тот вечер.

Дверь в его офис была распахнута, и когда я вошёл, он повернулся на деревянном стуле, который с трудом вмещал его грузную фигуру, а колени упирались в столешницу.

Мне всегда казалось абсурдным видеть этого большого человека — и речь сейчас не только о массе тела — запертым в четырёх стенах со столом, заваленным бумагами.

Вот и сегодня, когда Малвани откинулся на стуле и сцепил за головой руки в замок, он почти полностью заполнил собой маленькое пространство своего кабинета.

— Встретился с По? — внимательно посмотрел он на меня.

— Ты же не можешь всерьёз считать, что Тимоти По виновен в преступлениях, — мгновенно ответил я. — Если ты разговаривал с ним хоть пять минут, то должен был это понять. И у тебя нет ни единой веской улики против него. Ты взял его под арест лишь потому, что он играл в пьесе, которая упоминалась в бредовой записке, оставленной на месте происшествия.

— В бредовой записке, оставленной убийцей, Зиль. Не забывай этого, когда начнёшь мне рассказывать историю о том, что этот актёришка даже мухи не обидит.

От возбуждения акцент Малвани стал ещё заметнее.

Я подтащил стоящий в углу кабинета стул к столу и сел напротив Деклана.

Лицо Малвани скривилось.

— Ну, а что прикажешь мне делать, Зиль? У меня две мёртвые хористки. Я хочу найти их убийцу, но никто из сотрудников Фромана мне не помогает. Да, они хотят, чтобы я раскрыл это дело. Но с другой стороны, они боятся, что дотошное расследование

распространит по всему городу слухи об убийстве и напугает людей. Они беспокоятся, что не соберут из-за этого кассу.

— Я понимаю, — кивнул я. — Но взять По под стражу лишь на таких основаниях... Тебе же, в конце концов, нужен убийца, а не козёл отпущения... Я прав?

Я с опаской взглянул на Малвани.

Мы с ним были друзьями ещё до того, как начали вместе работать в Нижнем Ист-Сайде восемь лет назад. Но теперь он стал главой участка. Изменило ли постоянное давление сверху его привычные ответственные и бескомпромиссные методы работы?

Я надеялся, что нет. Но подобные аресты, как в случае с По, были для Малвани нетипичны.

— Не надо думать, что я арестовал невиновного только потому, что он — лёгкая мишень. Те письма дали мне веские основания для беспокойства по поводу По. И вот — взгляни на другие письма.

Толстые пальцы Малвани перевернули несколько листов в папке; он нашёл нужные бумаги и протянул их мне.

— Это оригинал письма, найденного у тела мисс Даунс. Прочитай его и скажи, что не разделяешь моей обеспокоенности.

Я быстро просмотрел письмо, отмечая, что написано оно тем же неразборчивым почерком без нажима, что и записка, найденная в театре «Гаррик».

*Какой же красотой я наделил её, сыграв для неё роль Пигмалиона.
Галатее! Как писал мудрый поэт:*

*«В тот миг она была моя —
Свежа, чиста. Я протянул
Ладонь — и, волосы ея
Собравши в длинную струну,
Вкруг тонкой шеи обернул
И задушил. Всё! Умерла
Она с улыбкой на устах.
Как хрупкой бабочки крыла,
Я поднял веки ей. А там —
Всё та же синь и чистота».*

Малвани был прав.

Здесь тоже присутствовали отсылки к Пигмалиону и Галатее, но стихотворные строки существенно отличались.

Мои бывший напарник тем временем наливал молоко в чашку свежего кофе и насыпал сахар.

Когда я дочитал, он предложил одну чашку мне, и когда я согласился, сделал вид, что поражён до глубины души.

— Думал, ты слишком разборчив, когда дело касается кофе, — пробурчал он.

— А ты называешь кофе ту бурду, что вы здесь пьёте? — с усмешкой уточнил я.

Малвани был прав: обычно я пил лишь тот кофе, что предлагали в кофейнях в городе. А в участке заваривали слабое подобие этого напитка, разбавленные помои, которые обычно я

считал непригодными для питья.

Но после сегодняшних событий у меня целое утро шумело в голове, я не завтракал и надеялся, что чашка даже такого кофе сможет мне помочь.

Малвани отхлебнул из своей чашки, и мы продолжили обсуждение.

— Письмо к Даунс написано тем же почерком, что и найденное сегодня утром в театре «Гаррик». Написано на такой же голубой бумаге. У нас имеются две отсылки к «роли Пигмалиона». Кто ещё играл в городе Пигмалиона, кроме Тимоти По? Естественно, за последние пару лет. Я получил подтверждение тому, что у По была главная роль в спектакле, поставленном прошлой осенью. — Малвани был явно доволен своей работой. — Все остальные актёры из постановок последних лет находятся за пределами города. В Нью-Йорке остался только мистер По.

— Стой, — прервал я Деклана, вытаскивая свою записную книжку и показывая ему оставленные Тимоти записи. — У них разный почерк. Отличается и размер, и форма букв; они по-разному пишут буквы «п» и «и».

Малвани пару секунд рассматривал строки в моей книжке.

— Это ничего не значит, — заключил он. — Он мог просто изменить почерк, вот и всё. И в обоих случаях слова написаны без нажима, лёгкой рукой.

В этом он был прав, но я продолжал не соглашаться.

— В записях По нет наклона. И его буквы маленькие и округлые, а не острые и вытянутые. Было бы сложно подделывать всё это в целом письме.

Пару секунд мы помолчали.

— Вернёмся к Пигмалиону, — произнёс я. — Сколько людей видело спектакль? Наверно, тысячи, ведь шёл он несколько недель. Нет никакого смысла подозревать ведущего актёра, а других — нет. Любой, видевший пьесу, достаточно знаком с сюжетом, чтобы написать эти письма и убить женщин.

Я попытался донести до Малвани свою точку зрения и повернул к нему письмо.

— *«Какой же красотой я наделил её, сыграв для неё роль Пигмалиона».* Что это значит?

Я разочарованно постучал пальцами по столу.

— Чёрт бы меня побрал, если я знаю! — взорвался Малвани. — Пока ещё рано, Зиль. Ты не можешь узнать всё и сразу. Вот, кстати, посмотри на фотографии Элизы Даунс.

Он пролистал ещё одну папку и протянул мне три снимка.

— Они не такие, как наши обычные посмертные фотографии. Да ты и сам видишь. Семья попросила их сделать до того, как тело перенесли из театра.

Он поморщил нос.

— Сентиментально, не так ли? Фотографировать мёртвых в их последних позах. До сих пор ещё остаются семьи, которые хотят оставлять подобные снимки на память, — скривился он.

— И хорошо, что моя Бриджет не такая сентиментальная, — продолжил он. — Я бы точно не хотел, чтобы меня помнили таким, когда я уйду.

Я согласно кивнул и принялся рассматривать снимки. Я понимал, что это распространённая практика, но мне всегда было некомфортно рассматривать посмертные фотографии.

Хотя Элиза Даунс выглядела так, словно просто уснула, откинувшись в огромном мягком кресле.

— Как и Анни Жермен, — произнёс Малвани. — Она была хористкой, но нашли её в

наряде ведущей актрисы. Ничто на той сцене не было пущено на самотёк. Ни одежда. Ни макияж. Ни то, как она была расположена посередине и чуть впереди на сцене. Ни это письмо.

Деклан был прав. Юная девушка на снимках была прекрасна: изящно откинувшаяся назад, элегантно сидящая в шелках и бриллиантах.

— А снимков крупным планом нет? — спросил я.

Малвани отрицательно покачал головой.

— Я же говорил, эти фотографии сделаны для родственников. В то время никто и не думал, что её смерть — не простое трагическое самоубийство.

Я поднёс последнюю фотографию к свету. На ней можно было лучше всего и ближе всего рассмотреть лицо и шею девушки.

Хоть по чёрно-белому снимку и сложно было сказать с уверенностью, но я не заметил ни единого синяка — и сразу сообщил об этом Малвани.

— Кем бы он ни был, он хочет, чтобы умерли они красивыми. Это точно. Завтра я получу от Уилкокса отчёт о вскрытии, и мы будем знать больше.

— И тебе сто́ит запросить ордер на эксгумацию тела Элизы Даунс, — напомнил я Деклану.

Он кивнул и положил письмо обратно в папку с документами.

— А что по поводу Тимоти По? — спросил я. — То, что он играл главную роль Пигмалиона в пьесе, а теперь это упоминается в письмах, не даёт тебе веских оснований его удерживать. И это не объясняет его мотив. Всё это — лишь стечение обстоятельств. Ты упускаешь наличие и мотива, и средств, и возможности.

— Ты что, его адвокат? — удивился Малвани, помолчал полминуты и продолжил:

— Ты прав. Конечно, мы отпустим его вечером и предупредим, чтобы он никуда не уезжал из города. Но я всё же намерен изучить парня более пристально.

Малвани отодвинул в сторону пустую чашку из-под кофе и начал надевать пальто и завязывать шарф.

— Идём со мной в офис «Таймс». Я хочу, чтобы ты был рядом, когда мы увидим новое письмо и поговорим с получившим его репортёром.

Но я, не двигаясь с места, посмотрел на Малвани.

— Есть ещё кое-что.

— Что? — он уже прошёл половину расстояния до двери.

— Ты не можешь понять истинную суть этих писем. И я не могу. Здесь сплошная поэтическая чепуха. Но я с тобой согласен: они — наш первый и главный ключ к раскрытию этого преступления.

Я сделал глубокий вдох и продолжил:

— Думаю, я знаю человека, который сможет нам помочь.

Эта мысль крутилась в моей голове весь день, и я всё сильнее осознавал необходимость встречи с ним. С другой стороны, мне было очень неудобно с ним связываться. Прошло уже более трёх месяцев с тех пор, как я последний раз с ним разговаривал. И после двух-трёх моих отказов присоединится к нему за ужином, его дальнейшие попытки со мной связаться прекратились. И именно этого я и хотел.

— Выкладывай, дружище! — Малвани уже полностью застегнул пальто и нетерпеливо притопывал ногой, собираясь отправиться в здание «Таймс».

— Помнишь Алистера Синклера?

Я видел, как на лице Малвани сменяли друг друга эмоции — сначала недоверие и удивление, затем озабоченность и, наконец, неодобрение.

Алистер был профессором права и криминологом, который помогал мне с расследованием дела об убийстве прошлой осенью. Несмотря на наши неоднократные разногласия, он открыл мне глаза на новые, нетрадиционные методы понимания поведения преступника.

В области знаний, эрудиции и интеллекта ему не было равных.

Но у Алистера были свои недостатки, и его эгоистичное самолюбование чуть не стоило нам раскрытия дела.

— Да ты, наверно, шутишь, — слишком спокойным голосом произнёс Малвани. — Если хочешь, чтобы нам помогли с письмами, свяжись с любым профессором литературы из любого колледжа в городе! С поэзией может помочь и обычный преподаватель. Нам не нужен Алистер Синклер!

Нет, нужен.

Я был в этом уверен и изо всех сил пытался объяснить это Деклану.

— Здесь дело не в простом понимании нескольких стихотворных строк. Мы имеем дело с кем-то — точнее, с преступником, — который использует эти строки для создания опасных писем. Алистер всю свою сознательную жизнь посвятил нахождению связи между мотивом убийства и поведением преступника. Он считает, что если узнать, как работает разум, то можно легко предсказать, какое последует поведение.

Мы молча смотрели друг на друга.

Я сделал глубокий вдох и подошёл с другой стороны.

— Две актрисы мертвы. И их убийца написал, по крайней мере, три письма: два из них здесь, у нас, и ещё одно — в издательстве «Таймс». Слишком многое поставлено на карту.

Малвани сдался, нехотя признавая мою правоту. На это я и надеялся.

— Ладно, быстро с ним поговорим и покончим с этим. Может, он сможет помочь чем-нибудь и с «Таймс». Хотя я бы на это не рассчитывал.

Он подошёл к столу своего секретаря.

— Дэнни, проверь, пожалуйста, картотеку и узнай, где живёт человек по имени Алистер Синклер. И позвони туда. Узнай, дома ли он.

— В этом нет необходимости.

Я кашлянул и плотно обмотал шарф вокруг шеи, пытаясь защититься то ли от холодного мартовского снегопада, то ли от надвигающегося противостояния.

— В такую погоду в пятницу после обеда работать в офисе в Колумбийском университете он не будет. Мы найдём его дома, на окраине города, на 72-ой улице. Я знаю, где его квартира.

Да, я знал адрес.

И надеялся, что хоть наполовину знаю живущего там человека.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Здание «Дакота», 72-ая улица, дом 1.

Алистер жил в здании «Дакоты» у западного края Центрального парка на 72-ой улице. Здание в готическом стиле стояло у самой кромки парка, возвышаясь над низкими

соседними домами. Я слышал, что здание называется «Дакота», потому что оно настолько далеко от центра города, что с лёгкостью могло оказаться и в Дакоте.

Но Алистер уверял, что свою роль в названии сыграли мотивы Дикого Запада — здание из кирпича и камня украшали изображения колосьев и наконечников стрел.

И я не сомневался, что Алистер был ближе к истине. Он считал причиной для гордости тот факт, что является одним из самых первых жителей «Дакоты».

Он переехал сюда почти двадцать лет назад, когда эта часть города была ещё практически не заселена. А дух авантюризма и желание бросить вызов окружающим привели Алистера к покупке этой квартиры.

Прошло уже почти четыре месяца с тех пор, как я в последний раз видел Алистера. Или Изабеллу.

Я часто о ней думал, несмотря на моё решение больше никогда с ней не встречаться.

Мой взгляд помимо воли переместился на дверь напротив квартиры Алистера.

Это было жильё, которое Алистер приобрёл в качестве свадебного подарка для своего сына Тедди и его жены Изабеллы.

Но спустя всего два года Изабелла овдовела — Тедди убили во время археологической экспедиции. Детали этого происшествия я до сих пор не знаю.

И теперь, как бы необычно это не выглядело в глазах общественности, Изабелла осталась в старой квартире, поддерживала хорошие отношения с Алистером и помогала ему в исследованиях в области криминологии, которые стали всепоглощающей страстью мистера Синклера.

А Алистер начал жить отдельно от жены, которая переехала на постоянное место жительства за границу.

О нашем прибытии известили из лобби, поэтому ещё прежде, чем я постучал в дверь квартиры на восьмом этаже, её открыла горничная Алистера, миссис Мэллоун.

Женщина поприветствовала меня официальным: «Детектив Зиль», и даже не подала вида, помнит ли она меня с прошлой осени.

Она споро забрала наши пальто и почистила обувь, прежде чем мы ступили на роскошные турецкие и индийские ковры, выстилающие коридор к библиотеке Алистера.

Затем миссис Мэллоун провела нас в комнату, которую по праву можно было называть маленьким, уютным художественным музеем — Алистер много путешествовал по миру, и его дом был полон произведений искусства из разных стран.

Горничная провела нас через комнаты с китайскими вазами, картинами европейских художников, резными деревянными и мраморными статуями и даже гобеленом с изображением единорога и охотника.

Но всё это ни в какое сравнение не шло с самой библиотекой — книжные полки занимали все четыре стены.

Они тянулись от самого пола до потолка, и все были заставлены книгами в кожаных переплётках и каменными статуэтками. Единственные места, не затронутые полками, — это мраморный, отделанный декоративной плиткой камин и широкое окно на восточной стене.

Сегодня из окна открывался превосходнейший вид на укутанный снегом Центральный парк.

Я услышал, как при виде парка у Малвани перехватило дыхание, хотя обычно его было тяжело впечатлить подобными вещами.

Когда мы вошли, Алистер стоял лицом к камину, хотя я был уверен, что наши шаги он

слышал. Тем не менее, он не повернулся, пока Малвани тихонько не кашлянул.

Тогда Алистер развернулся к нам и с широкой улыбкой направился к Малвани.

— Кажется, мы ещё ни разу не встречались, хоть я и многое о вас слышал. Я — Алистер Синклер.

— Деклан Малвани, — кратко ответил мой напарник.

Они энергично пожали друг другу руки.

Затем Алистер повернулся ко мне с нечитаемым выражением лица. По глубоким морщинам, пересекавшим его лицо, я мог с уверенностью заявить, что последние несколько месяцев дались ему нелегко.

После окончания нашего совместного дела пресса немилосердно над ним издевалась, а в газетах то и дело мелькали заголовки, вроде «Известный профессор криминального права укрывает преступника в собственной лаборатории».

И неприятности от подобных статей только усугублялись личным предательством по отношению к Алистеру.

— Зиль.

Он пожал мою руку, хотя, как и всегда, был очень осторожен, чтобы не сжать слишком сильно раненую кисть.

Я поприветствовал его, и, когда наши взгляды встретились, я в который раз был поражён цветом и чистотой его глаз. Это был не обычный голубой цвет. Нет, скорее, ярко-лазурный, цвета безоблачного неба. И хотя глаза Алистера горели умом, их ясный, холодный цвет намекал об отсутствии тепла.

Мы обменялись ещё несколькими любезностями и перешли к делу.

— Что привело вас сюда, господа?

Он не пригласил нас присесть.

— Мы расследуем сложное дело, — ответил я. — И надеемся, что вы сможете пролить свет на некоторые непростые свидетельства, найденные нами.

Мы с Малвани продолжали неловко стоять, а Алистер направился к столику, взял кувшин воды и налил себе стакан.

А нам не предложил.

Малвани встретился со мной взглядом и жестом показал, что уже был готов попрощаться.

Но Алистер повернулся. Его любопытство и ум, похоже, пересилили желание держать обиду.

— И что это за дело? — спросил он.

— Довольно запутанное, — ответил я. — Как раз из таких, что вам нравятся.

Алистер пару секунд молчал, а затем захохотал — в полный голос, от души.

Он не мог удержаться: глаза загорелись, а лицо покраснелось от возбуждения.

— Ну что же, рассказывайте.

И с внезапным энтузиазмом пригласил нас присесть рядом с камином.

Алистер развалился с комфортом на тёмно-синем, обтянутом бархатом диване, а мы с Малвани сели в кресла напротив него.

Я положил на длинный кофейный столик, стоящий между нами, два почти одинаковых письма.

Алистер смотрел на нас несколько мгновений и не двигался.

— Любовные письма? — вопросительно вскинул он бровь.

— Вроде того, — ответил я. — Не прочитаете? — я откашлялся. — Судя по почерку и выбору бумаги, мы полагаем, что оба письма были написаны одним и тем же человеком.

— Вы поместили их в защитный файл, — кивнул Алистер на письма. — Значит, это улики, а не просто случайные записки с места преступления.

— Да, мы так считаем, — произнёс Малвани. — Что вы можете нам о них сказать?

— Лучше вы сначала расскажите мне о деле, — возразил Алистер.

— Нет, прежде всего, мы хотели бы услышать ваше мнение о данных письмах, — сказал я, стараясь сделать вид, что моё предложение не просчитано заранее.

На лице Алистера отразилась мрачное упрямство, и на мгновение я подумал, что он откажет.

Но, в конце концов, он потянулся к кофейному столику и медленным, неспешным движением поднял письмо на нежно-голубой бумаге, подписанное: «Вещественное доказательство № 1».

Это было письмо, найденное рядом с мисс Даунс в театре «Империя», где её убили три недели назад.

Алистер первым делом проверил водяные знаки, но тут я был на шаг впереди него.

— Это бумага фабрики Крейна, — произнёс я, — и вы знаете, что её продают почти во всех магазинах в городе. Не думаю, что нам удастся определить автора письма по выбору бумаги.

— Само письмо — вот, что важно, не так ли? — спокойно произнёс Алистер. — *«Я протянул ладонь... И задушил...»*, — он остановился. — Я правильно понимаю: эти строки относятся к человеку — точнее, к женщине, — которая была задушена?

Мы обменялись быстрыми взглядами с Малвани, и после того, как он почти неуловимо кивнул, я ответил:

— Мы считаем, что это возможно, хотя ещё ждём официального отчёта коронера.

— Значит, внешних признаков никаких не было? — Алистер заволновался ещё сильнее. — Никаких синяков на шее? А что насчёт глаз? Даже если они визуально не увеличены, то, по крайней мере, от давления и напряжения должны были лопнуть кровеносные капилляры.

Я вспомнил, как Макс Уилкокс раздвигал и выворачивал веки мисс Жермен, и покачал головой. Он исследовал сосуды, но не нашёл ничего определённого.

Я раньше слышал об убийцах, которые обладают достаточным умением для того, чтобы задушить жертву и не оставить следов. Но подобное мог провернуть лишь опытный убийца — и это я объяснил Алистеру.

— Если она действительно была задушена, то я думаю, доктор Уилкокс сообщит нам, что убийца использовал мягкую ткань. А я бы к этому добавил тот факт, что преступник, скорей всего, имеет в этом деле определённый опыт.

Алистер слегка прикусил губу.

— Что ж... Это действительно интересно, Зиль.

Он энергично потянулся за вторым письмом и быстро его прочёл.

— *«Кровь её я не пролью, не раню кожу, что белее снега и глаже алебастровых надгробий...»*. Ваш автор умеет красиво говорить, хотя я не думаю, что это строки его собственного сочинения. В первом письме он упоминает «мудрого поэта», а здесь — «одного из наших великих поэтов». Да и что-то в этих стихах мне кажется знакомым...

Он пристукивал ногой, размышляя, но когда в голову ничего так и не пришло, он

позвонил в звонок миссис Мэллоун — своей невозмутимой горничной.

Она пришла совсем быстро и принесла огромный серебряный поднос с чаем и печеньем с миндальным маслом. Наверно, служанка приготовила всё, когда мы ещё только пришли.

Мы попробовали печенье, и, когда трапеза закончилась, Алистер попросил миссис Меллоун проверить, дома ли Изабелла.

— Я полагаю, вы хотите, чтобы она зашла к вам? — уточнила миссис Меллоун, собирая со стола тарелки, оставшиеся после еды.

— Прошу вас, — пробормотал Алистер, проглатывая последний кусочек печенья. — Вы, конечно же, помните Изабеллу, Зиль.

Как я мог её забыть?

— Она любит поэзию, так что уверен, эти строки ей знакомы, — произнёс Алистер.

У меня во рту пересохло, и я сделал глоток чая.

Встреча с Алистером сама по себе была сложной. А уж увидеть сейчас ещё и Изабеллу...

Когда мы встречались в последний раз, она поправлялась после огнестрельного ранения, которое получила в мой последний день расследования убийства.

Я решил, что лучше всего будет дистанцироваться от всего, связанного с миром Алистера — в том числе, и от его вдовствующей невестки, к которой меня тянуло. Это было неприемлемо и неподобающе.

Казалось, прошло всего пару секунд, прежде чем я поднял глаза — и увидел её.

Она выглядела более худой, чем в ноябре, и я чувствовал её сдержанность. Хотя глаза её по-прежнему горели мягким светом, она поприветствовала нас с Малвани официальным тоном.

«Она не хотела приходить», — с разочарованием понял я.

Если Алистер и заметил некую неловкость, то не придавал ей значения. Сам он уже давным-давно забыл про обиду. Письма разожгли в нём неуёмное любопытство, а когда Алистера что-то захватывает, всё остальное не имеет никакого значения.

— Посмотри, — сказал он Изабелле, сдвигаясь в сторону и освобождая для невестки место на диване рядом с собой. — Я раньше читал это стихотворение, но думаю, тебе проще будет вспомнить, кому оно принадлежит.

Изабелла присела на диван, разгладила тёмно-коричневую юбку и взяла оба письма. Её глаза быстро перебегали со строчки к строчке. Я видел, как она наморщила лоб, когда поняла содержание писем.

— Где вы их нашли? — спросила Изабелла.

— Каждое из них было оставлено рядом с молодой девушкой, найденной мёртвой. Предположительно, задушенной, — ответил я.

Изабелла на минуту задумалась.

— Что ж, строки довольно просты. В первом письме автор цитирует Роберта Браунинга — тут сразу несколько столбцов из его «Любовника Порфирии».

Она положила письмо на кофейный столик таким образом, чтобы нам всем было видно.

«...Я протянул

Ладонь — и, волосы ея

Собравши в длинную струну,

Вкруг тонкой шеи обернул

*И задушил. Всё! Умерла
Она с улыбкой на устах».*

— Но убийца не проделал ничего из перечисленного, — произнёс Малвани. — На ней был парик, и она уж точно не была задушена собственными волосами.

Изабелла улыбнулась.

— Сейчас всё объясню. Но сначала гляньте на второе письмо — это выдержка из шекспировского «Отелло».

Изабелла поднялась с дивана и подошла к книжным полкам рядом с камином. Она взобралась по небольшой лестнице наверх, потянулась к полке и вытащила толстый том в кожаном переплёте. Вернувшись к кофейному столику, положила книгу и начала перелистывать страницу за страницей.

— Вот! — торжественно воскликнула она. — Акт пятый. Сцена вторая. Строка третья. *«Кровь её я не пролью, не раню кожу, что белее снега и глаже алебастровых надгробий...».*

— Браунинг и Шекспир, — размышлял Алистер. — Я бы сказал, что ваш автор — образованный человек. Об этом свидетельствует и написанное: он использует определённый стиль; слова все использованы грамотно; нет ошибок в грамматике и пунктуации.

— Значит, вы считаете, что это человек высшего сословия? — уточнил Малвани.

— Не обязательно, — Алистер начал объяснять свою точку зрения. — Посмотрите на почерк: ровный нажим. Он купил бумагу высокого качества. И процитировал двух великих английских поэтов. Но это не обязательно говорит о том, что написавший письма — человек из высшего класса. Скорее, я склонен думать, что он приложил кучу усилий, чтобы мы подумали именно так.

Мы минуту размышляли над словами Алистера.

— Что ещё вы можете сказать об авторе по этим письмам? — спросил я.

Алистер усмехнулся:

— Зиль, вы меня несказанно радуете. Неужели вы заинтересовались моим методом размышления над поведением преступников?

— Не обольщайтесь, — отшутился я. — Я не поддамся на ваши теории. Но в подобных случаях, когда нам не от чего оттолкнуться, никогда не повредит посмотреть на проблему с разных сторон.

— Особенно в подобных случаях, когда убийца пытается с вами общаться, — подхватил Алистер, и его голос стал очень серьёзным.

— Зиль, вы же знаете, я не верю, что преступниками рождаются. Я никогда не поддерживал безумные идеи Ломброзо⁴ и его последователей о том, что на формирование преступного поведения влияет лишь биология и наследственность. Да, биология может сыграть в этом свою роль. Но она не является первопричиной. Преступника формирует какое-то обстоятельство в его жизни или стечение обстоятельств. Поэтому вопрос в том, что сформировало его? А вам, Зиль, — добавил он, — больше понравится, если я поставлю вопрос так: что сформировало его мотив? Почему он ведёт себя так, как ведёт? Почему...

— Почему он убивает так, как убивает? — закончил я за Алистера.

— Точно, — мрачно кивнул он.

Мы молча посмотрели друг на друга, понимая один другого без слов.

Алистер разложил на столе письма так, чтобы нам всем было видно, и продолжил:

— Во-первых, я хотел бы у вас спросить: что в этих двух бумагах одинакового?

И замолчал. Конечно, он мог и сам нам рассказать. Но всем было ясно: Алистер хотел, чтобы мы сами увидели всю картину.

— Ну... В каждом из писем говорится о мёртвой девушке, — храбро рискнул Малвани.

— Именно! — энтузиазм Алистера бил через край, словно мы только что открыли нечто чрезвычайно важное.

Малвани заколебался.

— Но если он не сам писал эти стихи, то разве это важно?

— Конечно! Таким образом он пытается с нами общаться, — ответил Алистер.

— А что по поводу того, что в начале писем он пишет об игре в Пигмалиона? Зиль со мной не согласен, но мы нашли актёра, исполнявшего роль Пигмалиона в недавно возродившейся пьесе. Я думаю, это может быть связано с ним. Он даже был знаком с одной из жертв.

Малвани всегда был упрям в своих идеях.

Алистер ответил ему с безграничным терпением.

— В другой ситуации я бы тоже не согласился с Зилем, но тут, боюсь, он прав. Автор этих писем слишком изысканен. Или скажем по-другому: он совершил нечто гораздо более сложное, чем отсылка к обычной театральной роли.

— Хм, — Малвани был полностью сбит с толку.

— Алистер пытается сказать, что это было бы слишком очевидно, — пояснил я.

Алистер одобрительно улыбнулся.

— Почему эти женщины мертвы?

— Какой-то парень их убил. Это важно? — Малвани потерял терпение и начал бурчать.

— Я думаю, важно то, каким образом они были убиты, — произнесла Изабелла, ощущая растущее в Малвани разочарование. — И Порфирия, и шекспировская Дездемона были задушены. И в обоих случаях на теле женщин не было обнаружено ни единого повреждения. Не было ни одного видимого свидетельства их боли.

Изабелла на мгновение прервалась.

— Саймон, это совпадает с реальными смертями, которые вы расследуете? — с любопытством взглянула она на меня.

Я утвердительно кивнул, но вслух ответил Малвани:

— Абсолютно. Мы уже целый день обсуждаем, что убийца хотел, чтобы они умерли прекрасными.

Фраза Малвани была для Алистера, как бальзам на душу.

— Я думаю точно так же, — широко, белозубо улыбнулся он. — Попомните мои слова, как только мы поймём, почему для него важно не просто убивать, а убивать именно в такой манере — именно тогда мы и получим ключ к пониманию его мышления.

Мы с Малвани продолжили описывать, как была инсценирована каждая из смертей. В буквальном смысле слова.

— Думаю, важно то, как в игру вступает личность Пигмалиона, — заметил Алистер. — Нет, она не относится к спектаклю, в котором играл Тимоти По, — прервал он Малвани, который уже открыл рот, чтобы что-то сказать. — Здесь скорее речь о самой личности Пигмалиона. Поэтому я уверен, что автор писем знаком с легендой о Пигмалионе — мужчине, создавшем из мрамора прекрасную женщину и влюбившемся в неё. В этом деле важен сам процесс создания.

Изабелла продолжила:

— Да, и посмотрите, что говорят о ней строки писем. В обоих случаях мужчина пишет о любви. На самом деле, он не хочет ей навредить: вспомните цитату из «Отелло», где он отказывается проливать её кровь и ранить кожу. А в строках Браунинга поэт-убийца хочет сохранить прекрасный момент, и даже после её смерти он продолжает видеть в ней живые черты. Посмотрите на эти строки.

Она постукала кончиком пальца по письму.

— Он считает себя создателем чего-то прекрасного и хочет это сохранить.

Тут её перебил Малвани:

— Стойте. Минутку. Вы говорите, что автор этих писем убил двух девушек для того, чтобы их сохранить? Да в этом нет ни капли смысла!

— Он говорит не о сохранении жизни, — быстро ответила Изабелла. — Он желает сохранить своё виденье — их потенциал, возможности, которые могли бы раскрыться, если бы он всё сделал несколько по-иному.

— Я полагаю, — вступил Алистер, — что Изабелла хочет сказать вот что: жизнь для этого автора — разочарование. Но искусство — нет.

Этим комментарием Алистер перегнул палку.

— Это не искусство, — резко заметил я. — Это убийство.

— Только не с точки зрения убийцы, — возбуждённо отстаивал свою точку зрения Алистер. — Вы же знаете, что в этом деле важно его виденье ситуации, а не наше.

Он поднял оба письма со стола.

— Мужчиной, который это написал, — а я уверен, что это мужчина, — не управляют рациональные мысли. Но не стоит полагать, что он не образован и не умён. Автор знаком с Шекспиром. Знаком с Браунингом. И действует он полностью согласно своей собственной логике. И именно это нам..., - он замолчал на полуслове. — Точнее, именно это *вам* нужно помнить, если хотите раскрыть это убийство.

— Если, конечно, нам не повезёт, и мы не застанем его на месте преступления, — усмехнулся Малвани.

— Что ж, — любезно улыбнулся Алистер, — тогда вам действительно повезёт. Мужчина, которого вы ищете, всё скрупулёзно планирует, поэтому вряд ли он совершит беспечную ошибку.

Изабелла отошла в угол комнаты с чашкой чая. Мне кажется, или она изменилась? На неё не было похоже не проявить интерес к делу, которое Алистер считал захватывающим.

— Не стоит недооценивать удачу. Иногда это всё, что у нас есть, — спокойно произнёс я.

Я глянул на часы. Нам надо добраться до издательства «Таймс» до пяти часов.

Но у меня был ещё один вопрос к Алистеру.

— Как вы думаете, почему он пишет эти письма? Зачем вообще всё это? Было бы гораздо проще и гораздо менее рискованно убить и просто уйти.

Алистер пожал плечами.

— Знаете, он не первый. И уж точно, не последний. Но то, что он крайне необычен — это правда. Не многие убийцы выходят на контакт после своих преступлений. И факт того, что он поступил подобным образом, говорит нам о том, что мы имеем дело с крайне нестандартной личностью.

Он взял оба письма и протянул их мне.

— Я даже рискну предположить, что он продолжит писать. Думаю, в его следующих

письмах вы увидите больше от него самого, и меньше — от других писателей. Он использовал чужие произведения, чтобы продемонстрировать свой ум и привлечь внимание. И теперь, когда он этого добился...

Алистер на мгновение запнулся, затем наклонился к нам и продолжил:

— Он хочет сообщить что-то особенное. Вопрос вот в чём: кому именно? Возможно, он дразнит вас, пытаясь показать, что он умнее. Вы же помните Джека Потрошителя? Он тоже начинал с оскорбления полиции, но после того, как в газетах начали печатать его письма — если, конечно, допустить, что хоть некоторые письма принадлежали его руке, а не были подделкой, — мне кажется, что он влюбился в собственную популярность. Я говорю это, чтобы предупредить вас: будьте очень осторожны в данном деле.

— Но если отбросить в сторону сравнение с другими письмами... Что вы об этом думаете, Алистер? Кого именно мы ищем? — спросил я.

— Не знаю, — честно признался он. — Но одно я знаю точно: то, что вы видели, лишь начало, если вам не удастся его остановить. Он приложил огромные усилия, чтобы организовать своё идеальное место преступления, а затем написал письмо, чтобы удостовериться, что остальные поймут то, что он хотел показать. Рискну предположить, что он также потратил невероятные усилия на выбор жертвы. Он наслаждается каждой деталью своей работы. А человек, который настолько наслаждается делом своих рук, никогда не остановится. По крайней мере, добровольно.

После секундного колебания Алистер добавил:

— И, по крайней мере, этот человек, кажется, пишет именно тому, кто найдёт тело, а не целенаправленно в полицию или газеты.

Мы с Малвани обменялись виноватыми взглядами.

— Вообще-то, — произнёс Малвани с тяжёлым вздохом, — этот человек пишет в газеты. Этим утром мне сообщили, что в «Таймс» получили письмо. Понятия не имею, получали ли подобное другие издательства. И если да, — угрюмо заметил он, — то, скорей всего, они будут не настолько порядочны, чтобы связаться с нами перед публикацией письма в своей газете.

— Мы сейчас отправляемся в офис «Таймс». Может, хотите отправиться с нами? — спросил я.

Оценка Алистера была бы очень кстати, и я надеялся, что он достаточно заинтересовался делом, чтобы согласиться.

И он согласился. С таким энтузиазмом, что я уже начал сомневаться, а стоит ли привлекать его к данному расследованию. Я ещё не забыл, как во время нашего прошлого общего дела он утаивал от меня информацию, которая могла поставить под угрозу его собственные замыслы.

Последнее, что мне сейчас нужно, это чтобы личные интересы Алистера вновь мешали расследованию. Он будет полезен лишь до тех пор, пока наши намерения совпадают.

— Изабелла? — Алистер посмотрел на невестку, явно желая, чтобы она отправилась с ним.

Я начал запихивать в кожаный чемоданчик письма и не поднимал глаз, пока не услышал её ответ.

— Нет, спасибо. Я лучше останусь дома.

Её отказ был категоричным, но она подошла к нам с Малвани и вежливо пожала руку сначала ему, а затем мне.

— Была рада снова вас видеть, Саймон.

Она была любезной, но отстранённой.

Думать, что она могла вести себя по-другому — значит, обманывать себя. Но однажды, всего несколько месяцев назад, всё могло бы стать иначе — и от осознания этого становилось горько на душе.

Мы вышли из квартиры Алистера и стали ждать, пока приедет лифт.

И если бы я не рискнул обернуться перед тем, как войти в него, то не увидел бы на лице стоящей в дверях квартиры Изабеллы странного выражения.

И когда она встретилась со мной взглядом, то прикусила губу, сделала шаг назад и решительно захлопнула за собой дверь квартиры.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Студия местных новостей, здание «Таймс», 42-ая улица.

— Какие у нас горячие новости? Несите сюда!

Редактор — лысеющий мужчина, сидящий во главе стола, — рывкнул на паренька, который пытался не потерять равновесия, входя в редакционный зал нью-йоркской «Таймс», и донести до стола по пачке газет на каждом плече. Газеты, которые нёс юноша, были свежееотпечатанными, и чернила измазали его кожу и одежду чёрными полосами.

Он качался под тяжестью стопок, но не уронил ни одной газеты, пока не донёс их до редакторского стола.

Попытки молодого человека аккуратно положить газеты на стол провалились, и каждая стопка приземлилась на столешницу с громким стуком, разбрасывая в стороны карандаши, ножницы и бумажки с заметками.

Мы с Малвани и Алистером смотрели на разворачивающиеся события из единственного закрытого офиса на четырнадцатом этаже.

Нас попросили подождать здесь, пока не подойдёт главный редактор, чей офис занимал целую комнату — лабиринт из деревянных столов, за которыми сидели репортёры и редакторы. Все работали в бешеном темпе, создавая постоянный шум, а воздух в помещении стал густым от дыма сигар и сигарет.

Дверь офиса была открыта настежь, и мы наблюдали, как репортёры яростно набирали на печатных машинках свои статьи. Редакторы вырезали и клеивали редактируемые ими тексты, а небольшая группа из пяти человек — которая, вероятно, уже закончила свою работу — шумно играла в покер в углу комнаты.

Их игра прерывалась лишь на частое сплёвывание окрашенной табаком слюны в сияющие на солнечном свете плевательницы, установленные в помещении.

И каким-то образом в подобном хаосе готовился завтрашний выпуск газеты.

— Проверим конкурентоспособность.

Редактор за главным столом положил сигару на блюде и схватил газету «Трибьюн» с верха стопки. Он просмотрел её, наверно, за пару секунд, и перешёл к «Пост».

И недовольно хмыкнул.

— Мы мало разузнали об истории с хищением имущества Тайлеров.

Все репортёры в комнате начали усиленно листать всё, что лежало на их столах.

— Джонни, следующий раз лучше поработай со своими источниками на Уолл-стрит.

Договорились?

— Конечно, босс, — ответивший репортёр нервно провёл руками по густой копне каштановых волос.

Но редактор уже перешёл к следующему вопросу.

— Фрэнк, — произнёс он. — Мы же получили историю об освобождении дамы по фамилии Снайдер во время суда, так?

Он не поднимал взгляд и продолжал просматривать бумаги.

— Да, получили, босс.

Ответ пришёл от худого, высокого мужчины с низким голосом, сидящего в пятом ряду.

Это было неприятным напоминанием о решении по моему делу, которое озвучили лишь сегодня утром.

У меня ёкнуло сердце, а лицо загорелось от стыда — словно они критиковали меня, а не просто обсуждали вердикт присяжных. Конечно, не стоило принимать это на свой счёт. Но я не мог по-другому.

Если бы я только смог найти лучшие доказательства против этой женщины... Доказательства, которые смогли бы опровергнуть её уверения в собственной невиновности.

— Что об этом говорится в «Пост»? — на этот раз вопросы начал задавать репортёр.

Редактор снова хмыкнул.

— Их обычная помпезная ахинея. Но они получили интервью с матерью, которая живёт отдельно.

На пару секунд в помещении наступила тишина.

— Кто проверял твою статью? — спросил редактор.

— Мистер Сейден, — ответил худощавый репортёр. — Он ушёл рано. Вы же помните, он всегда уходит рано по пятницам.

Редактор, так ни разу и не поднявший глаз от бумаг, выпрямил спину и стал вчитываться в статью ещё внимательнее. Все мужчины за столами тоже последовали его примеру и с неподдельным интересом уставились в свои записи.

Из дальнего конца этажа к нам направился мужчина в пронзительно-синем костюме и жёлто-красном галстуке.

Ира Зальцбург, главный редактор. Низенький и полный, но дорогая и яркая одежда превращала его во внушительную фигуру. Он это знал и всем своим видом это показывал.

Не здороваясь ни с кем на этаже, он сразу направился к себе в офис, кивнул и закрыл дверь с чрезмерной театральностью.

— Господа, — поприветствовал он каждого из нас простым рукопожатием.

После должных представлений, мы сели на деревянные стулья для посетителей, а мистер Зальцбург развалился в огромном мягком кресле и закурил сигару.

— Добро пожаловать на Таймс-сквер.

Да, это была Таймс-сквер, но только в головах работников «Таймс». Около двух лет назад «Таймс» переехал из окраины города, где располагалось издательство, в новое здание — второй по высоте небоскрёб на Манхэттене, стоящий на небольшом островке на пересечении трёх улиц: Седьмой Авеню, 42-ой улицы и Бродвея.

Раньше эта площадь называлась Лонгакр-сквер, но среди жителей ходило и её другое название — Основное Течение. И хотя сейчас площадь была официально переименована в честь газеты, никто не называл её «Таймс-сквер».

Два года — слишком мало, чтобы изменить привычки.

Малвани заговорил первым.

— Мы хотим поговорить с вами по поводу письма, которое вы получили этим утром и которое может касаться дела полиции.

Ира Зальцбург пару мгновений смотрел на Малвани, а затем перевёл свой взгляд в окно, где кипела жизнь. Площадь внизу кишела бизнесменами и туристами, певичками и посетителями ресторанов, и все они суетились и бежали в разных направлениях.

А здесь, наверху, мы неловко сидели в полной тишине.

Не отводя взгляда от окна, он, наконец, опустил сигару и заговорил, неприятно растягивая слова:

— И о каком именно письме речь, господа?

— О том, по поводу которого с нами связался сегодня утром один из ваших сотрудников, — нетерпеливо ответил Малвани.

Он не любил, когда с ним играли в игры и тратили его время.

Ира Зальцбург повернулся к Малвани и окинул его внимательным взглядом.

— Ах, да. Письмо, в котором описывается убийство в театре «Гаррик».

Малвани побледнел.

Хоть и было очевидно, что мы отправились в «Таймс» из-за письма, относящегося к сегодняшнему убийству, Малвани надеялся, что в нём не было подробностей. Но ему удалось выдать из себя приятную улыбку и продолжать, как ни в чём не бывало.

— Мы бы хотели взглянуть на письмо, мистер Зальцбург.

— Можете называть меня Ира, — предложил он, забрасывая ногу на ногу. — Как и все мои люди.

В последней фразе мне отчётливо послышалась фальшь.

Мы видели, как все на этом этаже относились к Ире Зальцбургу с огромным уважением, и было сложно представить, что хоть один из подчинённых обращался к нему «Ира».

Он поднял своё грузное тело из кресла и распахнул дверь офиса.

Зальцбург не сказал ни слова. По одному его кивку худой мужчина, говоривший о случае на суде, поднялся из-за стола и присоединился к нам. Он представился Фрэнком Райли — старшим репортёром криминальной хроники «Таймс».

Он положил перед нами письмо на уже знакомой голубой бумаге, написанное мелким почерком под необычным наклоном.

Пока мы быстро просматривали письмо, он присел на край редакторского стола.

Первую нестыковку заметил острый взор Алистера.

— Автор подписал это письмо вторником, — Алистер указал на верхний правый угол. — И ваш собственный штамп на письме подтверждает, что вы получили его во вторник.

Он ткнул пальцем в поставленную второпях ярко-красную печать: «Вторник, 13 марта».

— Но сегодня пятница, шестнадцатое число. А мы считали, что вы получили это письмо только сегодня утром.

— Вообще-то, — смущённо признался Ира, — мы получили его во вторник. Но решили, что это шутка. Мы получаем кучу писем от психов, которым больше нечем заняться.

— Тогда зачем вы его сохранили? — поинтересовался Алистер.

Ира пожал плечами.

— Если честно, то абсолютно случайно. Им занимался Фрэнк, а он у нас бережливый. Никогда не выбрасывает вещи, пока его кто-то не заставит. Ведь так, Фрэнк?

Они с репортёром обменялись заговорщицкими взглядами.

В тот момент я перестал доверять им обоим. Они делали вид, что идут на сотрудничество с нами, но на самом деле совсем не помогали.

Я изо всех сил пытался скрыть свой гнев, когда осознал, что жизнь Анни Жермен можно было спасти, если бы они восприняли серьёзно это письмо.

— Сегодня утром нам птичка на хвосте принесла новости о том, что вы нашли в театре «Гаррик». И тогда Фрэнк вспомнил об этом письме и показал его мне, — произнёс Ира.

— И что это была за птичка?

Мои глаза продолжали изучать лежащее передо мной письмо.

— Та, что работает в театре и получает солидные деньги за хорошие новости. Но я думаю, вы понимаете, что мы не выдаём свои источники, — излишне любезно ответил Фрэнк.

Я пристально посмотрел на Фрэнка, пытаюсь понять, не послышался ли мне в его фразе сарказм.

Не все репортёры были одинаковы. Большинство из тех, кого я знал, руководствовались скорее не журналистскими принципами, а личным отношением. Они защищали свои источники, только если это было им на руку. А если нет, они сдавали их без малейшего колебания.

В «Таймс» тяжело работали, чтобы заслужить репутацию издательства серьёзных и проверенных новостей, но сложно было понять, насколько полно Фрэнк следует этим нормам.

— В театре «Гаррик» не было репортёров, — произнёс Малвани на повышенных тонах. — Я там был и знаю.

Фрэнк склонил голову на бок.

— Возможно, я заскочил на минутку, чтобы навестить свой источник.

Мы с Малвани переглянулись.

Это вполне могло быть правдой. Стараясь держать произошедшее в тайне, Малвани не поставил перед входом в театр ни одного полицейского. Естественно, такой опытный репортёр, как Фрэнк, мог додуматься воспользоваться чёрным входом.

Малвани поднялся со стула.

— Вы... вы же знаете, что находиться на месте преступления без разрешения противозаконно, — яростно произнёс он.

— Не горячитесь, капитан, — Фрэнк успокаивающе поднял руки. — Я просто поговорил с парочкой уборщиц за кулисами. Я не подходил к сцене, где она была убита. К тому же, я решил, что лучше сначала связаться со своим редактором и согласовать наши действия в свете полученного письма.

— Вы были там. Вы могли поставить нас в известность и сэкономить нам время, — с горечью произнёс Малвани.

Фрэнк лишь пожал плечами.

— У меня с собой не было письма.

— Но девушку убили...

Я прервал Малвани, пока его ярость не сорвало их и так неохотное сотрудничество.

— Давай внимательнее взглянем на письмо.

Малвани сдержал гнев и сосредоточился на письме, адресованном главе «Таймс».

«Дорогой мистер Охс,

Это ваш шанс на самую крупную статью дня. Ваша работа? Что ж, вы должны опознать возможность, которую я готов вам предоставить. Я приготовил новое представление для сцены. На прошлой неделе я уже провёл прослушивание на главную женскую роль, и должен вас уверить — она прекрасна.

*А свершится дебют её в пятницу в театре Гаррика.
Девушка не будет бояться сцены, ведь я очень деликатен.
Жизнь я создаю из смерти, подобно богу, и красоту, и
Дивное очарование, подобно скульптору, там, где их нет.
Если вы готовы — лицезрите моё произведение искусства!
Только лишь во имя прекрасного созидания».*

Письмо было подписано *«Искренне ваш»*.

Письмо было не таким, как я ожидал, и у меня в голове крутились десятки вопросов. Только я их, естественно, не стану задавать прямо перед Зальцбургом. Придётся подождать, пока мы от него отделаемся.

— Вы заметили акростих⁵? «АД ЖДЁТ»?

Похоже, Алистер даже не заметил, что произнёс это вслух.

— Я бы сказал, что это аллюзия на Джека Потрошителя, который также писал в газеты, и пара его писем была подписана «Из ада», — ответил я, не задумываясь, и сразу же об этом пожалел.

Глаза Иры загорелись, а губы скривились в довольной усмешке.

— Тогда вы имеете дело с серийным убийцей, господа.

Ответ Алистера был холоден.

— В этом нет никакой логики, и я не стал бы делать такие выводы, поскольку нет никаких других сходств между смертью мисс Жермен этим утром и убийством проститутки в Уайтчепеле почти двадцать лет назад.

Я поразился, насколько красиво и профессионально Алистер пресёк подобные разговоры — Ира сразу запнулся и что-то в замешательстве забормотал.

— Зачем же автору письма — допустим, он и есть убийца, — заранее предупреждать «Таймс» о своих планах? — спросил Малвани.

— И особенно мистера Охса, — добавил Ира. — Автор явно знает имя главного человека.

Алистер нахмурился.

— Эта информация, если вы не в курсе, печатается в каждой газете, и её довольно просто найти. Но вот факт того, что он начал с личного обращения, может кое-что значить...

— Письмо было доставлено лично мистеру Охсу? — уточнил я.

— Только его секретарю, — ответил Фрэнк. — Когда он получает корреспонденцию, не подходящую мистеру Охсу, он перенаправляет её. Данное письмо он отдал мне, решив, что это розыгрыш.

— А вы кому-нибудь показывали это письмо? — я решил уточнить, какой путь прошло это письмо, и кто с ним ознакомился.

Фрэнк посмотрел на меня спокойно и без малейшей тревоги.

— Да. Мы с парнями на этаже долго над этим смеялись. А почему нет? Кто воспримет

серьёзно сумасшедшего парня, который возомнил себя великим мастером с властью Господа бога?

Я понимал его точку зрения, но всё же решил добиться ясности.

— Значит, в то время вас ещё не обеспокоило это письмо? Вы не думали обратиться в полицию? Как мы сейчас понимаем, это письмо служило предупреждением о предстоящем убийстве.

— Не-а, — ухмыльнулся Фрэнк. — Мы решили, что оно написано каким-то сбрендившим из театральной среды, который решил написать что-то претенциозное, но не преуспел. Но, когда я услышал сегодня утром об убийстве в театре «Гаррик», я вспомнил про него. Я не был уверен, что письмо имеет отношение к этому преступлению, — снова пожал Фрэнк плечами. — Но это уже ваша работа, ведь так?

Получается, они виновны в игнорировании того, что теперь оказалось прямыми уликами. Но в «Таймс» не знали — пока не знали — о двух других письмах и о первом убийстве. Малвани был настроен так всё и сохранить, поэтому начал благодарить Иру Зальцбурга и Фрэнка за потраченное время.

— Мы ценим, что, в конце концов, вы нам позвонили. Дайте знать, если получите ещё что-нибудь подобное.

Голос Малвани был нарочито небрежным, когда он потянулся за письмом на голубой бумаге, чтобы спрятать его в карман. Но Ира твёрдо прижал бумагу пальцем в районе штампа с датой.

— Не так быстро, капитан.

Он улыбался, но в голосе было отчётливо слышно предупреждение.

Мы замерли. Никто не проронил ни слова.

— Я думаю, что это письмо важнее, чем вы хотите показать. Фактически, я могу поставить его на кон в игре. — Он рассмеялся неприятным, резким смехом. — А почему бы и нет? Я часто играю с теми парнями.

Он кивнул в сторону игроков в покер, которые до сих пор сражались за выигрыш. Затем Зальцбург наклонился к Малвани и добавил:

— И я никогда не проигрываю.

Не отпуская голубое письмо, он другой рукой открыл ящик стола и вытащил оттуда два листа бумаги. На одном была напечатанная на машинке копия письма, а на другом — его фотография.

И лишь после того, как он положил оба листа бумаги на стол, Ира убрал руку с оригинала.

— Видите, капитан? Я избавил вас от необходимости делать мне копию. Можете забрать своё письмо. Но у меня есть несколько условий.

— Это улика по делу об убийстве, мистер Зальцбург. Мне не нужно ваше разрешение, чтобы его забрать.

Малвани оставался предельно вежлив, но тон стал резким.

— Ну, конечно, конечно, — покивал Ира. — Но вам нужно моё сотрудничество, если вы не хотите увидеть вот это — а то и нечто бóльшее — в завтрашней газете. А если автор письма снова с нами свяжется...

Предупреждение повисло в воздухе.

Алистер попытался сгладить абсолютно не завуалированную угрозу Иры Зальцбурга.

— Вы знаете, что в театре «Гаррик» умерла актриса. И вы получили письмо, которым

интересуется полиция. Больше у вас ничего нет. Мне кажется, что этого маловато для хорошей статьи, если только вы не собираетесь сочинить её из воздуха.

— Я знаю, что значит, — возразил Ира, — когда в мой кабинет входит известный профессор права. Особенно с вашим прошлым.

Его улыбка стала скользкой, когда он уселся обратно в кресло и закинул ноги на стол. Чёрные туфли, начищенные до зеркального блеска, сверкнули в лучах заходящего солнца, падающих через окно.

— Если вы задействованы в этом расследовании и заинтересованы в данном письме, значит, я наткнулся на хорошую историю.

— Боюсь, моя заинтересованность закончится ничем, — с долей самоиронии произнёс Алистер.

Ира засмеялся в ответ.

— Вы же хотите сохранить всё в секрете, господа? — Ира выдохнул клубы дыма.

— Мы этого хотим в любом текущем расследовании, — тихо ответил Малвани. — Нет никакой необходимости пугать общественность или давать почву для слухов. Особенно в подобном деле.

— И что же это за особенное дело, капитан?

Похоже, редактору доставляло удовольствие раздражать Малвани. Он прикусил кончик сигары.

— Всё, чего я хочу, господа, это свою долю. Мы должны доверять друг другу. Я дам вам время. Но я хочу эксклюзивное интервью после того, как вы добьётесь существенного прогресса в деле — и с доказательствами, которые размажут по стенке «Трибьюн» и «Мир».

— Мне это не подходит, — Малвани еле сдерживал переполнявший его гнев. — Я не хочу, чтобы эта история появлялась в газетах.

Но Ира полностью проигнорировал слова Малвани.

— И чтобы убедиться, что я получу свой эксклюзив, я немедленно подключаю к этому делу Фрэнка. Он высококвалифицированный следственный репортёр.

Глаза Фрэнка слегка расширились, но больше он ничем не выдал своё удивление.

— Не очень-то это похоже на свидетельство доверия, да? — голос Малвани был пропитан сарказмом.

— Не понимаю, как вы можете ожидать, что мы поделимся информацией, если сами настолько нам не доверяете, — добавил Алистер.

Но Ира Зальцбург изящно обошёл подводные камни.

— Мы станем партнёрами. Видите ли, у нас долг перед общественностью. Мы обязаны сообщать общественности самые последние новости, как только случается убийство. Люди должны знать. Но ещё мы обязаны их уверить, что преступник не избежит наказания. Вот, что нужно услышать нашим людям в подобные времена.

Он наклонился вперёд и заговорил доверительным шёпотом.

— Послушайте, а вы не задумывались, что, напечатав это письмо, мы сможем вам помочь? Подумайте над этим. Мы можем опубликовать его точную копию, и кто-нибудь, возможно, опознает почерк.

— Но автор письма мог изменить почерк, а публикация точной копии даст почву для толков, — сказал я.

Зальцбург снял ноги со стола и выпрямил спину.

— Хорошо. Фрэнк будет проводить собственное расследование, но вы можете

использовать его, когда захотите. Передаю его в ваше распоряжение. Иногда репортёр может быть более полезным в выведывании информации, чем полицейский.

Мы посмотрели на Фрэнка, но его лицо ничего не выражало, словно он ожидал дальнейших указаний мистера Зальцбурга.

Но их не последовало, и Фрэнк кашлянул.

— Босс, думаю, мне понадобится помощь с этим делом. Мне нужен тот, кто знаком с театром и сможет расположить к себе людей, и заставить их говорить. Помните то дело с кражами на водевилях прошлым летом? Тогда я узнал, что актёры подозрительны по своей натуре. Я хочу, чтобы мне помогал Джонс.

Фрэнк не спускал глаз с Иры Зальцбурга и ждал его решения. Спустя пару секунд, он добавил:

— Да, Джонс — младший репортёр, но он в прошлом мне очень помог. Никто не может наладить беседу и вытянуть из незнакомца информацию так, как Джонс.

Ира окинул взглядом длинный ряд столов на этаже. В конце концов, он сосредоточил своё внимание на покерном столе.

— Джонс хорош, но на всю следующую неделю я прикрепил его к Бронштейну. Как насчёт Богарти?

— Он критик, а не следователь, — неодобрительно нахмурился Фрэнк. — И с ним сложно работать. Никогда не приходит вовремя и не пишет свою часть заметок. Да вы взгляните на него!

Я повернул голову к столу у дальней стены, где в самом разгаре шла игра в покер. Там одетый с иголки блондин с самоуверенным выражением лица тасовал колоду карт.

— Но он знаком с театральной средой, — Ира постукивал по столу свёрнутой в трубку бумагой. — А театралы знают его. Это то, что тебе надо. Он втёрся к ним в доверие, так что они легко и непринуждённо перед ним откроются.

На лице Фрэнка ясно читалось сомнение.

— Да, женщины откроются, как и всегда, — ухмыльнулся он. — Только вот, если вы не заметили, в общении с мужчинами он не так хорош. По крайней мере, пока не сядет с ними за карточный стол.

Но Иру было не так просто переубедить, если он уже принял какое-то решение.

— Слушай, Фрэнк. Джек Богарти — красивый парень, который любит модную одежду и симпатичных девиц. Знаю, ты считаешь его несерьёзным репортёром. Но он становится известным критиком, и это уважают. Если чары Богарти не сработают, и они не захотят с ним говорить, то всё время будут бояться, что в своей следующей рецензии Джек напишет о них нечто нелицеприятное. Поверь мне, это сработает. Я удостоверюсь, что он понимает, насколько высоки ставки.

Ира сделал глубокий вдох. Всё равно всё будет так, как решит он.

— Вот как всё будет происходить, — обратился он к нам. — Каждые несколько дней Фрэнк будет встречаться с вашими людьми и обмениваться полученной информацией. А когда с делом будет покончено, каждый из вас будет открыто отвечать на все вопросы Фрэнка для интервью. И когда убийцу заключат под стражу, вы дадите Фрэнку возможность взять у него — или её — интервью. Эксклюзив. Мы договорились?

У Малвани было такое выражение лица, словно его ударили под дых. Но ему пришлось согласиться. Сотрудничество «Таймс» было нам необходимо. Было бы гораздо хуже, если бы мы не заключили соглашения, и по городу стали бы гулять слухи, пущенные жёлтыми

газетёнками. А «Таймс», по крайней мере, нацелены на создание себе репутации серьёзного издательства.

Если до информации доберётся жёлтая пресса, это будет для них знаменательным днём. Они приукрасят правду ложью, и возмущённая публика придёт в неистовство.

В общем, при их вмешательстве вероятность раскрытия этого дела приближалась бы к нулю.

Поэтому после неоднократных взаимных заверений о сотрудничестве и конфиденциальности мы покинули офис «Таймс» и вернулись в участок, где секретарь с хмурым выражением лица передал Малвани неприятные новости — капитана хочет видеть комиссар.

Комиссар, Теодор Бингем, находился в своей должности только с января этого года и был ещё относительно неизвестен среди подчинённых. Но если он хотел увидеть Малвани около пяти часов вечера в пятницу, это означало, что он был недоволен.

Я подозревал, что Лев Айзман — художественный руководитель в театре Чарльза Фромана — выполнил свою угрозу, поднял нужные политические связи и пожаловался на подход Малвани к расследованию сегодня утром.

Малвани даже не стал снимать пальто. Повернувшись обратно к выходу, он начал перебирать бумаги в своём портфеле.

— Сегодня вечером комиссару не стоит этого видеть.

Он протянул мне письмо, отправленное в «Таймс».

— Вы, наверно, захотите повнимательнее на него взглянуть. Дадите знать, что об этом думаете.

И Малвани вышел, прежде чем я успел кивнуть.

Алистер двинулся за ним.

— Мне нужно сделать пару телефонных звонков, прежде чем мы перейдём к нашему следующему плану нападения.

— И куда вы направляетесь? — спросил я, несколько раздражённый.

Теперь, когда Ира Зальцбург больше не висел у нас над душой, я хотел изучить это письмо вместе с Алистером.

— Вопрос в том, куда *мы* направляемся, — заговорщицки подмигнул мне Алистер. — Взбодритесь, дружище! Сейчас вечер пятницы. Мы проведём его за ужином и посетим театр. Думаю, следует лично ознакомиться с репертуаром театра «Гаррик».

Я отвернулся, чтобы Алистер не заметил на моём лице улыбку.

Даже убийство не могло нарушить любовь Алистера к хорошему времяпрепровождению.

— И где мы будем ужинать? В одном из новых ресторанчиков на Бродвее? — наконец спросил я.

В северной части Бродвея начинали строить новые театры, а вместе с ними — новые рестораны, которые вытесняли стоящие там клубы, бордели и дешёвые многоквартирные дома.

— Не сегодня, — весело ответил Алистер. — Я подумывал об ужине у Шерри. Да, он далековато отсюда, но у нас куча времени. И метрдотель меня знает; он найдет нам столик, даже всё будет занято.

И небрежно добавил:

— Но сначала я хотел бы сделать звонок коллеге, который, я надеюсь, к нам

присоединится.

— И кто он? — подозрительно вскинул я брови.

— Давний знакомый, который также является экспертом в области анализа почерка.

— Алистер, — в моём голосе зазвучало предостережение. — В этом деле я просил о помощи вас, а не какого-то шарлатана. Я не хочу слышать, что характер преступника можно определить по размеру его головы или стилю его письма.

Алистер снисходительно улыбнулся.

— Вы имеете в виду френологию и графологию: эти дисциплины действительно изучают окружность чьей-то головы или образцы почерка и по ним определяют специфические черты характера. — Алистер качнул головой. — Не беспокойтесь, Зиль. Мой коллега также великолепный судебно-медицинский эксперт. Он неоднократно выступал в судах Лондона в качестве эксперта по почеркам и определению подделок. Вы увидите, что его логика основана на науке.

— Вы уверены?

Учитывая сегодняшнее утреннее происшествие в суде, мне не хотелось следовать за доказательствами, которые потом нельзя было бы показать в суде.

— Конечно, — решительно ответил Алистер. — Я очень хорошо вас знаю, Зиль, и не стану предлагать информацию, которую вы потом не смогли бы предоставить в суде.

Я неохотно согласился, и Алистер сделал звонок. Мы отправились через весь город к ресторану Шерри, где, несмотря на мои сомнения в научности подхода, должен состояться разговор, который коренным образом изменит наш подход к делу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ресторан Шэрри, пересечение 45-ой улицы и Пятой Авеню.

— Он контролирует жизнь своих подопечных больше, чем вы думаете. Не поверите, но он разрешает своим ведущим актрисам ходить только по Пятой Авеню, но ни в коем случае не по Бродвею.

— О чём вы? — я не поспевал за мыслями Алистера.

Мы шли по Пятой авеню к центру города, где располагался ресторан Шерри.

Как всегда, беспечный на вид Алистер, казалось, просто рассматривает витрины магазинов, вдоль которых мы проходили, но было ясно, что его ум продолжает лихорадочно работать.

— О Чарльзе Фромане, естественно.

— Это нелепо, — сказал я со смехом, выслушав подобное предположение. Как можно контролировать, кому и где ходить?

— Конечно, это лишь слухи, — легко согласился Алистер и взглянул на меня. — Но у меня есть причины считать, что это не ложь. Я был некогда знаком с одной из его звёзд.

Он сделал паузу для пущего эффекта.

— Вам когда-либо случалось видеть Мод Адамс на сцене? Очаровательная женщина.

Я покачал головой. Она была самой известной актрисой на Бродвее, и, естественно, я о ней слышал. Но ни разу не видел, как она играет.

— Однажды мисс Адамс поделилась со мной: Фроман считает, что жизнь актёров вне сцены полностью отражается на их репутации на сцене, — тихо произнёс Алистер. — Я

также знаю, что однажды, из-за вмешательства Фромана, мисс Адамс даже пришлось разорвать отношения, которые он считал неприемлемыми.

Я с подозрением посмотрел на Алистера, но решил не комментировать. Какими бы ни были его личные тайны, он был вправе держать их при себе.

— И какое отношение эта история — если, конечно, учесть, что она правдива — имеет к убийствам в театре «Гаррик» и в «Империи»?

— Возможно, никакого. По крайней мере, напрямую, — ответил Алистер. — Но такова среда, в которой будет проходить ваше расследование, и вам стоит это учитывать.

Я кивнул.

— Вот мы и пришли.

Алистер поднял руку и показал на классическое здание из красного кирпича, где располагался ресторан Шерри. Здание находилось в новом квартале, построенном Стэнфордом Уайтом, через дорогу от своего основного конкурента — ресторана Дельмонико.

Это был один из лучших ресторанов Нью-Йорка — место, куда люди приходили не просто поесть, а показать себя.

Я никогда здесь не был, но, как и большинство жителей Нью-Йорка, знал о его репутации. Завсегдатаи этого заведения были постоянными героями газет.

Я, конечно, не часто читал колонку светской хроники, но в последние месяцы я стал время от времени её просматривать: а вдруг я наткнусь там на имя Изабеллы?

Это был обычный пятничный вечер, и ресторан оказался забит до отказа. Но, как и предсказывал Алистер, для нас сразу нашли небольшой столик.

Сдержанный вид ресторана снаружи не подготовил меня к роскоши внутри заведения.

Пока мы шли в зал для курящих, я, открыв рот, разглядывал потолок, покрытый искусной витой сеткой, которая простиралась во всех направлениях и у стен переходила в изящный цветочный орнамент, украшавший витые окна.

Множество пальм в горшках создавали эффект тропиков, и я внезапно забыл, что за окнами морозный мартовский вечер.

Мы сели за столик. Наш официант — вышколенный мужчина в чёрном костюме — моментально оценил стоимость моего коричневого костюма, кладя мне на колени салфетку с надписью «Шерри».

Я бросил взгляд на Алистера.

Он сразу же убрал свою салфетку и тем самым избежал назойливого внимания официанта.

— Принести винную карту, сэр?

Официант обращался к Алистеру. Не ко мне.

— Не надо.

Алистер заказал бутылочку любимого бордо, которое, как он знал, хранилось в подвале ресторана.

А я тем временем пытался сосчитать лежащие передо мной вилки.

Набор был разложен слева направо от маленьких до больших вилок, за исключением самой крохотной, лежавшей сверху над тарелкой.

Я перевернул один из приборов и прочитал гравировку: «Тиффани и Ко».

Я отложил вилку в сторону и бегло просмотрел меню. Если мы хотим попасть на сегодняшнее представление, то у нас не так много времени.

Появился официант с заказанной бутылкой вина. Он с хлопком вытащил пробку и налил немного вина Алистеру в бокал для дегустации. Алистер сделал глоток и кивнул. Тогда официант налил вино и мне, наградив снисходительным взглядом, который я вернул сторицей.

— Могу я предложить вам ростбиф, сэр? Он очень популярен, подаётся с великолепным картофелем лионез.

Предложение было адресовано мне, и явно содержало грубость, которую я не смог оценить в полной мере.

— Благодарим, но мы заинтересованы в вашем сегодняшнем специальном предложении, а не в обычном меню, — ровно ответил Алистер. — Что может порекомендовать шеф-повар?

Я нетерпеливо слушал, как официант начинает описывать мясо молодого ягнёнка, не пропуская ни одной детали его приготовления.

В конце концов, я положился на Алистера, который сделал заказ за двоих: закуска из устриц, а затем ягнёнок.

Я не очень хорошо переносил устричное мясо и моментально пожалел о своём решении позволить Алистеру выбирать.

— Не думал, что снова вас увижу, Зиль, — произнёс Алистер, покачивая бокал и вдыхая аромат вина. — Но рад, что вы пришли. Не важно, случайно или благодаря предыдущим заслугам, но вы предложили мне очень интересное дело.

Но я был не в настроении поддерживать душевную беседу с Алистером.

Я взглянул на карманные часы.

— В каком часу ваш специалист по почеркам обещал к нам присоединиться?

Вновь появился официант, чтобы долить в наши бокалы вина, хотя ни я, ни Алистер не сделали больше двух-трёх глотков.

Алистер нахмурился, видя моё нетерпение.

— Доктор Вольман будет здесь с минуты на минуту.

Другой официант — на этот раз юный парень — принёс нам закуску из устриц и положил ещё одну вилку странной формы.

Алистер с нетерпением попробовал одну из них.

— Почему бы нам не расслабиться и не получить удовольствие от вина и еды? Эти устрицы великолепны. Давайте, Зиль, попробуйте!

Зная, что официант, расставлявший перед нами тарелки для оставшихся устричных раковин, пристально на меня смотрит, я сделал, как сказал Алистер.

Солоноватый вкус моря ещё можно было терпеть, но вот их холодная, скользкая текстура...

Я быстро сделал огромный глоток бордо.

Официант словно почувствовал, что мне не понравилось то, чем восхищаются все остальные, и неодобрительно нахмурился. Я посмотрел на него в ответ, и он, наконец, отошёл от столика.

Алистер, похоже, даже не заметил моей реакции и продолжил:

— Это устрицы «Блю Пойнт», редкий деликатес. Конечно, истинные устрицы из Южного залива на Лонг-Айленде уже исчезли, но эти, переселённые, тоже неплохи. Их привозят из Чесапикского залива и выращивают несколько месяцев в Южном заливе, а затем продают.

Алистер причмокнул.

— Настоящий деликатес, а не то, что продают в забегаловках на Канал-стрит.

Я не сомневался, что он прав. Но и завсегдаем ресторанов на Канал-стрит тоже не был.

Несмотря на то, что многие жители Нью-Йорка наслаждались устрицами каждый день, мне они никогда не нравились. Не нравился даже их вид. И пусть их оформление в ресторане Шерри было гораздо более изысканным, чем я когда-либо видел, устрицы всё равно выглядели неаппетитно.

— Вы уверены, что ваш эксперт сможет нам помочь? Мы могли бы лучше распорядиться этим временем — например, поговорить с актёрами в театре «Гаррик».

Я уже начинал сомневаться в плане Алистера. Я никогда слепо не бросался на новые идеи и не сразу доверял новым теориям.

К тому же, я помнил прошлое расследование с Алистером. Он был свято уверен, что благодаря своим записям и исследованиям знает человека, ответственного за жестокие убийства, которые я расследовал прошлой осенью.

И он смертельно ошибался.

Но сейчас Алистер легко и непринуждённо рассмеялся.

— С актёрами и актрисами будет легче поговорить сразу после представления, а не до него. И не забывайте, Зиль: это вы попросили меня о помощи.

Последнюю фразу Алистер произнёс с заметным самодовольством.

— Вы не можете сказать, что я вам нужен, Саймон, а потом отказаться от моего совета.

Он налил себе в стакан ещё бордо — похоже, я обидел или даже напугал нашего слишком навязчивого официанта — и продолжил:

— Искусство анализа почерка — а это действительно скорее искусство, чем истинная наука — развивалось сотни лет. Вы знаете, что первый научный трактат по этому поводу был опубликован во Франции в начале XVII века?

Я не успел ответить. К нам подошёл низенький пожилой, но энергичный мужчина. Он нёс бронзовую трость, но я заметил, что он совсем на неё не опирался, и решил, что она скорее является деталью образа, нежели необходимостью.

— Доктор Вольман, — Алистер поднялся ему навстречу.

— Профессор, — доктор Вольман приветственно кивнул и перевёл заинтересованный взгляд на меня. — Вижу, у вас новый ассистент.

— Это детектив Саймон Зиль. Я помогаю ему в новом расследовании, — пояснил Алистер. — Зиль, познакомьтесь с доктором Генри Вольманом — судебно-медицинским экспертом в области почерков, а также профессором социологии в Нью-Йоркском университете.

— Приятно познакомиться, — улыбнулся доктор Вольман и опустился на стул, прислонив трость к столешнице. — Итак, джентльмены, чем я могу вам помочь?

Он отмахнулся от протянутого Алистером меню.

— Только коньяк. Да, было бы неплохо. Попробую согреть свои старческие кости.

Он наклонился ко мне и таинственным шёпотом пояснил:

— Вскоре вы поймёте, что из года в год это всё сложнее и сложнее сделать.

Доктор печально вздохнул, а Алистер взмахнул рукой, призывая официанта, который на этот раз подошёл неохотно.

Спустя пару минут перед доктором Вольманом появился стакан коньяка, а нам с

Алистером принесли основное блюдо.

Ягнёнка подали с нарезанным ломтями жареным картофелем и яркой спаржевой фасолью. До сегодняшнего дня я много раз ел ягнёнку, но такого — никогда. Пусть я и не мог в полной мере оценить художественные изыски главного повара, я понимал, что ем нечто совершенно отличающееся от обычного мяса.

— Прежде чем мы начнём, — дипломатично произнёс Алистер, — было бы полезным, если бы вы, доктор, объяснили детективу Зилю, чем вы занимаетесь.

— Полагаю, он новичок в моей области?

Доктор Вольман вздохнул в притворном раздражении, но было ясно видно, что он рад возможности поговорить о своём занятии.

— Во-первых, я хочу отметить, что область моей работы появилась из-за роста подделок, с которым столкнулась наша страна в последние несколько десятков лет. Наше общество стало более образованным, и, к сожалению, некоторые личности пустили свои таланты на тёмные цели. Сейчас больше, чем когда-либо, закон должен знать, является ли предоставленный документ настоящим, или это искусная подделка. Отсюда, благодаря совместным усилиям экспертов, и появились основные принципы понимания проблемы.

Я резко перебил мужчину, поскольку он, как мне показалось, заметно отклонился от нужной нам темы.

— Но то, с чем мы к вам пришли, не имеет никакого отношения к подделкам.

Доктор Вольман отмахнулся от меня.

— То, что начало исследований связано с подделками, не означает, что их принципы ограничены лишь определением подделок, — нетерпеливо фыркнул он. — Давайте, я покажу вам, и вы всё поймёте.

Слегка неуверенной, трясущейся рукой он вытащил из кармана пальто записную книжку и карандаш и протянул их мне.

— Прошу вас, напишите своё имя пять раз. Так, как вы обычно это делаете.

Сбитый с толку, я подчинился и написал требуемое в столбик.

Алистер едва сдерживал улыбку. Скорей всего, он уже знал смысл этого упражнения. Возможно, он даже сам некогда его проходил.

— Видите? — доктор Вольман светился от гордости. — Отличаются не только почерка разных людей, но и подписи одного человека, написанные друг за другом. Сравните эти пять строк. Гляньте, как они отличаются: в каждой подписи буква «З» разной высоты. Буквы «и» отличаются друг от друга шириной. Даже длина вашей подписи в каждой строке разная и существенно отличается в первой и пятой попытке. Третий номер самый длинный и превышает остальные миллиметра на три-четыре.

Я взглянул на свои надписи и должен был признать, что он прав.

— И это несмотря на то, — включился в разговор Алистер, — что вы писали в контролируемых условиях среды: одно время, один карандаш, та же бумага. А теперь представьте, какими будут отличия, если писать на разной бумаге разными принадлежностями — то карандашом, то ручкой, у которых различная толщина грифеля. Иногда человек пишет в спешке, иногда — медленно и вдумчиво. А поверхность, на которой он пишет, может быть твёрдым деревянным столом, а может — мягкими листами в блокноте.

— Возраст также сказывается на почерке, — печально улыбнулся доктор Вольман. — Сегодня мои слабые руки трясутся, и написанное ни в какое сравнение не идёт с почерком

моей молодости.

— Тогда каким образом нам вообще может помочь этот анализ, если почерк настолько изменчив и зависит от окружения? — спросил я.

Я начал подозревать, что эта встреча была ещё одной гимнастикой для ума от Алистера, игрой для интеллектуального развлечения, не дающей никакой существенной информации.

— Хороший вопрос, — кивнул доктор Вольман. — Но, несмотря на все эти мелкие нестыковки, из написанного вами я могу судить о том, что вы не скроете, как ни старайтесь.

Похоже, доктор Вольман привык защищаться от скептиков.

Он продолжил:

— Взгляните на начальную «С» вашего имени. В каждой из подписей в ней есть характерная петля... Хотя она и отличается размерами в разных строках. В вашем письме наблюдается постоянный наклон влево, буквы написаны уверенно, с постоянным нажимом и соединены вместе. Но особенно...

Он оборвал сам себя на полуслове и посмотрел мне в глаза.

— Подозреваю, вы не всегда писали левой рукой. Что-то произошло — травма правой кисти или предплечья — и это заставило вас сменить основную рабочую руку. Ваше написание уверенное и твёрдое, но медленное. Я заметил минимальное колебание, неуверенность при письме, если хотите. И это выдаёт с головой тот факт, что ваша манера написания появилась недавно, а не выработана годами с рождения. Подобная же черта развивается у человека, страдающего артритом. Вы уже не молоды, но ещё и не достаточно стары, чтобы страдать заболеваниями суставов. Следовательно, вы были ранены, о чём и свидетельствует ваше написание, нравится вам это или нет.

— Довольно интересно, — я был потрясен его открытием, но не хотел этого показывать. Мне нужно было его заключение о почерке убийцы, а не о моём.

Я протянул доктору письмо убийцы Даунс, которое нам оставил Малвани, а Алистер передал письмо, полученное редакцией «Таймс».

— Что вы думаете об этом?

Он не ответил, продолжая внимательно рассматривать письма.

— Не скажу, что у нас есть какие-то реальные сомнения, — заявил я, — но мы полагаем, вы подтвердите, что они написаны одним и тем же человеком. Бумага одинаковая — голубая от фирмы Крейна — и почерк такой же убористый. Мы заметили схожести в написании букв «и», «с» и «в» и в манере их соединения с соседними буквами. Они почти идентичны.

Доктор Вольман хмыкнул, потом взял письмо, найденное рядом с телом Элизы Даунс.

— Во-первых, то, что я вам скажу, вы наверняка уже и так знаете. Вкратце: судя по содержанию, это хорошо образованный человек, знакомый с поэзией, в том числе и стихами Браунинга. Ни одной орфографической или пунктуационной ошибки, слова и предложения составлены по всем правилам.

Но, когда доктор Вольман развернул письмо из «Таймс», его глаза загорелись от возбуждения, словно он готов был поведать нам очень важный секрет.

— А вот это письмо — чистой воды золото. По крайней мере, для вас. Почему? Сейчас объясню.

Он положил перед нами письмо, чтобы было видно всем, и даже Алистер взглянул на него с интересом, ожидая, что скажет доктор Вольман.

Наконец, он откашлялся и заговорил.

— Если вы надеетесь с помощью писем выяснить личность убийцы и поймать его, то именно это письмо в «Таймс» может вам помочь. Благодаря его длине, мы можем получить важную информацию о лингвистических привычках автора и его истинном подчерке. На короткое время любой может изменить манеру изложения и написания. Но вот на длительный промежуток... Его манера письма одинакова на всём протяжении листа, а значит, мы можем с уверенностью утверждать, что видим истинный подчерк человека.

— Почему его тон стал более небрежным? — спросил я и процитировал написанное. — *«Это ваш шанс на самую крупную статью дня. Ваша работа?»*

— Он пишет для другой аудитории, — тихо произнёс Алистер. — Обращаясь в газету, а именно в «Таймс», он взаимодействует с людьми, которых там не было. Эти люди не знают его жертву, не видели её тела. Значит, для него важно не столько то, что он сделал, а то, кто он и чего хочет.

Так кто же он? И чего хочет?

Я перечитал письмо, вновь заметил тревожное «ад ждёт» и невольно содрогнулся. Неприятно было сегодня утром смотреть на жертву, но ещё более пугающим для меня было чтение его письма.

Доктор Вольман снова заговорил, привлекая моё внимание к письму.

— В его истинном почерке буквы довольно широкие с частым отрыванием ручки от бумаги. Это движение пера прочно укоренилось в нём, и ему будет очень сложно избавиться себя от этой привычки и скрыть её. Сравните написанное.

Он указал на начальные строки в каждом письме.

— Заметили? В каждом случае он сначала пытался писать с наклоном влево. Но не смог удерживать эту манеру долго. Поэтому к середине письма, — доктор Вольман показал нам, где именно, — он вернулся к своему настоящему написанию с лёгким наклоном в правую сторону. И во всех его «у» и «д» есть характерные петли, которые, как я считаю, настоящие.

Доктор Вольман был доволен собой, продолжая:

— Также с определённой уверенностью могу вам заявить, что автор — человек в самом расцвете сил. У вас может возникнуть искушение решить, что он старше и у него слабые руки, раз пишет так мелко.

Я кивнул. Про этот убористый почерк я подумал в первую очередь.

— Но если бы он был пожилым, вряд ли мы увидели эти постоянные отрывы ручки от бумаги. Я вам уже показал, что с возрастом возрастает неровность и неуверенность письма — а у него все строки написаны одинаково уверенно.

Несомненно, умозаключения доктора были весьма интересны, но я продолжал сомневаться, что это на самом деле сможет помочь нам определить личность автора писем — если нам только не улыбнётся удача, и убийца не подпишется настоящим именем.

Я произнёс это вслух, и, к моему удивлению, он согласно кивнул.

— Существует определённый предел возможностей для анализа почерка, детектив, — улыбнулся доктор. — Но то, что смогу, я вам обязательно скажу.

— Значит, по подчерку о его личности вы не можете ничего сказать? — уточнил я.

Я слышал, что некоторые эксперты в области почерков способны на такое. Признаться, именно этого я от этой встречи и ожидал.

— Это совершенно другая область исследования, называемая графологией, — трезво рассудил он. — И поскольку вы можете обратиться к графологу, чтобы определить, не скажет ли он вам чего-то нового, должен предупредить: будьте осторожны. В этой сфере

сейчас много шарлатанов, которые возьмут деньги, а взамен предоставят вам плоды своих неумных фантазий, никак не связанных с научными знаниями.

Он отодвинул стул.

— Джентльмены, — он пожелал нам спокойной ночи. — Этим вечером я собирался посетить одно шоу. И вам тоже стоит поторопиться, если не хотите опоздать.

Я взглянул на часы: половина восьмого.

Алистер положил на стол несколько купюр и с огромной неохотой согласился, что нам пора, не переставая сетовать на то, что мы так и не попробовали десерт.

— «Шерри» заказывает свежайшую клубнику прямо у Генри Джоралемона из Нью-Джерси. Его удачные эксперименты позволяют ему собирать урожай прекрасных ягод каждый месяц.

Алистер скорбно посмотрел на соседний столик, где посетители пробовали сырную нарезку и клубничный десерт.

— Такое впечатляющее лакомство, и мы его пропускаем.

Алистер настоял на том, чтобы купить лучшие билеты за два доллара, поэтому вскоре мы уже сидели по центру в третьем ряду.

Мы очень извинялись, что заставили полряда уважаемых господ подняться и пропустить нас за пару минут до начала.

Затем я глубоко утонул в мягких бархатных креслах и позволил полумраку окутать меня. Музыканты в оркестровой яме начали громко и ярко играть увертюру.

Первый акт представлял собой череду музыкальных и танцевальных номеров, пытавшихся компенсировать невразумительный сюжет. Возможно, всё дело в моём воображении, но у меня создалось впечатление, что актёры и актрисы сегодня просто одеревенели.

Естественно, к этому времени они уже должны были знать, что убита одна из их коллег. Удивительно, как они вообще вышли сегодня на сцену.

Едва с объявлением антракта включился свет, как кто-то резко хлопнул меня по плечу.

— Вы детектив Зиль? — спросил мужчина громким шёпотом.

Я кивнул.

— Тогда это вам.

Он передал мне розовый листок бумаги, пахнувший дешёвым парфюмом. Внутри большими, по-детски написанными буквами было приглашение встретиться с некой Молли Хансен у чёрного выхода сразу после шоу.

«P.S. Только избавьтесь от щёголя, что сидит рядом с вами», — приписала она.

Я развернул программку и просмотрел список актёров и актрис, задействованных в сегодняшнем выступлении.

Я не сомневаюсь, что мой резкий вдох был хорошо слышен, когда внизу списка я заметил её имя.

«Молли Хансен — молочница».

Это была актриса, заменившая сегодня Анни Жермен.

После того, как опустился занавес, завершая второй акт, я шёпотом быстро попросил Алистера опросить актёров за сценой.

— Встретимся здесь через час, — добавил я, понимая, что так просто он меня не отпустит.

Его глаза подозрительно прищурились и задержались на записке, которую я сжимал в

руке.

Естественно, ему не нравилось, что я не беру его с собой.

— Кто-то хочет встретиться со мной наедине. К тому же, — добавил я, — это идеальное время. Я надеялся, что вы сегодня сможете лично поговорить с мисс Боуэн. Ведущая актриса такого уровня скорее станет разговаривать с вами — человеком, разбирающемся в театре...

К счастью, он оценил мою попытку лести.

И тот факт, что мисс Лили Боуэн была исключительно красива, пресёк все его дальнейшие возражения.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

35-ая улица.

Я ждал её у чёрного входа. И с каждой минутой чувствовал себя всё более неуютно — я не мог избавиться от ощущения, что за мной наблюдают.

Я окинул взглядом обе боковые аллеи и подъезды близлежащих зданий, но никого не заметил.

Зрители быстро расходились, ибо погода была холодной и неприятной.

Я дрожал от холода и потирал ноющую правую руку, нервно оглядываясь через плечо. Бесспорно, это было реакцией на то, что я понимал: убийца Анни Жермен поджидал её в этом самом месте всего за пару часов до смерти. Возможно, я даже вижу то же самое, что и он: пустынная аллея, одинокий мужчина, курящий сигарету у газетного киоска на другой стороне улицы, спешащие укрыться от промозглого мартовского ветра прохожие.

Моя тревога нарастала, пока, наконец, не появилась Молли Хансен. Она изо всех сил старалась спрятаться от холода под наброшенным на голову и плечи плотным чёрным платком.

Едва кивнув в качестве приветствия, девушка схватила меня за руку и потащила вниз по кварталу.

— Быстрей, — скомандовала она, оглядываясь через плечо. — Если мистер Айзман увидит, что я вышла из театра в сценическом костюме, я получу нагоняй. У него отвратительный характер: он считает, что любое нарушение правил, есть смертный грех.

Мы быстро шагали по улице, пока не добрались до «Изумрудного Острова» — ирландского паба, в которой она, очевидно, частенько навещалась.

Помещение было небольшим — за узкой деревянной дверью открывалась комната, где стояли всего восемь столов и скамеек, за которыми ели и пили немногочисленные посетители. Но в камине горел огонь, а воздух был наполнен запахом трубочного табака, неожиданного для подобного заведения.

Молли Хансен заняла столик у барной стойки. Я осторожно последовал за ней.

— Два виски «Бушмилс», — крикнула она бармену.

— Ага.

Бармен налил золотисто-коричневый виски в два невысоких стакана и принёс нам, даже не взглянув на меня.

— Снова работаешь, Молли?

— Конечно, — ответила девушка, снимая пальто и вешая его на спинку свободного стула рядом с собой. Затем она стащила с головы тёмный парик, высвободив копну рыжих

кудряшек, которые быстро стянула в хвост.

— Играю в одном спектакле в театре «Гаррик». Приходи как-нибудь вечером, посмотришь на меня. Договорились?

Она одарила его широкой улыбкой, показав белые, ровные зубы и ямочки на щечках.

Молли извинилась и сказала, что отойдёт на минутку.

Чтобы не встречаться взглядом с барменом, я вытащил из кармана часы и взглянул на время. Пятнадцать минут одиннадцатого. Осталось полчаса до нашей с Алистером встречи.

Молли Хансен вернулась, переодевшись в зелёное платье и смыв с лица грим. Я заметил, что кожа её была удивительно красивой — чистой и свежей, цвета свежих сливок, за исключением россыпи веснушек на носу.

Я решил, что она лет на десять меня старше — сорок или около того; несмотря на то, что она оставалась красивой женщиной, я отметил лёгкую седину в рыжих кудряшках. К тому же от неё веяло уверенностью, которая ко многим женщинам приходит лишь в зрелом возрасте.

Я взял стакан с виски, но пока не поднёс ко рту. Что-то в её облике заставляло меня быть настороже.

— О чём вы хотели поговорить?

Она склонила голову набок, пристально меня разглядывая.

— Вы не такой, каким я вас ожидала увидеть, — произнесла она наконец.

— И кто или что заставило вас ожидать иного?

— Обычные слухи...

Она одним глотком осушила стакан, откинула голову назад и крикнула:

— Джонни, ещё виски!

Бармен подошёл с ещё одним стаканом, и на этот раз бросил на меня обеспокоенный взгляд. Я понял, что обычно Молли Хансен не пьёт столько, и бармен логично предположил, что за её нехарактерным поведением стою я.

— Кажется, я вас раньше видел, — в конце концов, произнёс он. — Вы здесь раньше бывали?

— Не думаю.

Я спокойно и уверенно встретился с ним взглядом. Я никогда его прежде не видел и уже точно не заходил в этот бар.

Он отошёл, качая головой и бормоча что-то непонятное.

— Вы собирались объяснить, зачем я здесь, и как вы на меня вышли.

После этих слов я сделал небольшой глоток виски. Я не очень любил виски, но этой мрачной ночью обжигающий мою глотку напиток был тем, что надо.

Она вся напряглась, хотя и заставила себя широко улыбнуться.

— Думаю, я могу вам помочь, детектив. У меня есть информация о Анни Жермен, которая может вам пригодиться.

Я ждал, зная, что она продолжит. Её лицо выражало полную решимость.

— И я надеюсь, что взамен вы тоже будете готовы мне помочь.

— Я так не работаю, мисс Хансен, — произнёс я, откидываясь назад. — И позвольте вам напомнить, что это официальное расследование. Ваш долг — рассказать мне всё, что знаете. В противном случае, для подобного поведения у нас даже существует специальный термин: «воспрепятствование осуществлению правосудия».

Я сделал паузу, чтобы она осознала сказанное.

Женщина качнула головой и улыбнулась.

— Зовите меня просто Молли. И вы меня неправильно поняли, детектив. Я говорила лишь об акте доброй воли, ничего более.

Я всё правильно понял, но решил не заострять на этом внимание.

— Насколько хорошо вы знали мисс Жермен? — спросил я.

Она украдкой бросила взгляд на барную стойку.

— Если хотите, можем вернуться в театр и поговорить там...

Она низко и гортанно рассмеялась.

— Позвольте дать вам совет, детектив: если действительно хотите получить хоть какую-нибудь информацию от меня или моих коллег, разговаривайте с нами наедине, подальше от всевидящего ока мистера Айзмана. Никто не скажет ни слова, если будет хоть малейшая вероятность того, что он подслушивает.

— Почему же? Не он платит вам зарплату, и не он выбирает, кто будет играть ту или иную роль.

Она бросила на меня снисходительный взгляд.

— Всё не так просто, детектив. Даже не думайте, что знаете всё о мистере Айзмানে, прочитав название его должности. Он не просто занимается каждодневными делами театра. Он — уши и глаза Чарли Фромана, его доверенное лицо. И помяните моё слово, — внезапно её голос зазвучал абсолютно трезво, — вы не почерпнёте ни крупицы информации, если они будут уверены, что их слова услышит мистер Айзман.

Я внимательно посмотрел на сидящую передо мной женщину.

Всем своим видом она пыталась показать мне, что честна и полностью откровенна. Но я ни на минуту не забывал, как она только что предлагала мне взятку, пусть и не напрямую. К тому же она была актрисой; искусство обмана давало ей средства к существованию.

— Смею вас заверить, что мистера Айзмана здесь нет. Так что вам не стоит бояться разговора со мной, — заметил я.

Она вновь окинула помещение взглядом.

— А может..., - я откинулся на спинку стула и пристально взглянул на Молли Хансен, — может, это каким-то образом связано с услугой, о которой вы просили?

Она покраснела и старалась не смотреть мне в глаза.

— У меня есть друг, которому нужна помощь, и вы в состоянии вмешаться.

Она смотрела на стол, а пальцы её бездумно крутили пустой стакан из-под виски, наклоняя его то вправо, то влево.

— И какого рода помощь ему нужна? — осторожно поинтересовался я.

— Ему нужно чуть больше времени, чтобы расплатиться с человеком, которого вы знаете, за карточный долг. Он найдёт деньги, не сомневайтесь, просто ему нужно ещё пару недель.

Она тяжело сглотнула, с тревогой всматриваясь в моё лицо, пытаясь увидеть реакцию.

— А проблемы вашего друга стали вашими проблемами, потому что... — вскинул я брови.

— Потому что мне он тоже должен денег.

Её лицо скривилось, а в голосе сквозило отчаянье.

— И я не получу их, пока он в долговой яме у того человека. Они станут выбивать из него сумму любыми способами и оставят без гроша и возможности заработать ещё.

Да это было не одолжение, а абсолютно дурацкая затея. Не важно, о ком она говорила: о

независимом букмекере или владельце одного из игорных клубов на окраине. Она была права, я знал подобных людей. Я вырос среди них в Нижнем Ист-Сайде, хотя и старался изо всех сил избегать их после вступления в ряды полиции. По крайней мере, по работе.

— И кому ваш друг должен деньги? — осторожно поинтересовался я.

Уверен, это именно тот человек, с которым я не хотел бы встречаться.

— Давайте просто называть его партнёром Майка Солтера.

Похоже, я угадал.

Клуб «Пелхам» Солтера был таким же, как и все остальные салуны в Бауэри: за фасадом уважаемого ресторана скрывалась криминальная деятельность, одобренная самим Майком Солтером.

Я старательно подбираю слова:

— Я знаком с этим конкретным «партнёром»?

Она кивнула, так и не поднимая на меня глаз, и тихо ответила:

— Вам не нужно говорить с ним или встречаться. Просто позвольте упомянуть в разговоре с ним ваше имя. Это даст нам — точнее, моему другу — чуть больше времени.

Я тщательно обдумал её слова.

Я понимал, что, возможно, нет никакого «друга». Похоже, она сама должна деньги. А «партнёр» мог быть как полицейским, так и самим владельцем клуба Майком Солтером.

Ни для кого не было секретом, что полиция сотрудничала с владельцами салунов в Бауэри. Это называлось «вымогательство денег под предлогом защиты», а попросту «крышевание». Деньги шли определённым сотрудникам полиции, а те, в свою очередь, закрывали глаза на незаконные делишки.

Да, Молли была права: я не хотел вдаваться в подробности.

— Я подумаю над этим, — наконец ответил я.

Я собирался больше никогда не вмешиваться в подобные дела. Это поставит под угрозу мою репутацию и вовлечёт меня в теневые сделки, в которых я не хотел участвовать — и ради чего? Чтобы помочь Молли?

Я пока ещё не понял, стоит ли она такого риска.

— Расскажите мне о Анни Жермен.

Молли осушила третью порцию виски.

— Я заменяла её большую часть этого месяца, с тех пор, как вернулась в город.

Я воспользовался этим, чтобы разговорить женщину.

— А до этого вы были...?

— В Филадельфии, — машинально ответила она.

Но я заметил, как она при ответе отвела взгляд. Её неосознанный, и, тем не менее, уклончивый ответ недвусмысленно давал мне понять, что в её недавнем прошлом произошло то, что она хотела бы от меня скрыть.

— Что заставило вас вернуться в Нью-Йорк?

Ещё одна ослепительная улыбка.

— Ради чего актрисы приезжают в Нью-Йорк? — застенчиво посмотрела она на меня. — Ради славы и богатства.

Молли отодвинула в сторону стакан.

— Я была знакома с мистером Айзманом. Я нашла его, когда вернулась в город; он поручился за меня перед мистером Фроманом, и на следующий день я уже начала работать дублёршей ролей Анни и примы.

— Но свою собственную роль вам не обещали? — стараясь не обидеть, уточнил я.

Я осознал, как мало знал о внутреннем устройстве театра.

— Нет. Но в прошлом месяце трое дублёров получили постоянные роли в других спектаклях. Только так я могла снова самоутвердиться в Нью-Йорке.

— Когда в последний раз вы видели Анни? — спросил я, делая глоток виски.

— Прошлым вечером перед тем, как пошла домой. Она уходила одной из последних.

— Она всегда так уходила?

— О, нет! — натянута рассмеялась Молли. — Именно это я и хотела вам рассказать. Она с кем-то встречалась после спектакля. С мужчиной.

Повисла пауза. Наконец, я нарушил тишину:

— Каким мужчиной?

— Если бы я его знала, детектив, то, вероятно, смогла бы за вас распутать это дело, — с усмешкой произнесла она.

И вдруг она наклонилась ко мне, так близко, что я рассмотрел не смытые вокруг карих глаз зелёные тени.

— Но он был мужчиной, о котором она никогда не рассказывала. Даже мне. Не называла его имя. Не рассказывала, как они встретились, или куда он её водил.

— Тогда откуда вы вообще о нём узнали?

— Ну, я ведь не слепая, правда? Она сходила с ума по нему. Всегда тщательно готовилась к встрече: надевала лучшее платье, идеально выглаженное, укладывала волосок к волоску.

— Но вы его никогда не видели?

— Никогда, — уверенно ответила она. — Но она называла его своей счастливой звездой. Она была убеждена, — Молли сделала глубокий вдох и торжествующе на меня посмотрела, — абсолютно убеждена, что он сделает из неё звезду.

* * *

«Сделает из неё звезду».

Мы закончили разговор, а слова Молли всё ещё эхом отдавались в моей голове.

Великий Белый путь⁶ был полон людей, желающих стать звёздами. И мужчин, желающих их в этих звёзд превратить.

Но только один превратил это в убийство.

Я спешил обратно в театр «Гаррик», чтобы успеть на встречу с Алистером, и надеялся, что он узнал больше, чем я.

Потому что, к сожалению, после разговора с Молли Хансен у меня появилось больше вопросов, чем было до встречи с ней.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Театр «Гаррик», 35-ая улица, дом 67.

— Они не просто убили Анни! Они убили всё театральное сообщество!

Молодой человек театрально окинул взглядом комнату и сделал эффектную паузу, хотя все три женщины, находящиеся рядом с ним, и так ловили каждое его слово.

— Тот, кто убил Анни, забрал нечто важное у каждого из вас. Вас лишили защиты и

безопасности, которую вы должны были чувствовать здесь, в театре, вашем втором доме!

Он бросил быстрый взгляд на меня, стоило мне войти в комнату, но почти сразу отвернулся и приблизился к сидящей слева даме — Лили Боуэн.

Она еле сдерживала рыдание, пряча лицо за кружевным платочком.

— Ох, Джек, я знала, что ты поймёшь! Как ужасно, что мы вообще должны были сегодня играть!

Мужчина был худым, с точёными чертами лица и густыми, идеально уложенными волнистыми волосами.

Он улыбнулся.

— Всё благодаря моему отцу, да благословит его Господь. Сколько я помню, он работал в театре, и я вырос среди вас. Театр — моя семья!

Две блондинки, в которых я узнал хористок из спектакля, безмолвно кивнули, не сводя глаз с молодого человека.

Лоб мужчины пересекли морщины.

— Я жил жизнью театра, пока не умер отец. А мне было тогда всего девять!

Рука его взметнулась к сердцу.

— Это сильно повлияло на меня. Да и до сих пор не отпускает...

Я двинулся в сторону задней комнаты, где вдоль одной стены стояли четыре столика с баночками с гримом, а вдоль второй — два потёртых дивана с цветочной обивкой.

Там в одиночестве стоял угрюмый Алистер.

— Что за щёголь? — тихо спросил я, подходя ближе.

Алистер поморщился.

— Джек Богарти, — так же тихо ответил Алистер. — Помните, из «Таймс»? Театральный критик, который якобы нам помогает.

Он нахмурился.

— И судя по тому, что я видел, его главная цель — более близкое знакомство с мисс Боуэн.

Я внимательно присмотрелся к молодому человеку. Как тогда сказал редактор? «Красивый парень, который любит модную одежду»?

Джек Богарти одевался ярко: на нём был коричневый костюм с жёлтым шейным платком и красным галстуком. Весь его выбор — и кроя, и цвета, и ткани — был призван подчеркнуть ещё мальчишескую, но весьма привлекательную внешность.

— Как ужасно лишиться отца в столь юном возрасте!

Блондинка повыше почти дрожала.

Джек вознаградил ее широкой, снисходительной улыбкой.

— Никто после этого не поддерживал меня так, как актёры и актрисы, с которыми он работал! Они все до единого пришли на его похороны.

Женщины начали выражать ему свои соболезнования, и он с застенчивым выражением лица их принял.

— А что насчёт Фрэнка Райли — криминального репортера, с которым мы сегодня встретились?

Алистер покачал головой.

— Не видел. А вот этот молодой человек почти весь прошедший час провёл здесь, строя глазки всем женщинам.

Мы наблюдали, как Джек смотрел на Лили Боуэн проникновенным взглядом.

— Видите? Я понимаю, что вы сейчас переживаете. Правда, понимаю. Возможно, — он коснулся её руки, — вы хотите выговориться мне за бокалом вина? Посидим с вами где-нибудь?

— Я живу в отеле «Алгонкин», — смущённо улыбнулась дама.

Это был фешенебельный отель к северу на сорок четвертой улице.

Но я знал, что там почти не продают спиртных напитков, и, видимо поэтому, Джек немедленно предложил другой вариант.

— Давайте лучше отправимся в «Никербокер». Он как раз рядом с моим офисом на 42-ой.

И он сжал ладонь мисс Боуэн в своей.

— Почему бы и нет, Джек? — проворковала она. — Я обожаю «Никербокер».

Джек поднялся.

— Где ваше пальто, мисс Боуэн?

Его взгляд упал на блондинок, сидящих слева.

— И вы, леди, тоже должны к нам присоединиться.

Джек помог мисс Боуэн надеть пальто, не обращая внимания на её надутые губы.

— А разве мы не помешаем вам, Джек? — поддразнила его одна из блондинок.

Он отпрянул в притворном удивлении.

— Нонсенс! Я сразу решил, что мы все должны отправиться в «Никербокер». Ваши шляпки, леди?

Лили Боуэн уже поправляла в зеркале свою широкополую шляпу, а остальные женщины быстро набросили пальто и надели шляпы, весело щебеча.

— Джентльмены.

Джек коротко кивнул в нашу сторону и пожелал доброго вечера. Мы подождали пару секунд, а затем последовали за ними через дверь за кулисами.

Сверху доносился громкий голос Льва Айзмана, жаловавшегося на братьев Шуберт — главных конкурентов Чарльза Фромана.

— Поговорим с ним? — спросил Алистер, кивая на идущую вверх лестницу.

— Не сегодня.

Если честно, я просто слишком вымотался за сегодняшний день.

И Алистер это тотчас понял.

— Пойдёмте со мной, дружище, — произнёс он, хлопая меня по плечу, когда мы вышли на промозглый мартовский ветер. — Займите сегодня мою гостевую спальню. Просите всё, что потребуется.

Он с лёгкостью отмахнулся от моих вялых отговорок, и всё было решено.

* * *

Несмотря на усталость, я не мог заснуть из-за сумбура в голове.

Я знал, что когда-то эта гостевая спальня была комнатой Тедди. Сына Алистера.

Комната оставалась живым свидетельством интересов Тедди: серебристые ножны на левой стене; книжные полки, уставленные артефактами из прошлых раскопок; египетская фреска над изголовьем кровати.

Я посмотрел вниз и пробежал пальцами по сине-золотому покрывалу на кровати. Ткань была плотной и дорогой, в отличие от потрёпанного одеяла у меня дома.

Естественно, ничто в моей крохотной квартирке не напоминало эту уютную,

обставленную со вкусом комнату с мебелью из красного дерева.

Сине-золотая гамма сохранялась во всём: в обоях, в покрывалах, в подушках и даже в шикарном турецком ковре на полу, привезённом, как я догадывался, из путешествия по Дальнему Востоку.

Наверно, на свою зарплату я мог позволить себе лучшие апартаменты, чем грязный клоповник в Добсоне, к северу от Манхеттена, который я сейчас называл домом. У меня не осталось родственников, которым надо было помогать, и я скопил кое-какую сумму — результат многолетней скромной жизни, когда я помогал маме и собирал деньги на свадьбу с Ханной.

Но моя мать умерла несколько лет назад, а Ханну забрали у меня воды, омывающие остров Норт-Бротер.

Не в первый раз я задумался: каково же расти в подобном окружении?

От этой мысли мне стало неудобно. Особенно учитывая тот факт, что Тедди был мёртв, а я лежал в его кровати, среди его вещей, и старался не думать о его жене. Вернее, о его вдове. Которая, без сомнений, уже давно заснула в своей квартире напротив.

Всё, что меня окружало, принадлежало Тедди с рождения. Но оно не дарило ему удовлетворения, которое он пытался найти в своих бесконечных далёких поездках.

Я поднялся и плотно запахнул тёмно-синий халат. Я пытался уверить себя, что он принадлежал Алистеру, но сам не верил...

Затем я осторожно открыл дверь спальни.

Тишина.

Стараясь ступать тихо, я на цыпочках прокрался на кухню Алистера — просторное помещение с белыми шкафчиками, чёрно-белой в клетку плиткой на полу и гигантской плитой, занимающей большую часть комнаты.

Здание «Дакоты» было одним из первых, где провели электричество, поэтому мне нужно было всего лишь нажать одну кнопку, чтобы комнату залил свет.

Часы оказывали 02:10.

Сначала я подумал о баре и бутылке ликёра, который Алистер предлагал мне попробовать этим вечером. Но никакое спиртное не помогло бы мне справиться с бессонницей.

Меня будоражили мысли об Изабелле.

Может, она тоже не спит?

«Нет, чепуха», — подумал я.

Я часто вспоминал о ней. И особенно о том волшебном вечере, который провёл с ней прошлой осенью.

Мы ужинали в Китайском квартале, ели юэбины, наслаждались кофе в Маленькой Италии... И на те несколько часов я полностью забыл о сложностях дела, которое тогда расследовал.

Это был момент мимолетного счастья.

Когда мне удалось избавиться от мыслей об Изабелле, их место заняли размышления о последнем деле.

Я осознал, что уже не усну, и отыскал в шкафчике кофейные зёрна; там же, на соседней полке, стоял кофейник и кофемолка. Я измельчил зёрна, утрамбовал их в кофейник и залил кипящей водой. Наградой мне послужила чашечка крепкого кофе.

Я сел с чашкой кофе за небольшой деревянный столик у окна, выходящего на абсолютно

пустую в это время ночи 72-ую улицу.

Аромат кофе и его уютное тепло успокоили мои нервы.

Это дело глубоко засело в моей голове.

Хотя сегодняшнее убийство и было замаскировано под суицид — никаких следов насилия и крови — от этого становилось лишь ещё более тревожно.

Убийца был изошрённым. Замысловатым.

Это делало работу ещё более зловещей, чем обычные кровавые убийства, которые мне приходилось расследовать.

К тому же, сегодняшнее представление в комнатке театра только подтвердило, что Джек Богарти и его коллега Фрэнк Райли будут лишь помехой в этом деле, а никак не союзниками и помощниками.

Я, конечно, и не надеялся, что будет по-иному. Но то, как Богарти увёл у нас из-под носа актрис, которых мы хотели опросить, только подтвердило мои догадки.

Естественно, я мог помешать ему. Но он бы тогда всё равно присутствовал при разговоре. А я подозревал, что совет Молли был хорош: я добьюсь лучших результатов, если буду опрашивать актрис по одной, лично.

И ещё больше мне не нравилось то, насколько просто Богарти удалось увлечь этих женщин за собой. Он вызвал у них доверие, несмотря на то, что только что с ними познакомился.

Я не видел, чтобы у кого-то так получилось... Ну, кроме одного человека.

Кроме Изабеллы.

Во время нашего прошлого расследования она так дружелюбно и обезоруживающе общалась со многими важными свидетелями.

Такая способность — дар божий. Может, она согласится помочь и с этим делом?

Я налил себе вторую чашку кофе и впервые за вечер и ночь позволил себе расслабиться.

Завтра. Я спрошу у неё завтра...

И надеюсь, она мне не откажет.

Суббота

17 марта 1906 года

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Шип-Медоу, Центральный парк.

— Я помню, что вы любите выпечку с миндалём.

Изабелла подняла на меня удивлённый взгляд. Я присел на скамейку рядом с ней и поставил между нами белую коробку с пирожными из «Кондитерской Бернадет».

Она колебалась, поэтому я сам взял ещё тёплый слоёный круассан, посыпанный миндалём.

— Вы принесли круассаны с миндалём, — тихо произнесла она.

Стоял прекрасный день ранней весны; воздух наполнял запах мокрой земли.

Сегодня было тепло, и вчерашний снег уже почти весь растаял, за исключением тенистых участков под раскидистыми клёнами, куда не попадали солнечные лучи.

Погода в марте всегда была переменчивой.

— Я думала, вы скорее утром выберете чашку кофе, чем круассаны, — заметила Изабелла с лёгкой улыбкой.

— Вы меня слишком хорошо знаете, — беззаботно ответил я. — Я уже выпил кофе, пока ждал заказ с выпечкой. Кстати, кофе был неплох.

Я откусил кусок круассана.

— Но выпечка мадам Бернадет несомненно лучше.

Она осторожно попробовала один из круассанов, и когда её пёс — дружелюбный золотистый ретривер по кличке Обан — бросился к ней с грязными лапами и палкой, подняла пирожное над головой.

Изабелла постаралась отпихнуть сующего свой нос в коробку с выпечкой Обана и попросила меня минутку подержать её круассан, а сама поднялась и забросила палку подальше в траву, где, несмотря на ранний час, уже играли мальчишки неподалёку от пасущихся овец.

Ходили слухи, что овцы были неотъемлемой частью плана Олмстеда и Вокса по созданию мирного и временами даже сельского местечка в парке. Очевидно, они совсем не учли, что этот широкий зелёный луг будет идеальным местом для шумных игр мальчишек и их отцов.

И собак.

Обан рванул за палкой, но на полпути отвлёкся на другого пса, энергичного белого терьера, который жаждал, чтобы за ним погонялись.

— Прогуляемся? — спросила Изабелла, кивая в сторону собак.

— Конечно.

Я взял коробку с выпечкой и пошёл рядом с Изабеллой.

На южной стороне в небо величественно поднимались несколько самых высоких зданий Манхэттена — их называли «небоскрёбы». И ещё несколько находились в процессе постройки — город расширялся.

Я посмотрел на Изабеллу.

Она была одета в плотное тёмно-синее пальто из тех, которые женщины обычно надевают на улицу, чтобы защитить спрятанные под пальто нарядные платья от грязи и дождя — привычных спутников весны.

И в отличие от других женщин, идущих нам навстречу, Изабелла оделась по погоде. Остальные же прогуливались в широкополых шляпках и шёлковых платьях, которые точно будут испорчены с учётом сегодняшней слякоти.

И Изабелла была единственной, кто вышел на прогулку в одиночестве — остальных дам сопровождали джентльмены. Я знал, что привычка Изабеллы ходить одной беспокоила Алистера, хотя девушка и уверяла его, что её охраняет Обан.

— Мы давно не виделись, Саймон. Вы могли нам позвонить. Я знаю, что Алистер несколько раз приглашал вас на праздники.

Её яркие карие глаза смотрели на меня с упрёком.

— У меня не получалось приехать в Нью-Йорк, — ответил я, прекрасно понимая, что моя ложь её не обманет.

Я намеренно избегал Алистера: половину приглашений отклонил, а вторую половину вообще проигнорировал.

Я поступил с ним несправедливо и обидел Изабеллу, и вновь почувствовал укол вины. Но я точно знал: из моих отношений с ними двумя ничего хорошего не выйдет.

Несмотря на то, что Алистер добровольно согласился помочь мне с поисками жестокого убийцы в расследовании дела в прошлом ноябре, он фактически утаил от меня важную информацию. Я никогда не сомневался в его уме и гениальности, но его поступок поставил под сомнение надёжность Алистера.

А что касается Изабеллы... Мы стали близки за те недели, что я вёл расследование.

И мне было неловко.

Не сомневаюсь, что это сближение произошло из-за чувства потери, мучающего обоих: она потеряла своего мужа Тедди, а я — свою невесту Ханну.

Я пока не был готов признать очевидное: моё решение держаться от Изабеллы подальше было связано с моими к ней чувствами.

Я больше не мог выдерживать повисшее между нами молчание, поэтому произнёс, запинаясь:

— Я был занят на работе.

Она кивнула.

— А сейчас благодаря работе вы снова здесь...

Это было начало, на которое я надеялся.

— Вообще-то, я снова хотел попросить вас о помощи.

Я бросил на неё взгляд, пытаюсь распознать реакцию.

— Прошу вас...

Она покачала головой.

Мы поравнялись с Обаном, и Изабелла нагнулась за его любимой палкой. Пёс выхватил палку из её ладони и побежал рядом с нами. А мы направились в сторону озера, где группа людей на коньках пыталась кататься, несмотря на тающий этим субботним утром лёд.

— Обан, — задумчиво произнёс я. — Необычное имя. В честь виски? — рискнул я предположить.

— Нет, Саймон, не в честь виски, — рассмеялась она.

Этот звон колокольчиков я очень хорошо помнил.

— Но и виски, и мой пёс — оба родом из шотландского Обана. Это небольшой, красивый курортный городок на западном побережье, где я пробыла некоторое время после смерти Тедди.

На минуту между нами повисла неловкая пауза.

— Некрасиво с вашей стороны было поступать так с Алистером, — медленно произнесла, наконец, Изабелла. — Когда он встретил вас прошлой осенью, вы пробудили в нём то, что я..., - девушка сделала глубокий вдох, — что я не видела со смерти Тедди. И он остро ощутил это, когда последние месяцы вы начали его игнорировать.

— Чепуха, — резко возразил я. — Алистер продолжил вести занятия на юридическом факультете, да и знакомых у него много.

— Да, но ни один из его многочисленных друзей и коллег не похож на вас. Большинство из них хотят чего-то от Алистера — в частности, воспользоваться его богатством и связями. Никто не встанет на его сторону, если он ошибётся. Никто не станет возражать ему, когда он не прав. Никто, кроме вас, Саймон. И он это уважает.

— Возможно.

Я смущённо улыбнулся Изабелле и поведал о событиях прошлого вечера — как мы с Алистером пытались разговорить актёров и актрис театра, но нас полностью переиграл репортёр «Таймс».

— Его зовут Джек Богарти, и он способен очаровывать похлеще Алистера, — горестно вздохнул я. — Поэтому прошлой ночью я задался вопросом: как нам обойти его. И правильный ответ: с вашей помощью.

— Моей? — она казалась искренне озадаченной.

Я кивнул.

— Люди вам доверяют. Я заметил это в прошлом году, в ноябре, когда вы помогали мне опрашивать свидетелей по делу Уингейт. Возможно, это из-за того, что вы не офицер полиции. И не штатский криминолог. Обещаю, никакая опасность вам не грозит.

Но она, как и всегда, не обратила даже внимания на мои слова о её личной безопасности.

— Значит, вы хотите, чтобы я поговорила с актрисами в театре «Гаррик»?

Она спокойно и серьёзно подошла к моей просьбе.

— Да. Сегодня днём, если у вас получится.

Она повернулась ко мне лицом.

— Хорошо, но у меня одно условие. Я хочу полностью участвовать в деле. А значит, сегодня утром я должна сопровождать вас на вскрытии.

— Откуда вы...?

Но я не закончил вопрос.

Наверно, ей сегодня утром рассказал Алистер. Он знал, что она отправилась в Центральный парк, ведь именно он сказал мне, где искать Изабеллу.

— Я хочу полностью участвовать в деле, Саймон, — её голос оставался уверенным и спокойным. — Если вам нужна моя помощь, не стоит отодвигать меня на второй план.

— Ладно, — кивнул я, — но лишь до тех пор, пока это не станет опасным.

Я смотрел на неё с беспокойством.

— Мы выслеживаем убийцу, охотящегося на молодых девушек.

— Актрис, — напомнила она.

— Не обязательно. Лишь из-за того, что две первые жертвы были актрисами, мы не можем с уверенностью утверждать, что...

Я не смог продолжать. К счастью, мне и не пришлось.

— Я понимаю, — произнесла она. — Вы боитесь, что есть и другие жертвы, не вписывающиеся в схему.

— Либо эта схема более обширна и включает гораздо больше признаков, чем мы пока можем предположить. И это меня беспокоит больше всего.

Изабелла подозвала Обана, мы развернулись и направились обратно к выходу из парка и к зданию «Дакоты».

— Тогда нам точно стоит отправиться на вскрытие и начать разбираться в этом деле. На понимание сложных вещей всегда требуется время, — ободряюще улыбнулась Изабелла.

Но мне не обязательно было понимать убийцу. По крайней мере, целиком и полностью.

Я просто должен его остановить.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Городской офис coronera.

Его называли «мертвецкой». И его хранителем и защитником был Макс Уилкоккс, врач

— судебно-медицинский эксперт. Он защищал это место и тех, кто к нему попадал, от политического и иного вмешательства.

Макс был всегда верен двум вещам: во-первых, науке и истине, которую она открывает, и, во-вторых, несчастным душам, которые оказались на его столе.

Лысый, подтянутый, с мягкой и лаконичной манерой общения, Макс легко лавировал между столами.

На каждом столе имелись желобки, по которым всевозможные жидкости из мёртвого тела стекали прямо в канализацию, отверстия которой были разбросаны стратегически по всему помещению.

Три стола были забиты оборудованием: флаконами, губками, баночками и даже весами. И не возникало никаких сомнений, что лежит у дальней стены на столе, прикрытое белой простынёй.

Тело Анни Жермен.

Эту часть своей работы я любил меньше всего. С моим отвращением к крови и легко подкатывающей тошнотой я пытался заранее подготовиться к этой поездке. Мне обычно удавалось подавить реакцию своего организма, отключившись от эмоций и сосредоточившись лишь на строгом анализе фактов. Но, даже несмотря на это, я побледнел от одного только запаха в помещении — смеси чистящих средств, антисептиков и биологических жидкостей трупа. На глаза навернулись слёзы, а дыхание стало резким и прерывистым.

Уилкоккс как раз покончил с аутопсией и был готов поведать нам свои выводы.

Он практически не обратил внимания на нас с Алистером, но когда в помещение вошла Изабелла, Макс поднял голову и пристально на неё посмотрел.

— Вы не переоделись, — неодобрительно произнёс он, наконец.

Прежде чем войти в прозекторскую, помощник Уилкоккса отвёл нас в специальную комнатку, где мы должны были переодеться. Мы с Алистером покорно натянули белые штаны, шапки и халаты, которые принято надевать при входе в прозекторскую.

Изабелла тоже надела белый халат поверх платья, но штаны бы ей не подошли, даже если бы она сняла свою юбку и решила их надеть. А шапка, которую ей предложили надеть, не смогла бы налезть на её пышные, убранные назад волосы.

Изабелла спокойно посмотрела на доктора Уилкоккса.

— Я не переоделась, потому что у вас нет подходящей одежды для дам.

Уилкоккс на секунду задумался.

Большое количество женщин посещали медицинские школы и работали в сфере медицины. Но это не значило, что люди вроде Макса Уилкоккса одобряли их и готовы были терпеть. Даже в качестве простых наблюдателей.

Он окинул Изабеллу оценивающим взглядом.

— Впечатлительным и робким здесь не место, — мрачно предупредил он.

— Ясно.

Изабелла решительно сжала губы.

— Не подходите слишком близко к моему столу или образцам материала. Я должен защитить их от попадания инородных частиц извне.

Его голос по-прежнему оставался неприветливым, но мне показалось, что он сдерживает улыбку.

— А вот вы, — кивнул он мне с Алистером, — подойдите ближе. Я должен вам кое-что

показать.

Мы повиновались с явной неохотой, оставив Изабеллу в дальней части комнаты рядом с застекленным шкафом, который занимали различные стальные принадлежности и инструменты.

— Вы увидите с Малвани после того, как мы здесь закончим? — спросил меня Макс.

Я кивнул и добавил:

— Либо я ему позвоню.

— Хммм..., - доктор Уилкокс откашлялся. — Что ж, можете ему передать, что он был прав. Вопреки первичному наружному осмотру я могу сказать, что эта леди действительно была убита. Аутопсия не оставляет места для сомнений.

Он отбросил в сторону край простыни и оголил лицо и верхнюю часть тела Анни Жермен. Точнее того, во что оно превратилось после разрезов скальпелем.

У меня к горлу подкатила тошнота, когда я взглянул на Y-образный разрез, начинающийся от наружного края ключиц и продолжающийся вниз по грудной клетке.

Я понимал, что ему нужен был доступ к внутренним органам.

Алистер резко втянул в себя воздух, но Макс, как профессионал, проигнорировал нашу реакцию и продолжил рассказывать.

— Когда я обследовал тело этой девушки с помощью новейшего оборудования, которого у меня не было с собой в театре, я тотчас отметил точечные кровоизлияния. Вы и сами их увидите, если внимательно посмотрите на конъюнктиву.

Он взял специальный инструмент в форме крючка и вывернул веко, как и вчера в театре.

— Крошечные красные точки могут означать асфиксию.

— Значит, это может послужить доказательством удушения? — спросил Алистер.

— Нет, само по себе это не может ни доказать, ни опровергнуть strangulation. — Макс закрыл веко и отложил в сторону инструмент. — Но в сочетании с другими признаками — определённо.

Он подошёл к столу рядом с нами и вернулся с тремя баночками, содержащими высушенные образцы кожи и срезанной мышечной ткани.

— Проблема, с которой мы все столкнулись, это полное отсутствие внешних признаков повреждений. И было очень важно подождать до сегодняшнего утра и только потом начать вскрытие. Видите ли, для проявления внутренних повреждений часто необходимо время. Когда я сделал Y-образный разрез и получил доступ к её лёгким, я сразу отметил, что они коллабированы. В них не было воздуха. Тогда я решил продолжить разрез выше, через её шею.

Он вытянул перед нами крупную банку с каким-то органом и вытащил стальной пинцет.

Он аккуратно вытащил из банки препарат, и мы снова ощутили тошнотворную волну запаха формальдегида — консерванта, предназначенного для предотвращения сморщивания и деформации тканей.

Но, несмотря на запах, мы с Алистером наклонились ближе.

— Это её гортань вместе с подъязычной костью, — сказал нам Макс. — И пока в едином комплексе с языком.

Он повернул орган другой стороной, чтобы мы могли его осмотреть.

Я с трудом сглотнул и покосился на Изабеллу.

Она с интересом подалась вперёд и явно справлялась с жутким зрелищем лучше, чем я.

— Не было никаких признаков перелома хрящей гортани. Но посмотрите на эти явные признаки кровоизлияний в глубже расположенные ткани.

Он указал на красные следы.

— Вы раньше говорили об асфиксии, — произнёс я. — Но можете ли вы уточнить: она задохнулась или её задушили?

Глаза Уилкокса загорелись, когда он направился к столу у дальней стены, где стояла Изабелла. Я посмотрел на неё и встретил её мужественный взгляд.

Ещё одним инструментом с крючком на конце доктор подцепил следующий препарат. Я уже узнал в нём кусочек кожи.

— Вот это, — кивнул он, — окончательно уверило меня в том, что она была задушена. Иногда на коже после высыхания проявляются вот такие мелкие кровоизлияния. Они расположены на передней поверхности шеи. И обратите внимание на эти два полулунных следа. Они оставлены двумя ногтями.

— Убийцы? — быстро спросил Алистер.

— Нет.

В тоне Уилкокса проскользнули снисходительные нотки, как и всегда, когда ему приходилось объяснять подобные тонкости дилетанту в этой области.

— Подобные следы обычно оставляет сама жертва, и эти метки — не исключение. Я уже сравнил их с ногтями жертвы. Они совпадают. Она сама их оставила.

— Это была скорее непроизвольная реакция тела на предмет, брошенный ей на шею, и она попыталась его сорвать, — пояснил я Алистеру.

— Но я не понимаю одного: каким образом на её шее не осталось кровоподтёков, если она была задушена? — спросил Алистер.

— Кстати, об этом, — Макс провёл пальцем по подбородку. — Я рискну предположить, что это из-за того, что её убийца — он или она, не важно — сделал петлю из очень мягкой ткани. И если ослабить давление точно в момент смерти, риск возникновения следов на шее снижается.

Я пристально посмотрел на Макса.

— А это говорит о том, что душил её человек с немалой сноровкой.

— Поиски убийцы — это уже ваша задача, а не моя, — сухо заметил Уилкокс.

Он прислонился к высокому столику у раковины.

— Всё остальное непримечательно, — заключил он. — Лёгкие, желудок, печень — всё выглядит нормальным, как у здорового человека.

Я покосился на большую банку с желудком мисс Жермен. На листке бумаги под банкой был отмечен вес органа.

Доктор Уилкокс продолжил:

— Никаких следов яда. Нигде. В отчёте я напишу, что смерть наступила в результате асфиксии, в частности — удушения.

Алистер бросил на Макса удивлённый взгляд.

— Хотите сказать, у вас больше нет для нас информации? Вы ничего не можете рассказать нам о самом убийце?

Уилкокс пожал плечами.

— Я озвучил вам лишь то, что говорит мне наука, — он посмотрел Алистеру прямо в глаза. — Наука ещё не научилась подтверждать или опровергать гипотезы подобно той, то вы хотите от меня услышать.

— При всём моём уважении, доктор, вы хотите сказать, что не станете выдвигать предположения? — уточнил Алистер.

— Я коронер, профессор, а не криминолог. Я оперирую лишь неопровержимыми фактами.

Алистер улыбнулся самой очаровательной улыбкой.

— Бросьте, доктор. Мы с вами не так уж и отличаемся. Мы оба сталкиваемся регулярно со смертями и ищем ответы на одинаковые вопросы; только вам свои тайны раскрывает человеческое тело, а мне — их разум.

Он выдвинул стул и непринуждённо на него опустился, положив одну ладонь на колено.

— Бьюсь об заклад, что есть что-то ещё, что вы можете рассказать о человеке, задушившем подобным образом мисс Жермен — без догадок и домыслов, а лишь опираясь на научные исследования.

Уилкокс подошёл к столу и начал спокойно и уверенно собирать инструменты для стерилизации. Его движения напомнили мне игру пианиста, чьи пальцы порхают над клавишами.

Я попытался переформулировать вопрос Алистера в более тактичную форму.

— Например, обладал ли убийца мисс Жермен значительной силой? Или подобное мог совершить и слабый человек?

Макс рассмеялся.

— Это самое глубокое человеческое заблуждение — чтобы задушить кого-то, нужна чрезмерная сила. Совсем нет. На самом деле, — он переставил баночки с препаратами органов Анни Жермен на полку рядом с раковиной, — даже малейшее усилие, приложенное к правильной анатомической области — и дело в шляпе. Даже такая миниатюрная женщина, как вы, — кивнул он на Изабеллу, подошедшую ближе, — вполне могла бы задушить такого здоровяка, как Малвани.

Он слегка усмехнулся, словно подобная идея показалась ему забавной.

— И сколько для этого требуется знаний? Или опыта? — уточнил я.

— Чтобы сделать всё правильно?

Уилкокс задумался на мгновение, затем ответил:

— Немало. Если ему, конечно, просто не повезло.

Я посмотрел на Изабеллу. Она стояла чуть на отдалении, но внимательно прислушивалась к нашему разговору. И ответ Макса её не удовлетворил.

— А насколько возможно, что убийца совершал такое прежде? — спросила она.

Коронер ошетинился.

— В науке нет слова «возможно».

Он с насмешкой подчеркнул последнее слово. Но затем задумался на пару секунд.

— Но вообще... Да, я бы сказал, что такая возможность существует.

Он достал другой набор инструментов, и я понял, что он готовится зашивать тело для последующего захоронения.

— Если у убийцы не было предыдущего опыта, то он должен был, по крайней мере, серьёзно подготовиться. Узнать, куда приложить силу и в какой именно момент ослабить петлю, чтобы не появились следы странгуляционной борозды.

Я кратко объяснил Уилкоксу наши подозрения относительно Элизы Даунс.

— Даёт ли это нам основания для вскрытия мисс Даунс? — произнёс я. — Надо разыскать её семью и получить их разрешение на эксгумацию тела.

— Я бы сказал, что это скорее юридический вопрос, чем следственный.

Алистер поднялся со стула.

— Это позволит окружному прокурору добиваться признания этого дела двойным убийством, а это может пригодиться в дальнейшем. У нас есть достаточно информации для разработки схемы поведения преступника — его «modus operandi», как сказали бы вы. Я сомневаюсь, что аутопсия второго тела поможет нам быстрее или легче отыскать убийцу.

Мы поблагодарили доктора Уилкокса за то, что он поделился своими выводами с нами ещё до составления окончательного отчёта.

— Что дальше, детектив? — Алистер был в хорошем расположении духа, когда мы вышли на улицу и смогли вдохнуть свежий воздух.

Но я молчал, замерев на месте.

— Саймон? — Изабелла беспокойно нахмурилась.

Но я смотрел только на стоящих перед нами, привалившихся к чёрному железному фонарю двух репортёров «Таймс».

Фрэнк Райли и Джека Богарти.

— Утро доброе, детектив.

Фрэнк глубоко затянулся сигаретой, а затем выбросил её прямо в лужу, где окурок быстро потух.

— Мистер Райли, — холодно произнёс я. — Не думал, что ради газетной сенсации вы готовы забраться так далеко на окраину города.

Его лицо расплылось в маслянистой ухмылке.

— Где ж ещё репортёру искать материал, как не у городской мертвецкой? Вообще-то, я пришёл сюда, чтобы найти вас. Думаю, мы могли бы обменяться кое-какой информацией.

— Не для печати, — резко ответил я.

— Пока нет, — он вскинул руку в клятвенном жесте, по-прежнему улыбаясь. — Даю вам честное слово.

Затем он снял с головы коричневый котелок и убрал со лба чёрные жирные волосы.

— И какую информацию вы можете нам предложить? — уверенно произнесла Изабелла.

— Кажется, мы не имели удовольствия с вами познакомиться, мисс...

Фрэнк Райли склонил голову и взмахнул шляпой.

— А я Джек Богарти, — вклинился его напарник, не потрудившись даже скрыть свой явный интерес к Изабелле и сверкая обольстительной белоснежной улыбкой. — Чрезвычайно рад с вами познакомиться.

— Моя невестка, миссис Синклер, — произнёс Алистер, делая шаг к ней и прикрывая плечом. — Вы сказали, что у вас есть для нас информация.

— Ага. Я так понимаю, что вчера вы опрашивали подозреваемого по имени Тимоти По.

Фрэнк обращался напрямую ко мне.

Я промолчал.

— Да ладно вам! Я и так знаю, что опрашивали. Джеку на это намекнули.

Джек усмехнулся.

— Знаете, даже у театральных критиков есть свои источники.

— Я говорил с Тимоти По. И что? — выжидательно посмотрел я на репортёра.

Фрэнк почесал подбородок.

— Думаю, вам стоит ещё разок поболтать с мистером По. Вы найдёте его по этому

адресу.

Он протянул мне клочок бумаги с записанным на нём чёрными чернилами адресом в Гринвич-Виллидж.

«Макдугал-стрит, дом 101, комната 5С».

Это был не тот адрес, что мне вчера дал Тимоти По.

Я прищурился.

— Что это за место?

— Не тот адрес, что он вам назвал, да? Вы заметно удивились. Теперь ответная услуга: коронер подтвердил, что это убийство?

Фрэнк кивнул в сторону офиса Макса Уилкокса.

— Да.

Мой ответ прозвучал очень резко.

— И какова официальная причина смерти?

— Асфиксия, — ответил я, надеясь, что такой ответ его пока удовлетворит.

К счастью, репортёр не стал больше ничего спрашивать.

Я снова взглянул на адрес, который он мне дал.

— Почему По находится там?

Райли самоуверенно усмехнулся и ответил лишь:

— Скажем так: мистер По был не очень откровенен в разговоре с вами.

И прежде чем я успел уточнить что-то ещё, он и Джек растворились в толпе.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Китайско-негритянский квартал.

После наводки Джека Райли мы разделились.

Алистер и Изабелла отправились на 28-ую улицу поговорить с соседями Анни Жермен, как и планировалось изначально.

А я отправился к сто первому дому по Макдугал-стрит в поисках Тимоти По и тайн, которые он, по-видимому, решил от меня скрыть.

Я поймал первую конку, идущую по Бликер-стрит, и оказался на задней площадке, прижатый плечом к плечу с ещё полудюжиной человек. Лишь спустя три остановки количество пассажиров уменьшилось, и я смог выглянуть в окно.

Снаружи по тротуарам бежали пешеходы, пробираясь через ряды тележек с фруктами, овощами, сырами, хлебами и колбасами. А поскольку места на тротуаре им не хватало, они толпами шли прямо по проезжей части, и я диву давался, как конка умудряется проехать через поток людей.

Я уже давным-давно не был на Бликер-стрит и почти забыл, каково оказаться в центре этой ужасающей толпы. Ощущение было одновременно и знакомым, и незнакомым.

Как и чувство при виде Изабеллы этим утром...

Она снова была такой, как я её помнил, а не холодной и отстранённой женщиной, какой встретил её вчера в квартире Алистера.

Я думал, что четыре месяца вдали от неё притупят мои чувства к ней. Давно я так не ошибался...

Я уже привык, что постоянно думал о ней, но столкнуться снова вживую — совсем иное

дело. Теперь, когда я вновь с ней встретился, она полностью завладела моими мыслями.

Но она была невесткой Алистера. И всего два года назад потеряла мужа.

И она принадлежала слою общества, значительно превышающему мой собственный.

И даже если бы я хотел об этом забыть, мой сегодняшний пункт назначения служил мне напоминанием.

Раньше я здесь никогда не бывал, но по многочисленным рассказам коллег в участке и по статьям из газет я понял, что направлялся в «жёлто-чёрный» район.

Это был бедный квартал, как и тот, в котором я вырос, в Нижнем Ист-Сайде. Но если мой район в основном населяли иммигранты из Ирландии и Германии, то Макдугал-стрит могла похвастаться тем, что здесь смешивались люди абсолютно различных рас.

От служивших в этом районе офицеров я слышал кучу и плохих, и хороших историй об этом округе. Здесь трезвые, добропорядочные и трудолюбивые семьи жили бок о бок с распущенными личностями и типичными бандами уличной шпаны с красочными именами, вроде Кровавого Тони или Десятипалого Чарли.

А в газетах всё описывали ещё более плачевно: например, Джейкоб Риис готовил статьи о «дегенератах», посещающих игорные дома и бары в квартале «жёлто-чёрных». Конечно, его эвфемизм больше касался тех мужчин, кто предпочитал других мужчин, и женщин, предпочитающих женщин. И хотя я понимал, что Риис пишет такие статейки только ради скандальной славы и хороших продаж, я непроизвольно задумался над тем, что же там увижу.

Почему По живёт там? И что Богарти о нём узнал?

А ведь Райли мог просто рассказать мне, а не заставлять отправляться в такую даль. Редактор обязал его предоставлять нам всю информацию. Только зря я ждал, что подобный человек сдержит свои обещания.

Райли сказал, что По «был со мной неоткровенен».

Прошлой ночью я вычеркнул его из списка подозреваемых. Возможно, я слишком поторопился.

Конка остановилась на углу Бликер и Макдугал-стрит. Стоило мне завернуть за угол, как я увидел привалившихся к железным перилам шестерых мальчишек. Они стояли у третьего справа многоквартирного дома и пристально смотрели на участок под высоким красным бетонным столбом.

Я с одного взгляда понял, что они играли в игру. На самом деле, я и сам в неё играл в их возрасте.

Цель игры: попасть метким плевком в определённую трещину в цементе. Лучший плевков вознаграждался одним пенни, а за несколько побед они обменивались на конфету. Конечно, всё это при условии, что мальчишки успеют доиграть до того, как им помешает дворник или сварливый жилец.

В доме, где я вырос, худшей напастью была миссис Бауэр — она любила портить всё удовольствие; ей не нравились шумные и плюющиеся под окном дети. Но детвора всегда будет придумывать игры, если им нечем заняться, и миссис Бауэр лишь добавляла элемент сложности в игру и бросала вызов своими запретами.

Самый младший мальчишка поднял глаза вверх, заметил меня и тотчас распознал более прибыльную возможность.

— Помочь вам найти какое-то место, мистер?

Он остановился передо мной, сжимая левой рукой чёрные подтяжки, удерживающие его

коричневые бриджи.

Я не ответил сразу, и он посмотрел на меня с тревогой.

— Я могу помочь вам за пенни.

Это был худой мальчишка лет девяти-десяти беспризорного вида. Я рассмотрел, что его штаны были изношены и много раз залатаны. В свои девять лет я был таким же — голодным.

Я кивнул, соглашаясь, и мальчишка зарумянился от облегчения.

— Я ищу дом 101 по Макдугал-стрит.

Я бросил взгляд на бумажку, которую мне дал репортёр.

— Наверно, это в одном из тех домов.

Макдугал-стрит почти целиком состояла из многоквартирных домов и салунов, а в это время дня салуны ещё были закрыты.

— Это вот там. Я покажу.

Мальчишка с нетерпением поскакал впереди меня, пока мы не оказались перед зданием из рыжего кирпича.

Это был невзрачный пятиэтажный дом.

Я был уверен, что в субботу в обеденное время почти все хозяева сидели дома. Я даже чувствовал доносившиеся из приоткрытых окон запахи еды.

— Какую квартиру вы ищите? — с надеждой уточнил мальчик.

— 5С, кажется. Но теперь я и сам найду.

Я протянул ребёнку три монетки — надеюсь, ему хватит, чтобы купить еды с тележки на углу Бликер-стрит.

— Спасибо, мистер.

Широко улыбнувшись, он запихнул сокровище в карман.

— Кажется, 5С на верхнем этаже. Там живёт Уолтер.

Я поднялся по лестнице на верхний этаж, проталкиваясь через кучки сидящих на ступеньках детей. Некоторые из них играли в камешки; другие — помладше — катались на перилах.

В коридорах между этажами тоже сгрудились дети, сбежавшие к друзьям из переполненных квартир.

В подобных многоквартирных домах множество людей были согнаны под одну крышу, независимо от их возраста и степени родства.

Не уверен, что пойди со мной Алистер, он смог бы осознать подобное размещение и образ жизни.

Я постучал в квартиру 5С. Дверь открыл высокий африканец и бросил на меня вопросительный взгляд. У него были коротко остриженные седые волосы и глубокие морщины, испещрившие лоб и область вокруг глаз.

Я глянул на клочок бумаги, который мне дал Райли, чтобы убедиться, что не ошибся с адресом.

— Мне сказали, что здесь я найду Тимоти По.

Мужчина сделал угрожающий шаг навстречу мне из квартиры и стал казаться ещё выше и шире в плечах.

— Кто бы вам это не сказал, он солгал.

Я медленно вытащил из кармана пальто удостоверение и решил воспользоваться информацией, которую узнал у мальчишки во дворе.

— Вы Уолтер? Боюсь, не знаю вашей фамилии.

Он глянул на меня, секунду помолчал, а затем его звучный, полный злости баритон разнёсся по всему дому.

— Вилли. Джим. У меня тут непрошенные гости.

Я постарался не вздрогнуть, когда на лестничной клетке появились двое таких же огромных, как Уолтер, мужчин: один из них вполне мог бы быть его братом, а второй оказался ниже ростом, но крепко сбитый, с рыжей бородой.

Они подошли слишком близко ко мне, и хотя пока не трогали, выглядели очень угрожающе.

Я нервно сглотнул.

А их поведение сработало. Только в подобном районе кто-то мог осмелиться запугивать офицера полиции.

Я постарался сдержать дрожь в голосе и произнёс:

— Я консультант девятнадцатого участка в расследовании убийства. Тимоти По — часть моего расследования, и мне сказали, что я смогу найти его здесь.

Я распрямил плечи, пытаюсь казаться храбрее, чем было на самом деле.

— Я вам уже сказал: нет здесь никакого По.

Уолтер сердито на меня посмотрел.

Когда я не сделал попытки сбежать, он приблизился ещё на шаг.

— Я даю вам ровно одну минуту, чтобы убраться...

Он бы сказал и больше, но в этот момент его плеча коснулась хрупкая, тонкая, бледная рука и потащила обратно в комнату.

— Всё в порядке, Уолтер. Я его знаю.

Уолтер неодобрительно нахмурился, но отступил.

И по этому простому диалогу я понял, как между ними обстоят дела.

Зная репутацию квартала «жёлто-чёрных», я ожидал увидеть, что По живёт здесь с женой или подругой другой расы. Но его отношения с африканцем явились откровением, к которому я не был готов. Моей инстинктивной реакцией было поинтересоваться, как я могу доверять человеку, который обманул меня без колебаний во время допроса.

Если он скрыл это, то что ещё он может скрывать?

Моей второй, более обдуманной реакцией было спросить себя: мои подозрения — это результат его лжи или моего нового открытия?

— Ты уверен, Тим?

Мужчина с рыжей бородой и волосами с сомнением осматривал меня с ног до головы.

— Уверен. Спасибо вам.

В дверном проёме появился Тимоти По и поприветствовал меня.

— Детектив. Не желаете войти?

Уолтер сделал шаг в сторону и дал мне пройти. Он постарался не показывать своей реакции на моё посещение, но я заметил промелькнувшее в его глазах беспокойство.

Это была стандартная трёхкомнатная квартира.

Прихожей не было; я сразу очутился в гостиной. Обои с цветочным рисунком, два кресла с высокими спинками и небольшой зелёный диванчик.

— Прошу вас, присаживайтесь, — произнёс Тимоти. — Приношу свои извинения. Мои друзья лишь заботятся о моём благополучии.

Я не мог не подумать, что эти двое угрожали сейчас не его благополучию, а моему.

Уолтер исчез на кухне, а мы с Тимоти сели друг напротив друга.

Он сел на диван, а я занял место на стуле с шерстяной обивкой. Он был мягкий, хорошего качества. На самом деле, вся мебель в комнате была довольно высокого качества. Похоже, владельцы этой квартиры были богаче, чем я себе представлял. И уж точно богаче многих в подобных многоквартирных домах.

Передо мной на кофейном столике лежала куча популярных журналов и газет: «Харпер», «Мир», «Таймс» и еженедельный вестник «Эпоха Нью-Йорка». Все они были мятые, замусоленные и не раз прочитанные. Там же лежала брошюра из Африканской методистской епископальной церкви Сиона — «Матери всех церквей», как называли её большинство прихожан.

— Я должен спросить: кто сказал вам искать меня здесь?

Его голос слегка дрожал.

Он казался ещё более обеспокоенным, чем вчера в участке, если такое вообще возможно.

Я не хотел признаваться, что это был репортёр «Таймс» — по крайней мере, пока — и ответил просто:

— Это был человек, также вовлечённый в расследование. Он посоветовал поискать вас здесь для дальнейшего опроса.

Меня пронзила мысль: если Райли и Богарти знали об истинном местонахождении По, то были ли они в курсе, какой приём меня здесь ожидает?

Если да, то они явно хотели меня запугать.

Но в этом не было смысла.

Значит, они получали извращённое удовольствие, сталкивая меня с ситуацией, с которой даже более опытный сотрудник полиции сталкивается далеко не каждый день.

Тимоти поморщился.

— А я был так осторожен. И откуда кто-то мог узнать про мои отношения с Уолтером?

Он вдруг резко выпрямился и запаниковал.

— Люди в театре тоже знают?

— Я им не говорил, — мягко ответил я.

Он застыл испуганно и уставился на меня.

Я попытался сравнить этих двух человек: тихого, озабоченного Тимоти, которого я опрашивал вчера, и Тимоти, сидящего передо мной сейчас — всё ещё робкого, но живущего такой жизнью, которая шокировала бы и человека, далёкого от пуританских взглядов.

В том числе и меня.

Несмотря на то, что я верил, что каждый может распоряжаться своей жизнью так, как ему вздумается, к такому я готов не был.

И всё же Тимоти По был тем же самым человеком, которого я опрашивал ранее: напряжённый, уязвимый... И подозреваемый в убийстве. Поэтому пока я сфокусировался на вопросах, касающихся дела, зная, что позже у меня получится лучше разобраться со всем остальным.

По до сих пор лгал? Его беспокойство из-за театра казалось неподдельным, и всё же...

Я произнёс ещё мягче:

— Мне нужно, чтобы вы рассказали, что делали вчера.

Он не ответил.

Находящийся на кухне Уолтер, казалось, не обращал на нас внимания, но я был уверен, что он ловит каждое слово. Не сомневаюсь, что он занял такую позицию, чтобы наблюдать

за нами, пока сам с остервенением утюжил чёрные брюки и белую рубашку.

Задача была непростой: на печке стояли три утюга, и как только один остывал, Уолтер брал другой. Наверно, ему надо было не только убрать все складки на одежде, но и высушить её, потому что погода на улице пока ещё была слишком холодной для сушки.

Я решил попробовать другую тактику.

— Уолтер, как долго Тимоти находился здесь с вами? — спросил я.

Мужчина поставил на плиту остывший утюг и поднял брюки вверх на вытянутых руках. Удовлетворённо хмыкнул, повесил их на спинку стула и зашёл к нам в гостиную, где сидел молчаливый и несчастный Тимоти.

— Не обижайтесь, детектив, но каким образом подробности нашей личной жизни помогут вам в раскрытии дела?

— Капитан Малвани считает мистера По возможным подозреваемым в убийстве. Не знаю, прав он или нет, — заметил я, — но теперь любые подробности жизни мистера По относятся к делу.

— Тим только начал пользоваться успехом в театре, а ваши расспросы ставят под угрозу его будущую карьеру, — произнёс Уолтер с заметным предупреждением в голосе.

— Он не рассказал вам, что вчера был доставлен на допрос по подозрению в убийстве?

— Но вы его отпустили, — Уолтер говорил медленно и размеренно. — Вы, очевидно, сняли с него подозрения.

— Пока нет. Капитан обеспокоен, — сухо ответил я. — Мистер По остаётся пока подозреваемым, пусть и без достаточных улик, чтобы держать его в тюрьме. Но ложь полиции — неприятный факт. Поэтому если он хочет сохранить свою свободу, я должен узнать правду.

Уолтер тяжело вздохнул, а Тимоти потёр лоб, словно пытался избавиться от назойливой головной боли.

И они вкратце ввели меня в курс дела.

Они познакомились пять лет назад, когда Тимоти приехал с гастролями спектакля в Джерси, а Уолтер работал там официантом. Но семья Уолтера жила здесь, на углу Минетта-Лейн, хотя некоторые из родственников и переехали на север в «Маленькую Африку»⁷.

— Верьте или нет, но мой отец — ирландец, а вот мать уже родилась рабыней в Вирджинии. Я жил здесь всю свою жизнь, — добавил он просто. — И я знал, что только в пределах этих трёх кварталов мы с Тимом можем наладить совместную жизнь.

Я неловко кашлянул.

— Если позволите... Я знаю, что в театральной среде есть множество личностей, не живущих по диктуемым им традиционным обществом нормам. Так почему вас заботит то, что в театре узнают, что вы...

Уолтер и Тимоти так пристально на меня смотрели, что я запнулся и неловко пробормотал:

— Ну, что вы...

— Что меня можно обвинить в грехе Оскара Уайльда? И что мне нравится мужчине африканского происхождения?

Тимоти вдруг вызывающе посмотрел мне в глаза.

— Возможно, моим коллегам будет и всё равно. Но я работаю на мистера Фромана, а если он узнает о моих отношениях с Уолтером, то погубит мою карьеру в мгновение ока.

— Я слышал, что его менеджеры следят за личной жизнью своих ведущих актрис, —

произнёс я, вспомнив фразу Алистера, сказанную прошлым вечером. — Но зачем мешать вам? Вы же не...

— Не прима? Не ведущий актёр? Да, это так. Пока. Но Фромана всё равно это волнует. Если вы связаны с его представлениями и его театром, то должны следовать определённым правилам в личной и профессиональной сферах жизни. И ещё, — горько добавил он, — я не раз становился свидетелем того, как он заносил актёров, не выполнивших его требования, в чёрный список. И они больше никогда не могли найти себе работу. Ни у него. Ни у Хаммерстайна. Ни у братьев Шуберт.

— Но я представить не могу, откуда ваш источник знает о нас. Мы с Тимом всегда были осмотрительны, — добавил Уолтер. — А наши друзья из этого квартала никогда бы нас не предали. Многие из нас сталкивались в своей жизни с подобным давлением. Сам я официант в клубе «Ойстер». И мне плевать, если о нас с Тимом узнает мой начальник, хотя я и уверен, что последствия не заставят себя ждать. Как видите...

Он поднялся с дивана и извинился, что вынужден собираться на работу, иначе опоздает.

По крайней мере, его работа объясняла финансовое положение этой пары. В клубе, подобном «Ойстеру», Уолтер явно неплохо зарабатывал. С учётом чаевых, я мог бы смело заявить, что за год у него выходило около тысячи долларов. Это составляло поразительный контраст с большинством из его соседей по дому: они, по большей части, работали поденщиками и зарабатывали от трёхсот до четырёхсот долларов в год за изнурительный физический труд.

— А другой адрес... — я замолчал, зная, что Тимоти меня поймёт.

— Если кто-то начнёт меня искать, мои друзья просто ответят, что меня нет дома.

Тим упрямо сжал челюсти.

— Я плачу за те комнаты. И иногда я там остаюсь, если после поздно закончившегося спектакля у меня на утро стоит ранняя репетиция.

— Давайте пока оставим этот вопрос. Я хочу кое-что ещё узнать об Анни, — произнёс я. — Было ли в её жизни нечто, что Фроман бы не одобрил? То, что она пыталась утаить?

— Не знаю, — ответил Тим. — Но вам стоит поговорить с её соседями. Сложно хранить секреты от людей, с которыми столько времени проводишь бок о бок.

Именно этим в данный момент и занимались Алистер с Изабеллой.

— Анни знала о вашей тайне? — спросил я, в конце концов.

— Думаю, нет.

Но выражение тревоги на его лице говорило мне о том, что он не уверен в этом. Мог ли страх из-за разоблачения его секретов послужить мотивом для убийства?

Мы продолжили разговаривать ещё пару минут, и я предупредил Тима:

— Если для вас настолько важно сохранить в тайне вашу жизнь здесь, то лучше будет перебраться в ту квартиру в центре города, пока мы не раскроем дело.

Если честно, я сказал так не только из-за беспокойства о секретах По. Я бы предпочёл, чтобы он оставался среди своих коллег-актёров, где я бы всегда мог контролировать его местонахождение.

— Думаю, вы правы, — произнёс голос сбоку.

В комнату вошёл Уолтер, переодетый в форму официантов лучших ресторанов Нью-Йорка — чёрный пиджак и брюки в сочетании с белоснежной рубашкой и галстуком-бабочкой.

— Это ненадолго, Тим. Тебе рискованно пока оставаться здесь.

Я вышел из квартиры вслед за Уолтером.

— Вы ведь, вероятно, будете ещё тревожить Тима? — с беспокойством Уолтер. — На нём и так это уже тяжело сказалось.

Я мог ответить ему только правду.

А правда была в том, что я и сам не знал.

Но в одном я был уверен: если я сообщу обо всём Малвани — а я даже не представлял, как мне от него это утаить — то он моментально посчитает Тимоти По главным подозреваемым.

«И небезосновательно», — подумал я.

А может, во мне говорит не логика, а неоправданное предубеждение?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Ресторан «Мама», 34-ая улица.

— В свете того, что мы выяснили вчера, я не верю, что Тимоти По — подозреваемый. Но то, что вы о нём рассказали, вызывает определённые опасения. Возможно, стоит ещё раз пересмотреть все факты.

Алистер стал непривычно задумчив после того, как я рассказал ему и Изабелле о своём посещении квартала, где жил По.

Мы обедали в ресторане «Мама» — «экспериментальном» заведении, которое вообще мало походило на ресторан.

Мы сидели в гостиной Луизы Леоне в её квартире на 34-ой улице и наслаждались блюдами за пятьдесят центов вместе с десятком других клиентов. Еда была исключительной, а декор — простым, но ярким: красные клетчатые скатерти на пяти столиках и ярко-алые шторы, отделяющие зал ресторана от кухни.

— Потому что твой анализ оказался ошибочным? — поддразнила его Изабелла. — Или потому что личная жизнь Тимоти По настолько важна?

В глазах Алистера промелькнуло недовольство, и он покачал головой.

— Криминологический анализ может быть удачным лишь в том случае, если мы хорошо понимаем его предмет. В данном случае объект анализа — Тимоти, а он нам серьёзно соврал.

— Боюсь, вынужден согласиться, — кивнул я. — Если он утаил ту информацию, то только представьте, что ещё он мог нам не рассказать.

Я сделал глоток кьянти — именно его Мама очень рекомендовала попробовать и заказала из винного магазинчика своего мужа.

Я хотел налить и второй бокал, но передумал. На часах было только пять вечера, и хоть мы и сели рано ужинать, ночь у меня обещала быть длинной.

Изабелла решила отведать закуску из печеных моллюсков с огромного блюда, которое только что принесли к нашему столу.

— Вы оба просто смешны, — пробормотал он между двумя укусами. — Итак, Тимоти По солгал. И он определённо не первый, кто так поступил, особенно если учесть, что последствия признания могли стоить ему карьеры. Это не делает из него убийцу.

Я предпочёл бы избегать разговоров о подобных вещах в присутствии Изабеллы, но она, как и всегда, воспротивилась, когда я собрался поговорить с Алистером наедине, напомнив

мне, что я пообещал полностью держать её в курсе дела в обмен на её помощь.

— К тому же, — добавила она, — вы же не думаете, что я не читаю газеты? Да, знаю, многие уверены, что это неподобающее занятие для юной леди, и разговоры о судах за непристойное поведение — не лучшая тема для разговора дам за ланчем. С другой стороны, большинство тем, которые мы обсуждаем с Алистером, не подходят для светской беседы.

И она была права.

Я до сих пор полностью не понимал, что заставляет её проводить день за днём, помогая своему свёкру в криминологических исследованиях.

Ради её собственной безопасности, Алистер не допускал Изабеллу к допросам преступников и извращенцев. Но он целиком привлекал её ко всем аспектам своих исследований. Это был её собственный выбор, сделанный вскоре после неожиданной смерти мужа.

Я знал, что её работа с Алистером связана со скорбью по Тедди. Но ещё я осознавал, что дело не только в этом. Она была искренне заинтересована в преступниках и их преступлениях, ведь смерть Тедди так никто полностью объяснить и не смог.

Я не мог расспрашивать её об этом.

Вместо этого я поинтересовался тем, что беспокоило меня гораздо меньше.

— Почему вы так стойко защищаете Тимоти По? Вы ведь даже ни разу не встречались.

Она выпрямилась.

— А хотелось бы. В данном случае, полагаю, я бы лучше смогла разобраться в его личности, чем любой из вас.

Алистер побледнел.

— Ты не будешь с ним встречаться, пока мы полностью не удостоверимся, что По не убийца.

Конечно же, он помнил об огнестрельном ранении, которое чуть не отправило Изабеллу на тот свет всего четыре месяца назад. Это убедило его в опасности, которую представляют его криминологические исследования, поэтому с тех пор он стал ещё жёстче ограждать Изабеллу от рисков его работы.

— Я на минутку отойду.

Алистер сложил салфетку, поднялся из-за стола и направился к грузному, высокому человеку, только что вошедшему в ресторан. Стоящая рядом с ним миниатюрная женщина едва дотягивала ему до плеча.

Похоже, Алистер знал обоих, потому что помог даме снять шубу и повесил её на вешалку у стены.

— Оскар Хаммерстайн со своей женой, — просветила меня Изабелла.

Её глаза скользнули по висевшему на стене портрету широко известного тенора Энрико Карузо. Он занимал это почётное место, потому что в своё время был первым покровителем Мама — самый преданный поклонник её стряпни, уговоривший Маму открыть свой ресторан, несмотря на возражения её мужа. А потом он пригласил в этот ресторан своих друзей-музыкантов, и с тех пор они были здесь завсегдатаями.

— Будем надеяться, что сегодня певцы из Метрополитен-оперы сюда не придут. Иначе мы станем свидетелями грандиозной стычки!

Я бросил взгляд на Хаммерстайна.

— Почему? Они не ладят?

Изабелла покачала головой.

— Они яростные соперники. Мистер Хаммерстайн — ревностный поклонник оперы, но он высказался о последних неутешительных стараниях Метрополитен. По сути, он приступил к созданию собственного оперного театра. Он строится на той же улице; вы, должно быть, проходили мимо него, когда направлялись сюда.

Да, проходил. Но на той улице было столько строящихся зданий, что я даже не заострил на них внимания.

Алистер вернулся за наш столик с широкой улыбкой.

— Итак, на чём мы остановились?

— Мы собирались отложить свои необоснованные подозрения в отношении мистера По, — без запинки произнесла Изабелла, — и рассказать Саймону, что нам поведали соседи Анни Жермен.

— Точно, — кивнул я.

Но тут наш официант — Жене, младший сын Мамы — принёс нам полную тарелку лингуине⁸ с острым соусом из моллюсков.

Мы подождали, пока он отошёл достаточно далеко, и продолжили разговор.

— Анни делила комнаты в доме на 37-ой улице с ещё двумя актрисами, которых мы вчера с вами мельком видели в гримёрной.

Алистер сперва наполнил тарелку для Изабеллы. В его голосе сквозило разочарование.

— Прошлым вечером они отправились с Джеком Богарти, и вероятно, рассказали ему всё, что знали, под воздействием чрезмерно выпитого в баре «Никербокер» алкоголя.

Я внутренне застонал, вспомнив двух блондинок, которые преданно ловили каждое слово, произнесённое репортёром. Была ли одна из них той, кто рассказал Богарти и Райли о столь тщательно охраняемом По секрете?

— Но с вами они тоже поговорили?

— Поговорили. Но сомневаюсь, что они были настолько же откровенны, как в компании Богарти после трёх бутылок шампанского, — Алистер нахмурился. — По большей части, они сообщили подробности своей повседневной жизни. Судя по всему, у них довольно жалкое существование: им едва хватает денег, чтобы прожить от понедельника до понедельника. Откладывать на будущее ничего не получается; всё уходит на оплату проживания и еду.

— Если Анни была в такой же ситуации, могла ли она задолжать кому-нибудь деньги? — начал размышлять я вслух. — И ввязаться в неприятности из-за долгов?

Изабелла покачала головой.

— Мы проверили. Флоренс и Фанни это отрицают. Анни не была привередлива и обычно тратила мало.

— Обычно?

Я отодвинул тарелку с лингуини. Надеюсь, неисчерпаемый запас кулинарных изысков на сегодня подошёл к концу. Я не привык за один раз съедать столько изысканных блюд.

— Похоже, около двух с половиной недель всё изменилось, — произнесла Изабелла. — В шкафу появились новые платья; каждое утро у кровати стоял новый букет цветов, а шею и запястья украшали новые безделушки.

— Судя по всему, у неё появился новый кавалер, — заметил я.

— Именно.

Алистер подозвал парнишку, заказал ещё вина, а затем продолжил:

— К сожалению, Анни его ни с кем не знакомила.

— Значит, они его не знают?

— В общем-то, да. Она никогда не приводила его с собой, даже не приглашала на спектакли.

— Но вы же узнали его имя?

Алистер и Изабелла обменялись взглядами и покачали головой.

— Вы хотя бы узнали, как он выглядел? — резко спросил я.

Снова отрицательный ответ.

— Вам вообще удалось о нём что-нибудь узнать?

От разочарования я повысил голос, смял салфетку и отложил её в сторону. Appetit пропал.

— Ну...

Изабелла торжествующе улыбнулась, засунула руку в свою чёрную кожаную сумочку и вытащила бумаги.

— Похоже, новый кавалер Анни любил посылать ей письма. Флоренс вспомнила об этом не сразу. И по нашей просьбе сначала обыскала комнату Анни, а затем посмотрела в выброшенных вещах — и нашла вот это.

Изабелла протянула мне бумаги. Бумага была дешёвой, тонкой и квадратной — со стороной около двенадцати сантиметров. Мятая, с загнутыми уголками, покрытая масляными пятнами.

Но это всё не имело значения. Я узнал этот тонкий почерк со слабым нажимом, который уже несколько раз видел за последние двадцать четыре часа.

«Встретимся после спектакля в нашем обычном месте. Жду тебя».

Я вздрогнул и посмотрел на Алистера.

— Видите? — Алистер погладил подбородок. — Флоренс и Фанни ничего не знали о личности ухажёра Анни. Но мы знаем.

— Теперь вы ведёте себя смешно, — произнёс я. Мысли лихорадочно проносились в голове. — Мы всё равно не знаем, кто он — ни его имени, ни описания внешности.

— Разве нет?

Глаза Алистера загорелись.

— Мы знаем нечто гораздо более полезное. Имя может быть вымышленным. Внешности можно замаскировать. А мы же получили информацию о том, что он не смог бы изменить, как ни хотел: о его поведении.

Меня вновь накрыло с головой разочарование. Я попытался скрыть раздражение в голосе и говорить тихо, чтобы не потревожить других посетителей.

— Я вас умоляю! Мы лишь узнали кое-что о его почерке — и всё! Не о поведении. А каким образом это поможет определить его среди всех мужчин в городе? Мы можем искать любого!

— Мне кажется, — непринуждённо произнёс Алистер, — что вы теряете из виду то, что мы знаем, слишком беспокоясь о том, что нам неизвестно.

Наступила долгая, неудобная пауза, когда Жене принёс выпечку.

— Ваш десерт, — произнёс парнишка. — И Мама просила узнать, понравился ли вам ужин?

— Передайте ей, пожалуйста, что он был великолепен. Как и всегда, — тепло произнесла Изабелла. Жене улыбнулся ей, пообещал, что скоро принесёт кофе, и убежал дальше.

— Думаю, я понимаю, куда клонит Алистер. Автор этого письма, — Изабелла легонько коснулась пальцами бумаги, — ухаживал за своей жертвой: платья, украшения, цветы, ужины. Он проводил с ней много времени, узнавал её. И таким образом соблазнил. Полагаю, надо поговорить с друзьями Элизы Даунс, чтобы определить, повторится ли там подобная поведенческая модель.

— Именно.

Алистер с энтузиазмом принялся за пирожные.

— Если нам повезёт, то один из знакомых девушек даст нам зацепку: или его внешность, или имя. А если нет, то у нас будет даже больше информации о модели его поведения. И мы сможем использовать это, чтобы определить следующую жертву.

Я мог лишь устало взглянуть на Алистера.

— Не стану притворяться, что знаю многое об актрисах с Бродвея, — произнёс я, — но мне кажется, записки и цветы не выходят за рамки нормального поведения мужчины, который увлечён молодой хористкой. И вспомните: Молли Хансен сказала мне, что привязанность Анни к тому человеку была вызвана лишь амбициями. Он обещал сделать из неё звезду, а не возлюбленную.

— А с каких пор это стало взаимоисключающими вещами, Саймон? — снисходительно улыбнулась Изабелла.

— К тому же, это придаёт свою специфику поведению мужчины. Он не просто соблазняет жертву. Он, в некотором роде, совершенствует их: их наряды, их поведение, их жизнь. Вот на что нам надо обратить внимание, пытаюсь определить личность следующей жертвы. Держать ушки на макушке.

— Их наряды и поведение...

А машинально повторил эти слова, потому что они показались мне знакомыми.

А потом я понял.

— Именно об этом вы мне говорили прошлым вечером! Чарльз Фроман! Он даже указывал своим актрисам, что они должны прогуливаться не по Бродвею, а только по Пятой Авеню. Ведь имидж — это всё! И кажется, Тимоти По намекнул мне сегодня на нечто подобное...

Алистер забеспокоился.

— Вы же не предполагаете, что...

— Я не предполагаю ничего. Но всё возможно, — я старался говорить спокойно. — Держать ушки на макушке — так вы, кажется, сказали?

Алистер молча кивнул.

В этот момент Мама принесла к нашему столику кофейник. Я налил себе целую чашку ароматного горячего кофе, но отказался от выпечки, которую Алистер, напротив, с удовольствием поглощал.

По крайней мере, в одном Алистер был прав: убийца, решившийся на столь изощрённый план — да не один раз, а два! — не собирался останавливаться.

Он убьёт снова.

Вопрос лишь в одном: когда?

И хватит ли нам времени, чтобы его остановить?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Здание Девятнадцатого полицейского участка.

— Комиссар Бингем на это не пойдёт.

Малвани был мрачным и угрюмым. Он сидел за своим столом, скрестив недовольно руки.

Но я не отступал.

— Но ты же понимаешь, почему нам нужно с ним поговорить. Я не предлагаю вести его сюда для допроса. Мы можем просто по-дружески поговорить: либо в твоём кабинете, либо у него дома.

Малвани чуть не зарычал на меня, стукнув по столу кулаком:

— Уж дома-то точно не стоит тревожить Чарльза Фромана! Ты, кажется, не совсем понимаешь, какими связями обладает этот человек. Он находится в прекрасных отношениях и с мэром, и с комиссаром, и со многими другими. Всем нравится, какие деньги приносят городу его спектакли.

Малвани чуть успокоился и откинулся на спинку стула.

— Дело в том, что меня уволят к чертям, если я буду слишком глубоко копать в деле, которое меня попросили оставить в покое.

Мы с Малвани практически были одни в участке. Поздним вечером в субботу тут находился лишь один-единственный полицейский на первом этаже на пропускной, и он явно находился вне пределов слышимости.

Я начал расхаживать взад и вперёд перед его столом.

— Но ты же понимаешь, почему мне нужно с ним поговорить. Если в деле замешан и не Фроман лично, то уж точно один из его работников. Убийства происходят в его театрах. И то, как убийца контролирует своих жертв, очень напоминает контроль самого Фромана над актёрами.

Я развернулся лицом к Малвани.

— Возможно, я придумал способ поговорить с Фроманом неофициально, не привлекая к этому тебя. Мы же можем с ним столкнуться случайно, скажем, на вечеринке или в театре?

Не успел я закончить фразу, как Малвани громко хлопнул ладонью по столу и разразился гомерическим хохотом, мгновенно забыв о раздражении.

— Ты, Зиль?! Завсегда́тай званых вечеров? И когда последний раз ты был на подобных мероприятиях?

Я усмехнулся и покачал головой.

— Ты же прекрасно знаешь, что не был вообще. Но никогда не поздно начать, верно?

Идея явно забавляла Малвани.

— Подобные вечера больше подходят твоему профессору. Кстати, где он сегодня?

— Повёл Изабеллу слушать симфонию.

После ужина, они отправились в Карнеги-Холл на выступление Нью-Йоркского филармонического оркестра. Алистер взял билеты, потому что сегодняшняя программа включала так любимые Изабеллой Бранденбургские концерты⁹.

— Хм. В любом случае, у него больше возможностей получить приглашение на званый вечер среди театралов, чем у тебя.

Голос Малвани вновь стал серьёзным.

— Хотя я и не понимаю, чем тебе это поможет. Ты должен отказаться от идеи поговорить с Фроманом.

— Значит, комиссар не слишком заинтересован в поимке настоящего убийцы и скорее сделает козлом отпущения не того человека? — я опять развернулся к Малвани лицом.

Малвани посмотрел на меня со смесью разочарования и усталости.

— Идём, — произнёс он, наконец. — Ты домой на поезде? Если да, то я пойду с тобой. Сам направляюсь в сторону Центрального вокзала.

Я согласно кивнул. Мы вышли из здания участка, и лишь в свете уличных фонарей я разглядел, что всё его лицо покрыто морщинами от усталости.

Малвани потянулся к верхней пуговице пальто, чтобы запахнуться плотнее, хотя сегодняшняя погода была значительно теплее, чем вчерашний кратковременный снегопад.

Несколько кварталов мы прошли молча, а затем Малвани заговорил:

— Как там говорят, Зиль? Будь осторожен в своих желаниях? — мужчина вздохнул. — Я всегда хотел быть капитаном участка. Но это может быть таким неблагодарным делом! Столько людей с противоположными интересами, а я должен балансировать между ними...

— Хочешь сказать, мой интерес теперь тоже противоположен другим? Вспомни, это ты попросил меня о помощи. Это было твоё дело, а не моё.

Я понимал, что был резок, напоминая ему об этом.

— Я не это имел в виду... Видишь ли, этот комиссар... — начал Малвани, но замолчал на полуслове.

— Я знаю, у тебя сейчас стало больше проблем, — уже мягче произнёс я. — Но и ты, и я сталкивались с ними всегда. Помнишь, как мы начинали? Только выпустились, только закончили подготовку и узнали, что наш начальник...

— Брал взятки? — печально прервал меня Малвани. — Да, я помню. Ты так ему доверял, а потом узнал, что он тоже во всём замешан.

Я подстроился под широкие шаги Малвани.

— И всё это — в разгар реформ Рузвельта. Он сделал много всего, пока был шефом полиции, чтобы очистить наши ряды от коррупции, но даже он не смог положить всему конец.

Малвани усмехнулся.

— Он издал указ, благодаря которому и ты, и я смогли служить в полиции. Это многое значит.

Наш нынешний президент, Тедди Рузвельт, был шефом полиции Нью-Йорка в 1896 году, когда Малвани и я сдавали вступительный экзамен, обязательный для всех новых полицейских.

Нам повезло.

До Рузвельта в ряды полиции можно было попасть только двумя способами: либо взятки, либо хорошие связи. Либо и то, и другое.

Хотя никто из прохожих не мог нас подслушать, я всё равно понизил голос, прежде чем ответить:

— Помнишь, тогда мы решили, что единственное, что важно — сами жертвы. Что мы будем бороться против любого проявления коррупции, которая будет мешать нам добиться правосудия, которого они заслуживают. Остальное неважно.

Малвани глубокомысленно кивнул.

— Помню. Ты называл это «вопросом выбора правильного сражения».

Я стиснул зубы.

— И я выбираю этот. Потому что у нас две жертвы — Анни Жермен и Элиза Даунс—

чьи интересы находятся под угрозой.

Малвани не повернулся ко мне, избегая взгляда, и я на секунду подумал, что сейчас он вновь взорвётся.

Но вместо этого он покорно взглянул на меня.

— Эх, Зиль, если бы тебе удалось закончить колледж, ты бы стал чертовски классным адвокатом. Я не могу с тобой спорить.

— Так как ты можешь оправдывать и защищать Фромана, если существует вероятность, что он или кто-то из его подчинённых замешаны в смерти двух девушек? — резко произнёс я. — Ты не можешь такое говорить.

— Сейчас я могу тебе сказать только одно, — побледнел Малвани. — Делай, что должен. И если сможешь провернуть всё так, чтобы не взбаламутить воду, то всё будет отлично.

На этом мы с ним попрощались возле здания Центрального вокзала.

Я направился к скамейке напротив девятнадцатого пути, на который через десять минут должен был прибыть мой поезд. Я правильно поступил, когда не рассказал Малвани о Тимоти По.

С этого момента я больше не буду чувствовать вину за утаивание неприятной информации о личной жизни актёра. Если бы Малвани узнал правду, то сразу бы бросился вновь арестовывать По; может даже, и не столько из-за убеждённости в его причастности к преступлению, сколько из-за того, что По в качестве козла отпущения удовлетворит любую влиятельную верхушку.

А это никому и ничего хорошего не принесёт. Особенно двум несчастным девушкам, чьи смерти мне поручено расследовать.

На часах было 21:25.

Зная, что с минуты на минуту придёт мой поезд, я поднялся со скамьи, взял шляпу, поношенный коричневый портфель и газету.

Сегодняшние заголовки были посвящены празднованию в городе дня Святого Патрика, в том числе и параду на Пятой Авеню. Я хотел почитать что-нибудь лёгкое, чтобы отвлечься от расследования убийств и тёмных мыслей, которые вызывала такая работа.

Я засунул газету в портфель.

И не заметил мужчину, стоящего всего в паре метров передо мной.

Поэтому его голос совершенно застал меня врасплох.

Но в подсознании я узнал этот хриплый, глубокий баритон ещё до того, как поднял глаза и смог подтвердить свою догадку.

Всего два слова.

«Здравствуй, сынок».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Здание Центрального вокзала.

Прошло больше десяти лет с тех пор, как я его видел в последний раз.

Он даже не попрощался.

Вообще-то, тут почти нечего рассказывать.

Отец попросил Ника Скарпетту — владельца игрового дома, где мой отец просаживал

деньги — сообщить матери, что он уехал.

Никки был грубоватым, но добросердечным немногословным человеком, и я до сих пор не могу понять, как он смог сообщать матери эти ужасные новости: отец не только проиграл все их сбережения, но и уехал из города с другой женщиной.

Как и у большинства мошенников, у моего отца был прекрасно подвешен язык. И хотя обычно он использовал свой дар для игры в карты или для того, чтобы выпутаться из передраги, но я всегда считал, что он задолжал нам с матерью последнее «прощайте».

Конечно, всё, что он сказал бы, было бы ложью. И всё же слова прощания помогли бы моей матери лучше переварить горькую правду.

Он прислонился к спинке скамьи, и фонарь над головой осветил его точёные, безошибочно узнаваемые черты.

Он, как и всегда, прекрасно выглядел и был одет с иголки. Несмотря на то, что его туфли были слегка поношенными и не чищенными, а пальто из дорогой тёмной шерсти было явно куплено в деньки, когда он был на коне.

Такие лица, как у него, женщины всегда считали симпатичными: умные карие глаза, мужественные, решительные черты лица и очаровательная улыбка.

Он был выше меня и шире в плечах.

Но теперь, когда я стал старше, я заметил, насколько моё лицо поразительно похоже на его, пусть и без такой очаровательной улыбки и возрастных морщин.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я.

Как же странно и непривычно было видеть его перед собой спустя столько лет!

— Эх, Саймон, — непринуждённо произнёс отец, широко улыбаясь. — И никакого намёка на радость от встречи со своим стариком? Только не говори, что ты уже знал, что я в городе!

Он закашлялся, прижимая ко рту платок в мнимом смущении.

— Не знал, — холодно ответил я.

Но, уже произнося это, вспомнил, как последние несколько дней меня не отпускало чувство, будто кто-то следит за мной.

Теперь я осознал, что это, скорей всего, был он.

— Конечно, нет.

Он легко скользнул на сидение рядом со мной и скрестил ноги. Постукивая пальцем по подбородку, отец оценивающе взглянул на меня.

— Выглядишь уставшим, Саймон, — произнёс он. — Ты работаешь слишком много. Я за тобой наблюдал.

На несколько секунд повисла тишина.

— Зачем ты вернулся?

— Разве отец не может захотеть снова увидеть сына?

Он пристально смотрел мне в глаза, произнося фразы сладким, льстивым тоном, и я сразу вспомнил, как ему удавалось убалтывать мать наутро после крупных проигрышей.

Он умел заставить человека чувствовать себя важным, ценным высоко, сосредоточив всё своё внимание на нём. И для объекта его внимания это чувство было опьяняющим.

Но я знал, что это обычное подхалимство.

— Снова? — скептически приподнял я бровь. — Десять лет спустя?

— Туше, — отец усмехнулся краем рта. — Понимаешь, обстоятельства так сложились... Я задолжал здесь крупные суммы очень сомнительным людям. И за мою голову назначали

солидную цену.

Я поднял на него взгляд.

— Сколько я себя помню, ты всегда был в долгу у ростовщиков. И за твою голову всегда назначали плату. И, как правило, ты решал эти проблемы, просто уходя в подполья и вылезая только тогда, когда считал, что опасность миновала. Что изменилось в тот раз? Дело было в женщине?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Но прежде чем мужчина смог ответить, его прихватил приступ кашля, который длился целую минуту.

— Подожди минутку, мой мальчик. Мне нужно попить, — сказал он виновато.

Я покорно поднялся и купил ему у продавца неподалёку стакан воды. На его тележке можно было найти всё, что потребуется поздним пассажирам — от ореховых смесей до газет.

К тому времени, как я вернулся с водой, на нашу скамейку под села дама. Она сидела рядом с двумя яркими белыми шляпным коробками и аккуратно ела сандвич.

Я протиснулся мимо неё, посмотрел на отца; тот молча кивнул, и мы передвинулись на другой конец скамьи.

Он сделал глоток воды; ему, похоже, полегчало, и он продолжил наш разговор с того самого места, на котором мы остановились.

— Нет, Саймон, я уехал из Нью-Йорка не из-за женщины, — он бросил на меня странный взгляд. — Я знаю, что ты вряд ли поймёшь, но... Мне нужно было начать всё с чистого листа.

— А мать? — мой голос был холоден, как лёд.

— Твоя мать была прекрасной женщиной, — твёрдо сказал он. — Не думай, что я не понимал, что она заслуживает кого-то лучше, чем я.

— А вот здесь я с тобой согласен. Но тебя это не остановило, и ты решил найти себе новую даму сердца. Ты всё ещё с ней?

— Нет, не с ней, — закашлялся он.

— Но и не один, — резко заметил я.

Он никогда не оставался один.

Отец замялся на долю секунды, но продолжил:

— Я слышал, твоя мать умерла в прошлом году, — он был непривычно серьёзен. — Мне жаль.

— Она так больше и не стала прежней после твоего ухода.

— А ещё ты потерял свою любимую.

Он побарабанил пальцами по скамье.

— Красивая юная леди. Как её звали?

— Ханна, — сухо ответил я.

— Ну да, ну да...

Он постучал пальцем по виску и снова улыбнулся мне.

— Я не молодею, Саймон. Мой разум уже не тот, что прежде.

Да он никогда не помнил того, что не касалось его лично!

Отец тем временем продолжал:

— Она была очаровательна. И стала бы тебе прекрасной женой.

Мужчина кашлянул.

— Столько людей погибло в тот день. До сих пор тяжело представить, что один горящий пароход мог стоять стольким жизни. Я слышал об Ангерах и о Фельцке...

Я перебил его:

— Слишком много... Слишком много погибло в тот день.

Около тысячи людей умерли, когда пароход «Генерал Слокам» загорелся и утонул. И многие из них были моими друзьями и соседями.

Как только я услышал о катастрофе, я сразу же отправился на одну из спасательных лодок.

Да, кого-то мы спасли.

Но я был свидетелем того, как люди в отчаянии встречали свои смерти: одни были обречены из-за неисправности спасательных кругов и жилетов, а другие — из-за пассажиров, которые прыгали с палубы в воду слишком близко к ним, из-за чего первые теряли сознание и тонули.

Иногда мой разум играл со мной дурную шутку, и мне казалось, что я видел тогда Ханну, прыгающую прямо в лапы смерти.

Но чаще всего мне удавалось убедить себя, что я ошибался.

Отец вновь закашлялся.

— Саймон, я не могу изменить то, что уже произошло. Но сейчас я здесь, чтобы загладить свою вину, если смогу.

Я уставился на него в недоумении.

— Так вот зачем ты вернулся? Чтобы наладить со мной отношения?

— Да. Если смогу.

Снова приступ кашля.

— Твоя мать умерла, да упокоит Господь её душу. Но я понимаю, что тебе я тоже сделал немало дурного, пусть ты и ведёшь себя как сильный мужчина и не высказываешь мне это. Я уверен, что ты смог бы стать выдающимся юристом или банкиром, если бы тебе удалось закончить обучение в Колумбийском. И если бы я не бросил вас, ты бы его закончил...

— Теперь это уже не важно, — я сделал глубокий вдох. — И что? Ты вернулся, чтобы извиниться? Десять лет спустя?

— Полагаю, да, — он неуверенно посмотрел на меня.

— Ясно. Что-нибудь ещё?

Он уставился на меня с непонятным выражением.

— Наверно... — он запнулся на несколько мгновений, но продолжил: — Нет. Это всё.

— Тогда я должен успеть на поезд, — произнёс я, бросая взгляд на часы и понимая, что окончательно опаздываю.

А следующий поезд будет только через полчаса.

— Хорошо. Рад был тебя увидеть, сынок.

Он неловко поднялся на ноги и уронил платок.

Я потянулся, чтобы его подобрать, но моя рука замерла, так и не коснувшись ткани.

Отец мог скрыть правду, сжимая платок в руке, но теперь, когда кусок батиста лежал на покрытом плиткой полу Центрального вокзала, истина вылезла наружу.

Белая ткань была густо испачкана кровью.

Я отшатнулся и тяжело опустился на скамью.

Отец смутился, наклонился, поднял платок и быстро засунул его в карман. И сел рядом со мной.

А ведь я ничего сначала не заметил.

Потому что не искал.

Но теперь видел красноречивые симптомы: отёк вокруг шеи, неестественный блеск в глазах и усталость, изнурённость, которая всегда сопровождает подобные болезни.

— Полагаю, это и есть истинная причина твоего возвращения, — только и смог выдавить я.

— Я умираю, Саймон, — развёл он руками. — Я сменил различные климатические зоны, как и рекомендовали врачи, но ничто не смогло замедлить прогрессирование заболевания.

— Ты ездил на юг? Во Флориду?

— Ездил, — кивнул он. — Я даже побывал на чистейшем воздухе Миннесоты, в который все так слепо верят.

Отец печально покачал головой.

— Ничего не помогло. Истощение берёт верх. Теперь вопрос лишь в одном — когда. Хотя этот вопрос справедлив ко всем живущим.

Мужчина вытащил из кармана пакетик пастилок.

— Не представляю, что делал бы без них. Пастилки Церкви Бладетт. Небольшие коричневые конфетки с бензоином. Только они облегчают моё самочувствие.

Он забросил одну пастилку в рот.

— Сколько тебе осталось? — неловко спросил я.

Он пожал плечами.

— Похоже, немного, хотя ни один врач не может сказать точно. Но я уже узнаю симптомы: кашляю теперь практически постоянно и устаю гораздо быстрее, чем раньше. Думаю, это моя последняя весна. И я намерен ею насладиться.

Его глаза блеснули, но я не мог сказать, было ли это из-за болезни или его нестигаемого духа.

— Но это ведь не смертельный приговор, — резко произнёс я. — Существуют санатории, врачи в которых могут тебе помочь.

Отец брезгливо скривил лицо.

— Чтобы я сидел в кресле и вязал носочки? Играл в шахматы и по часам принимал препараты? Нет уж, благодарю покорно! — сказал он с горячностью.

— Тебе всегда нравились шахматы... — заметил я.

На самом деле, он любил любую игру, в которой можно было выиграть деньги. Или проиграть.

— Пффф.

— Ты же заразен, — предупредил я. — Существуют законы о соблюдении...

— Я осторожен и способен контролировать свою инфекцию, — с гордостью произнёс отец. — Я всегда кашляю только в платок.

— А твой врач?

— Считает, что требования о соблюдении режима — бред и чепуха.

Последние изданные законы обязывали врачей сообщать обо всех случаях заражения туберкулёзом — и, тем не менее, большинство частных врачей возражали и игнорировали данное требование, полагая, что это является вторжением в личную жизнь.

Так что я не был удивлён.

Но я хотел спросить не об этом.

— Каково мнение твоего врача о прогнозе заболевания? — осторожно перефразировал я свой вопрос.

Он пожал плечами.

— От этих докторов никогда не дождёшься конкретного ответа.

Значит, в последнее время он не посещал врача. А сам он о себе не позаботится.

— Дай мне знать, если тебе что-то понадобится, — неловко и грубо произнёс я.

Отец отмахнулся от предложения.

— Я в порядке. Остановился тут у друга. Буду наслаждаться тем, что будет дарить мне каждый день. Ты же меня знаешь, Саймон.

Да, я знал.

Я вытащил из кармана свою визитку и протянул ему.

— Ты и так легко меня отыскал, но по этому адресу я буду в любое время.

Он взял визитку, улыбнулся, закашлялся, а затем ответил:

— Я буду на связи. Я скоро умру. Но не сейчас. Не сейчас...

Я смотрел ему вслед.

Отец шёл вдоль двадцатого пути и ненадолго задержался у цветочного ларька, чтобы купить одну жёлтую розу. Видимо, для его теперешней спутницы.

Я ожидал, что на меня нахлынут эмоции. Скорей всего, гнев.

Даже если забыть об утерянных из-за него возможностях в карьере, я никогда не мог ему простить то, как он поступил с моей матерью. Я до сих пор был уверен, что именно его отъезд ускорил её отход в мир иной.

Я не чувствовал жалости, хотя и понимал, что он говорил правду — он скоро умрёт.

Этой ночью я ощущал лишь одно.

Пустоту.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*«Весь обман в этом мире есть не что иное, как
ложь, поставленная на поток.*

Ложь, перешедшая от слов к делу».

Роберт Саут

Воскресенье

18 марта 1906 года

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Добсон, округ Нью-Йорк.

— Произошло ещё одно убийство.

Резкий голос Малвани заглушал треск телефонной линии.

Я только закончил молоть кофейные зёрна, когда затрезвонил телефон. А поскольку на часах ещё не было и восьми утра, я рванул к аппарату, пока звонок не разбудил хозяйку квартиры.

Она точно будет недовольна, если придётся вставать в такую рань в воскресенье.

— Ты можешь сюда приехать как можно скорее?

Теперь голос Малвани стал тише и отдавался эхом.

Я потянул за чёрный шнур, пытаюсь расслышать его слова.

У меня стоял новенький латунный телефонный аппарат Струоджера, но качество связи оставляло желать лучшего даже в его лучшие дни работы.

— Куда?

Я полагал, убийство произошло в ещё одном театре.

Я наклонился поближе к динамику. Возможно, он тоже плохо меня слышал.

Я перехватил трубку аппарата в правую руку, а левой взял лежащие на тумбочке у телефона карандаш и листок бумаги.

— Эриэл Гарденс.

— Что?

Я был уверен, что расслышал что-то неправильно.

Не похоже на название театра.

Но я не ошибся.

Когда Малвани вновь ответил мне, всё стало на свои места. Можно даже сказать, что он проорал в трубку, предположив, что я вообще не услышал его фразу.

— Эриэл Гарденс. Это театр в «Новом Амстердаме» на крыше здания на юге на пересечении 42-ой улицы и Седьмой Авеню. В летние месяцы они дают спектакли. А сегодня утром уборщик нашёл там тело ещё одной актрисы.

Значит, убийца вновь нанёс удар. Ему понадобились всего два дня, чтобы выбрать новую жертву. И Алистер, убеждённый, что убийца будет действовать быстро, оказался прав.

— Следовало оставить в каждом театре по полицейскому, пока мы не разберёмся с этим делом. Мы же это обсуждали, ресурсов у тебя достаточно, — я чувствовал, как во мне растёт горькое разочарование. — А теперь мертва ещё одна женщина.

Долгое время я слышал лишь периодическое потрескивание телефона.

— Вообще-то, Фроман за свой счёт поставил в своих театрах людей в штатском для защиты труппы, — произнёс, наконец, Малвани.

Я почувствовал, что закипаю от гнева, ведь, как правило, подобную информацию он от меня не скрывал. Но я ведь тоже не всё ему рассказал...

Я утаил от него сведения о Тимоти По.

— Похоже, идея Фромана не сработала, — резко ответил я.

Малвани недовольно фыркнул.

— Ты всё никак не отпустишь свою идею о том, что в деле замешан Чарльз Фроман? Так «Новый Амстердам» даже не его театр!

Он замолчал, а затем с неохотой признал:

— Хотя мои источники сообщили, что управляют им Кло и Эрлангер, а они входят в синдикат Фромана.

«Входят в синдикат Фромана...»

Я положил трубку, а слова Малвани по-прежнему эхом отдавались в моей голове.

Элиза Даунс. Убита в «Империи».

Анни Жермен. Убита в театре «Гаррик».

Теперь третья жертва. Убита в «Новом Амстердаме».

Слишком поразительные совпадения.

Если убийцей был и не сам Фроман, то уж точно некто из его синдиката. Человек изнутри организации. Либо конкурент извне. Но в любом случае, убийца был прекрасно осведомлён о делах Фромана.

О театрах.

Об актрисах.

И знал, куда именно ударить.

* * *

Я извинился перед хозяйкой квартиры за столь ранний телефонный звонок, собрал вещи и как раз успел на поезд в город, отправляющийся в 08:32.

В воскресенье утром в вагоне было почти пусто. Я занял место у окна и погрузился в размышления.

Поезда Гудзонской железной дороги и Гудзонской ветви Центральной железной дороги Нью-Йорка ходили реже, чем остальные, но проезжали через наиболее живописные места.

Обычно в течение всей получасовой поездки от тихого городка Добсон до Нью-Йорка я любил смотреть на потрясающие открывающиеся виды Гудзона с палисадами.

Но сегодня всё было тусклым и бесцветным — и колючие деревья, и мутная вода, и даже серые небоскребы Манхэттена, маячащие впереди, как бесплотные призраки.

Зима обесцветила пейзаж.

Хотя, возможно, всё дело было в моём настроении.

Потрясение от встречи с отцом прошлым вечером и от новостей о его болезни уже почти прошло, но одно осталось неизменным: пустота внутри.

Я не видел его десять лет и был удивлён, что он остался практически прежним.

С другой стороны, мало что изменилось за эти годы. Так почему должен был измениться он?

Город тоже не поменялся.

Несмотря на все наши усилия, жестокие преступления и убийства не заканчивались, а лишь неуклонно росли. Несмотря на личные ресурсы Фромана; несмотря на работу полицейских, назначенных на дело Малвани; несмотря на исследования Алистера и даже несмотря на мои собственные благие намерения помочь.

Все казалось тщетным — особенно теперь, после смерти очередной женщины.

Я просматривал отчёты допросов, которые дал мне вчера Малвани, надеясь, что где-то в записях его подчинённых будет зацепка, благодаря которой, расследование сможет двинуться дальше.

Его детективы поговорили с семьями Элизы Даунс и Анни Жермен и встретились со многими людьми, работавшими и в театре «Гаррик», и в «Империи» — от продавцов билетов и уборщиков до конферансье.

Они проанализировали отпечатки пальцев и даже позвонили в редакцию «Таймс», чтобы прояснить оставшиеся вопросы.

Но к концу поездки, прочитав все отчёты, я понял: все исследованные ими пути — пустышки.

* * *

В половине одиннадцатого я был в «Новом Амстердаме».

В отличие от прошлого раза, на этот раз в дверях стоял полицейский, которые спросил

моё имя и сверился со списком, чтобы не допустить посторонних на место преступления.

В этом театре заправлял делами не Лев Айзман, а местный управляющий, и он был готов сотрудничать с полицией.

Сухонький, тщедушный мужчинка в очках с чёрной толстой оправой встретил меня в вестибюле и представился Алем Штраусом.

— Я работаю в театральном бизнесе уже почти шестьдесят лет, — с гордостью произнёс мужчина. — А пятнадцать из них — на мистера Эрлангера.

Он печально покачал головой.

— Я никогда прежде с подобным не сталкивался.

— Кем она была? — спросил я, отдавая пальто и шляпу.

Аль Штраус поманил меня пальцем.

— Идёмте. Скоро вы сами всё увидите.

Мне не оставалось ничего иного, как двинуться за ним следом по самому просторному и роскошному театру, который я когда-либо видел, хотя я лишь мельком успел рассмотреть его великолепие и богатство отделки в стиле модерн.

Я направился к двум небольшим лифтам на восточной стороне длинного тёмного коридора, чуть не споткнувшись о перебежавшего мне в панике дорогу чёрного кота.

Аль Штраус пояснил, что коту дали тут постоянное прибежище в обмен на его услуги по поимке грызунов.

И действительно, я ощущал неприятный мускусный запах, который свидетельствовал либо о живущих здесь нескольких котах, либо о разлагающихся где-то в уголке мышах.

Мы поднялись на лифте на крышу, которая, по сути, и была театром, окружённым стеклянными стенами. Сверху открывался вид на сады, а взглянув наверх, я увидел, что крыша была оборудована так, чтобы в тёплую погоду разбираться, и театр находился под открытым небом.

Жарким нью-йоркским летом подобный театр обеспечивал уютное времяпрепровождение по вечерам.

— Идите, — произнёс Аль, опускаясь на стул рядом с лифтом. — Я больше не хочу это видеть.

Он кивнул в сторону сцены, вокруг которой копошились мужчины в синей и коричневой форме. Я сразу узнал статную фигуру Малвани и одного из его детективов, с которым он меня знакомил в театре «Гаррик».

Я направился к ним. Несколько офицеров кивнули мне в знак приветствия, а Дэвид Марвин протянул руку.

Малвани сидел на корточках и рассматривал чёрное пятно на полу.

— Не важно, — произнёс он и поднялся. На его лице ясно читалось облегчение. — Рад, что ты тут. Пришёл как раз вовремя.

Вокруг сцены и рядом со мной толпилось с десятков офицеров, но один человек явно отсутствовал. Жертва.

— Коронер уже забрал тело? — озадаченно поинтересовался я.

Малвани мрачно покачал головой. Марвин указал на занавес по бокам сцены.

— Мы ещё даже не сумели её спустить.

Я проследил за его пальцем и поднял взгляд вверх.

Там и было жуткое тело. Неудивительно, что я не заметил его на такой высоте.

Больше похожая на куклу, чем на человека, девушка смотрела на нас стеклянными

глазами, одетая в ниспадающее платье с блёстками и боа из перьев изумрудно-зелёного цвета. Она качалась вперёд и назад. Медленно. Ужасающе медленно.

Фактически, на этот раз он её повесил, а не задушил?

— Возможно, если опустить занавес, мы сможем её освободить? — горячо предложил молодой офицер.

— Не смешите меня... — начал Малвани, но тут же осёкся. — Ну конечно! Тут же нет ни лестницы, ни подмостков. Откуда им взяться зимой? Значит, он просто подвесил её на занавесе и так поднял.

Малвани одобрительно кивнул молодому офицеру.

— Хорошая мысль.

— Как её нашли? — спросил я. — Сомневаюсь, что кто-то просто пришёл сюда в это время года.

Малвани с горечью ответил:

— Ты прав. Мы бы никогда и не узнали о её смерти, если бы он не захотел.

— Он?

Малвани взглянул на меня с тревогой.

— Убийца оставил нам ещё одно своего рода «любовное письмо».

Он повернулся, взял афишу — лист размером тридцать на сорок пять сантиметров, какие обычно вывешивают в фойе театров — и протянул его мне.

Я заколебался.

— С него уже сняли отпечатки?

Малвани кивнул и заметил:

— Не думаю, правда, что нам это чем-то поможет. Лист сплошь покрыт отпечатками. Такое чувство, что пол Нью-Йорка хваталась за этот постер. И всё же...

Он протянул мне пару хлопчатобумажных перчаток, какие были и на нём. Я быстро натянул их и поднёс плакат к свету.

На чёрном фоне была изображена женщина в обтягивающем платье с огромным боа из перьев, которая прижималась, словно в танце, к мужчине в смокинге. Жирными жёлтыми буквами значилось название пьесы: «ПИГМАЛИОН».

А под изображением — два имени.

В нижнем правом углу красным шрифтом — женское. Эммелин Биллингс.

— Это её имя?

Я бросил взгляд на девушку, всё ещё висящую над нами.

Паетки на платье блестели в лучах утреннего солнца — совсем как на афише.

— Мы почти в этом уверены, — кивнул Малвани. — Пытаемся проверить, не пропала ли она. Я уверен, что мы сможем опознать жертву, как только спустим её вниз.

— А что насчёт второго имени? Уолтер Хоу?

— Ещё один актёр, который играет в нескольких спектаклях в этом театре. Среди них «Венецианский купец» и «Ричард III», — сухо ответил Марвин. — Я уже послал офицера найти его и опросить.

Но я по-прежнему был в замешательстве.

— Расскажите ещё раз, что произошло. Я до сих пор не могу понять, как этот плакат, — постучал я по афише указательным пальцем, — привёл вас к жертве, — я бросил ещё один взгляд вверх.

Марвин вздохнул.

— Малвани уже говорил вам, что «новый Амстердам» — театр, принадлежащий синдикату, да? На данный момент внизу играют репертуар из постоянно повторяющихся шести пьес — от Шекспира до нового видения «Красавчика Браммела». А вот «Пигмалион» сейчас не играют — его ставят только на крыше в «Эриэл Гарденс». Но афиша висела.

Марвин кивнул на постер.

Малвани подхватил мысль коллеги.

— Уборщик, который подготавливал помещение к дневному сеансу, заметил, что этот плакат — подделка, но подделка необычная. Он понял, что имя ведущего актёра настоящее. Поэтому он поднялся в лифте наверх, чтобы удостовериться, что никто не валяет дурака и не задумал грязное дельце.

Малвани перевёл дыхание.

— Вот тогда он её и нашёл. Вызвал мистера Штрауса, который незамедлительно проинформировал нас.

Мы все уставились на безжизненное тело девушки. Кто-то отыскал подъёмный механизм и теперь начал опускать занавес. Шкив протестуяще заскрипел после стольких холодных месяцев простоя.

Когда тело спустили, оно оказалось опутано шторами, как коконом.

Я оглянулся и посмотрел на мистера Штрауса. Он не смотрел на сцену, спрятав лицо в ладонях.

— Письмо на сцене оставили? — спросил я Малвани.

— Мы не находили, — ответил он.

— Проверяли, получали ли в «Таймс» новые письма?

Малвани тихо выругался под нос, и я понял, что об этом он даже не подумал.

— Не волнуйся, я сам с ними свяжусь, как только мы здесь закончим, — кивнул я.

Занавес опускался целых две минуты — и вот она уже внизу, глядит на нас тусклыми, безжизненными зелёными глазами под цвет платья.

— Её лицо такое же, как и у других, — прошептал я, когда она, наконец, оказалась на уровне моих глаз.

Как и Элиза Даунс, и Анни Жермен, эта девушка была безукоризненно накрашена: и тени на веках, и румяна на щеках...

На руках девушки были длинные белые лайковые перчатки, а зелёное боа с перьями развевалось, словно на ветру, хотя в помещении не было движения воздуха, и всё это было результатом её быстрого спуска из-под потолка.

— Почему она стоит? — прошептал Малвани.

Тело опустилось на ткань, но продолжало держаться на ногах, и это пугало.

Посмертная поза должна была отражать последние мгновения жизни.

У меня пересохло в горле.

— Похоже, он заставил её помогать себе, пока прикреплял её к занавесу. И только потом убил, иначе он никогда не смог бы так закрепить безжизненное тело.

Откуда-то из-за занавеса до нас донёсся голос полицейского:

— Эй, вы не поверите! Он буквально пришёл её к ткани!

Малвани, Марвин и я подняли тяжёлый край бархатного занавеса слева и поднырнули под него.

Несколько десятков длинных иголок со стежками зелёных ниток крепко привязывали одежду девушки к алым бархатным шторам.

— Нам надо освободить тело, — произнёс Марвин. — Думаю, будет лучше разрезать нитки, а не раздевать девушку.

— Подожди, — остановил я его. — Это улики, не забыл?

Я жестом подозвал офицера, забрал у него камеру «Кодак» и сделал несколько снимков странного шитья. Затем вернул фотоаппарат полицейскому.

— А нельзя просто срезать ткань занавеса вокруг её тела? — предложил молодой офицер.

Мужчина слева покачал головой.

— Материал слишком тяжёлый и плотный. К тому же, он пришит её настолько высоко, что срезать будет тяжело.

— Принесите мне ножницы, — скомандовал Марвин. — Я подрежу несколько стежков, чтобы было легче достать остальные иголки.

А мне пришлось вести Аля Штрауса к сцене, чтобы он смог опознать мисс Биллингс. Он замер на полпути, сжал крепко мою руку и еле слышно выдохнул всего два слова:

— Это она.

Он отдёрнул руку, отвернулся и произнёс надтреснутым голосом:

— Прошу вас...

И, несмотря на то, что у меня было множество вопросов: кто такая Эммелин Биллингс, и что она делала в пустующем театре в воскресенье в предрассветные часы, — я решил дать мистеру Штраусу несколько минут прийти в себя.

И тут я услышал, как Марвин вскрикнул от боли, и резко обернулся.

— Какого чёрта?!

Малвани в ярости бросился к Марвину, который согнулся пополам от боли.

— Что-то меня резануло, — произнёс Марвин сквозь стиснутые зубы, сжимая руку. — Болит страшно.

— Где оно?

Малвани попытался отдёргнуть занавес, но к ткани по-прежнему были приколоты порядка двадцати швейных игл.

Морщась от боли, Марвин, тем не менее, взял себя в руки и указал на область, над которой работал.

— Я в порядке. Просто не ожидал укола. И эта штука чертовски острая.

— Хорошо, — Малвани сжал зубы. — Давайте покончим с этим и спустим ее вниз. Доктор Уилкоккс появится с минуты на минуту, но он не сможет приступить к обследованию тела, пока оно вздёрнуто и привязано к шторам. Только будьте осторожны с этими иглами, ясно? Не известно, сколько ещё их там спрятано.

— И когда найдёте ту иглу, которая уколола детектива Марвина, отложите её в сторону, — добавил я. — Исследуем её на отпечатки пальцев. Она должна торчать под углом, иначе не уколола бы детектива.

Я осмотрел его руку: чуть выше запястью краснела болезненная отметина. Выглядела она скверно.

Но стоило мне только заикнуться об этом, как Марвин одёрнул рукав, отмахнулся от моих слов и присоединился к двум другим полицейским, которые методично и аккуратно начали вынимать иглы и распарывать нитки.

Я снова поднырнул под занавес и посмотрел на девушку. Теперь мы точно знали, что перед нами мисс Эммелин Биллингс.

Она была изящной, хрупкой, маленького роста. Не более полутора метров, несомненно. И выглядела очень молодо. Я бы не дал ей и больше двадцати лет.

Её натуральные блестящие чёрные волосы были собраны назад, и сверху на них убийца надел чёрный парик. Оттенок искусственных волос не совпадал с волосами девушками, но доходил завитками до её поясицы.

Я осмотрел складки её боа из перьев, даже заглянул за отвороты белых перчаток. Но не нашёл ничего похожего на письмо, которого я ожидал, учитывая схожесть данного убийства с убийствами Элизы Даунс и Анни Жермен.

За спиной снова раздался чей-то крик, сопровождаемый отвратительным звуком рвоты. Я в одно мгновение оказался по другую сторону занавеса.

Не прошло и пяти минут с тех пор, как Марвин утверждал, что с ним всё в порядке. А сейчас он с глухим стуком повалился на пол, и лицо его отливало болезненной синевой.

Офицеры, помогавшие Марвину вынимать иглы, смотрели, как Малвани бросился на колени рядом с Марвином.

Даже Аль Штраус подошёл ближе к сцене.

— Не стойте просто так! — резко произнёс Малвани. — Зовите на помощь!

Мистер Штраус побежал к лифту с такой прытью, которой я не ожидал в его тщедушном теле.

Я подошёл к занавесу и окинул взглядом кучу игл и ниток, которыми к шторам была прикреплена мисс Биллингс.

Теперь нам ещё больше нужна была игла, которой укололся детектив Марвин.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы отыскать хорошо спрятанную и острую иглу. Я взял нож, аккуратно извлёк её из ткани... и тихо выругался под нос.

Это была игла для подкожных инъекций.

Она была специально запрятана так, чтобы любой, кто полезет вытаскивать из занавеса иглы и нитки, укололся.

Я достал из саквояжа одну из хлопчатобумажных перчаток, которые всегда ношу с собой, и завернул внутрь иглу. Теперь она стала важным вещественным доказательством. Я осторожно положил свёрток в передний карман своего коричневого саквояжа.

Бросил взгляд на Марвина, который выглядел ужасно.

— Надо отвезти его в больницу.

— Доктор Уилкоккс уже должен был приехать, — пробормотал Марвин, глянув на карманные часы. — Спустим Марвина на первый этаж.

— Хорошо. Поднимаем на счёт «три», — кивнул я.

Марвин к этому времени стал абсолютно неспособным двигаться, и я понимал, что он станет мёртвым грузом.

Хотя, не очень удачный термин... Но чем внимательнее я смотрел на Марвина, тем больше убеждался в его правильности.

— Уилкоккс будет с минуты на минуту, — произнёс Малвани, скорее чтобы подбодрить себя, чем остальных.

Мы с трудом дотащили Марвина до первого этажа. Наконец, мы уложили его на пол в вестибюле, вздохнули с облегчением, и я про себя поблагодарил Бога за мощную комплекцию Малвани.

И только мы выпрямились, как в дверь вошёл коронер — доктор Макс Уилкоккс. Ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы оценить ситуацию.

Я быстро рассказал о причудливом расположении трупа наверху и о том, как детектив Марвин укололся иглой.

— Видите ли, это была игла для подкожных инъекций, специально расположенная так, чтобы человек на неё напоролся.

Доктор внимательно слушал меня, всё время проверяя пульс детектива и щупая липкий от пота лоб. Затем вытащил из медицинской сумки пузырёк с нашатырным спиртом, поднёс его к носу Марвина, а затем принялся делать искусственное дыхание.

Никакого эффекта.

— Дайте мне взглянуть на ту иголку.

Я выполнил его требование.

Осторожно сжимая иглу через хлопчатобумажную перчатку, он надел её на маленький шприц из собственного саквояжа и надавил на поршень. Из среза иглы показались крошечные капельки жидкости.

На лице доктора отразилось сначала удивление, а затем ужас. Два слова — всё, что он нам сказал. Больше не требовалось ничего.

«Горький миндаль».

Мы с Малвани поражённо переглянулись; оба понимали, что это значит. Вкус горького миндаля служил верным индикатором цианида. Не существовало яда более смертоносного, чем он.

Уилкоккс отрывисто бросил своему помощнику:

— Где носилки? Этого человека нужно перенести.

— А что с женщиной наверху? — озадаченно уточнил помощник врача.

— Она может подождать. Ей уже не помочь, — Уилкоккс поднялся на ноги и вытер лоб. — А вот у этого мужчины, я думаю, ещё есть шанс.

Он снова взглянул на своего пациента.

Дэвид Марвин был в сознании, но его пребывание в этом мире держалось на волоске.

— Куда мы можем его перенести?

— А ближайшая больница не подходит? — спросил Малвани.

Доктор резко дёрнул головой.

— Никакой больницы. У нас нет времени. Нужна кровать, куда я смогу его уложить и оказать помощь.

Державшийся всё это время позади мистер Штраус вышел вперёд.

— Рядом с холлом есть комната для отдыха леди. Там есть диваны.

— Отлично. Итак, мне нужна горячая вода. И бренди. И много вёдер.

Никто не двинулся с места.

Уилкоккс удивлённо посмотрел на столпившихся людей.

— Лучше бы вам всем поторопиться, — он бросил на нас многозначительный взгляд. — Как вы видите, время есть абсолютная ценность.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Студия местных новостей, здание «Таймс», 42-ая улица.

Нужно было проверить, получили ли в «Таймс» очередное письмо от убийцы. Честно говоря, я был рад занять себя чем-то.

Здание «Таймс» располагалось рядом с театром «Новый Амстердам», а находясь в холле театра и шагая от стены к стене, как загнанный лев, я ничем не мог помочь Марвину.

Войдя в студию новостей «Таймс» второй раз за неделю, я был поражён: в воскресенье днём обстановка здесь была такая же оживлённая, как и в пятницу вечером. Репортёры остервенело печатали за столами, пытаюсь вовремя сдать колонки новостей и выполнить указания редакторов.

И вряд ли сегодня их вышло намного меньше, чем вчера.

Было лишь одно отличие: в отсутствие Иры Зальцбурга настроение у работников было заметно лучше.

— Гибсон! Ты уже закончил со своей частью про последнюю волю Сьюзан Б. Энтони? — прокричал голос из первых рядов в студии местных новостей издательства газеты «Таймс».

— Почти, босс! — ответил молодой парень, сидящий за столом неподалёку от двери, и поправил сползшие на кончик носа очки.

— Да сколько тебе времени надо, чтобы набросать парочку связных предложений о том, что она оставила всё своё состояние на развитие избирательного права у женщин? — пробурчал тот же голос.

Я окинул взглядом комнату в поисках Фрэнка Райли либо Джека Богарти, справедливо полагая, что навязанные нам репортёры будут более полезны в моём расследовании — или, по крайней мере, лучше пойдут на контакт — чем кто-то новый.

Райли нигде не было видно, а вот Джек Богарти сидел в одиночестве за покерным столом.

— Как ты умудрился так быстро закончить, Джек? Дай угадаю: набросал коротенькую заметку о цирковых слонах, которые сейчас приехали в «Гарден»?

Мужчина низенького роста тихонько и по-доброму рассмеялся в нос.

Я вспомнил, что видел развешанные по городу плакаты с анонсом представлений цирка Барнума и Бейли на Мэдисон-сквер-гарден этой весной.

Джек усмехнулся.

— Не-а. Слоны — это развлечение, а не искусство. Даже Зальцбург не заставит меня писать про цирковые номера с гиппопотамами.

— Поспорим?

Это произнёс мужчина с торчащей изо рта сигарой.

— Ты сделаешь то, что захочет Зальцбург. И всегда будешь делать, несмотря на свои разговоры.

Джек рассмеялся, взял со стола колоду карт и начал профессионально её тасовать.

— Я делаю это за бесплатные билеты в оперу.

— Хватит уже, у нас куча работы, — прервал их мужчина с гнусавым голосом.

Богарти пожал плечами.

— Как бы то ни было, моя работа заключалась в ретроспективном обзоре оперного сезона, который закончился прошлым вечером. Большую часть статьи я написал ещё вчера, и мне оставалось лишь добавить кусочек про вчерашнее представление.

Мужчина, которого я не видел, пробурчал что-то о том, что Джеку всё даётся слишком просто.

— Не спорю. Но моя статья с множеством снимков получила полразворота на третьем листе газеты, — произнёс Богарти, лучезарно улыбаясь. — Кстати, кто хочет быстро

раскинуть партейку, пока я не ушёл домой?

— Только не я. Особенно после того, как ты обыграл меня прошлый раз, — покачал головой мужчина с сигарой.

Джек снова рассмеялся, но смех затих, когда он увидел меня.

— А, детектив Зиль, — протянул он, откладывая в сторону колоду карт. — Что вас привело сюда?

— Один простой вопрос, — ответил я. — Но чтобы его обсудить, нам лучше поговорить без свидетелей, — кивнул я на остальных репортёров.

Я понимал, что они, вероятно, и так все знали об убийствах в театрах и о письме с предупреждением, направленным в «Таймс» на прошлой неделе. Но это не значило, что я жаждал обсуждать своё расследование перед всеми сотрудниками прессы.

— Конечно, — легко согласился Джек. — Пойдёмте в кабинет босса, его сегодня всё равно нет. Я так понимаю, вы получили записку от Джека?

Я покачал головой.

— Мы не получали никакой записки: ни я, ни капитан Малвани. Когда он её оставлял?

— Сегодня утром около десяти часов, кажется, в Девятнадцатом участке. А, не важно. Вы всё равно здесь.

* * *

Джек уселся в кресло Иры Зальцбурга, крутанулся вокруг своей оси, а я плотно прикрыл дверь офиса.

Я сел напротив Джека и пристально посмотрел ему в глаза.

— Что было в записке?

— Появилось ещё одно письмо. Я решил, что вы из-за этого здесь.

— Когда? — поинтересовался я.

Вялое пожимание плечами.

— Мы нашли его рано утром.

Этим утром Эммелин Биллингс была уже мертва. Или это письмо решили проигнорировать, как и прошлые?

Я пододвинул стул ближе к столу.

— Я должен его увидеть.

Джек открыл верхний ящик стола мистера Зальцбурга.

— Фрэнк положил его сюда для безопасности, — пояснил Богарти и протянул лист бумаги мне.

Тот же мелкий неразборчивый почерк. На такой же голубой бумаге.

«Дорогой мистер Охс,

Похоже, упущенные возможности — ваша судьба. Даю вам последний шанс объявить о моём торжественном представлении.

Место действия: театр под звёздами.

Тема: трагедия человека.

Герой: я.

Искренне ваш,

Театрал».

— Что скажете, детектив?

Я ответил на его вопрос своими:

— Кто именно нашёл письмо? И где?

Джек откинулся назад в кресле мистера Зальцбурга и зацепился большими пальцами за подтяжки.

— Сегодня утром мы с Фрэнком пришли в редакцию и нашли его среди других писем и счетов. Но оно было адресовано мистеру Охсу, и мы с Фрэнком, естественно, сразу опознали почерк и бумагу. Вся наша корреспонденция доставляется туда, — добавил он, кивая на стол, мимо которого я недавно прошёл и рядом с которым сидел молодой человек в очках с толстыми затемнёнными линзами.

— Кто её доставляет?

— Мужчина, который работает у нас уже лет десять. Его зовут Арни.

— А мог бы Арни... — начал я.

Чем вызвал приступ гомерического хохота у Джека.

— Наш Арни не то, что муху не обидит — даже смотреть на неё не сможет! Вы же к этому клоните? Поговорите с ним сами и поймёте.

Я решил так и сделать.

— Не вижу почтовый штемпель, — заметил я, исследуя конверт.

Джек ответил без колебаний.

— Я бы сказал, что его смешали с остальной почтой. Некто должен был доставить письмо лично, чтобы вложить его в стопку другой корреспонденции.

Джек на мгновение замолчал.

— Наш секретарь, который обрабатывает почту в течение недели, мог что-то заметить. Но он не работает по выходным.

— А по воскресеньям вы почту не получаете, — резко произнёс я. — Значит, мы сейчас говорим о субботней корреспонденции.

— Послушайте, детектив. Мы с Фрэнком поспрашивали сегодня людей: никто не заметил накануне вечером возле здания никого странного. И никто не заметил, чтобы письмо бросали сегодня утром. Оно просто появилось здесь. Взяло и появилось. И теперь, если хотите, оно ваше. Видите, мы хотим сотрудничать.

Он откинулся на спинку кресла и улыбнулся.

— Кстати, детектив, говоря о сотрудничестве... Что у вас есть для нас? А то давно ничем не делились.

— Скажем так: усилия, которые я прилагаю к сотрудничеству, соответствуют вашим, — спокойно ответил я.

Джек наклонился вперёд и оперся локтями о столешницу.

— Тогда начнём с очевидного: вы не получили нашей записки, но вы всё равно здесь. Из этого следует, что то, о чём предупреждает этот «театрал» здесь, — постучал он пальцем по письму, — уже произошло.

Он замолчал на секунду, чтобы я осознал его слова. А затем продолжил с лёгкой улыбкой:

— Расскажите, детектив, не стесняйтесь. Мы же партнёры, не так ли?

Да, только это партнёрство вынужденное. Будь моя воля, я бы не стал работать с кем-либо из «Таймс». Никогда. Здесь я никому не доверял.

Но я не мог умалчивать о том, что он уже и так знал.

— Было совершено ещё одно убийство, — медленно произнёс я. — Актриса на крыше театра в Эриэл Гарденс — по-видимому, именно того «театра под звёздами», который тут упоминается, — я кивнул на лежащее между нами письмо. — И мы могли бы предотвратить её убийство, если только...

На мгновение я замер от охватившего меня разочарования.

Джек посмотрел на меня с сочувствием.

— Говоря начистоту, детектив, я не думаю, что кто-то мог бы найти письмо раньше. Оно было перемешано с субботней почтой, которую доставляют в субботу вечером настолько поздно, что редко разбирают раньше утра воскресенья. Конечно, автор письма не мог знать, что мы найдём его послание так поздно. Но с практической точки зрения, я не вижу ни единого варианта, каким бы образом кто-то из нас мог предотвратить это убийство. Поэтому расслабьтесь, детектив. Ваша совесть чиста.

— Нет, мистер Богарти. Боюсь, я не смогу расслабиться, пока не прекратятся эти убийства, и пока убийца не окажется за решёткой.

— Думаю, вам действительно стоит пересмотреть своё решение относительно публикации этих писем в нашей газете. Кто-то из читателей может обратить внимание на что-то стоящее.

— Неплохая попытка, — ответил я со смешком, — но не будет никаких публикаций до закрытия дела. Я надеялся, что вы будете чтить наше соглашение.

Джек недовольно нахмурился.

— Ладно. Но «Таймс» — не единственная газета. Уже и в «Геральд», и в «Мир», и в «Трибьюн» — везде есть коротенькие заметки о смерти Анни Жермен. Да, пока это лишь соболезнования о том, что двадцатидвухлетняя девушка безвременно лишилась радостей жизни в столько молодом возрасте. Но когда они найдут схожесть в убийствах — лишь вопрос времени. И появятся новые статьи. Гораздо более обширные. К тому же, нам очень повезло, что убийца не отправляет письма ещё и им.

Я взял письмо.

— Если вы не против, я хотел бы опросить репортёров снаружи. И если выяснится что-то ещё...

— Не беспокойтесь, детектив. Мы сообщим.

— И ещё кое-что, мистер Богарти. Если вы найдёте ещё одно письмо или узнаете некую важную информацию о нашем деле, прошу вас, постарайтесь связаться со мной лично.

Я небрежно нацарапал несколько номеров, по которым меня можно было отыскать помимо номера участка Малвани.

Я даже оставил номер Алистера, зная: если наш профессор получит важную информацию, он незамедлительно свяжется со мной.

Я переговорил со всеми репортёрами в здании, но они сообщили мне ровно то, что и Джек Богарти: письмо на голубой бумаге появилось в студии новостей, никем не замеченное.

По крайней мере, никем, кто готов был это признать.

Но у меня было письмо.

И с его помощью одну вещь я выяснил абсолютно точно: убийца до сих пор объявляет о своих шагах, буквально бросая нам вызов.

Словно спрашивая, а сможем ли мы его остановить?..

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Театр «Новый Амстердам». Будуар.

— Его смена метода — вот, что меня беспокоит больше всего, — произнёс Алистер, меряя шагами комнату.

Они с Изабеллой нашли меня после того, как я поделился с ними последними новостями о произошедшем.

Я вернулся в «Новый Амстердам» и первым делом направился в будуар, где доктор Уилкоккс оказывал помощь детективу Марвину.

Комната была обставлена в розовых тонах и везде — на коврах, обоях, атласных подушках, мебели из красного дерева — были изображены розочки. Но это помещение было самым вместительным: тут без труда могли одновременно находиться и переодевающиеся актрисы, и все их объёмные, модные платья; а теперь в комнату легко вошло всё необходимое для лечения Марвина оборудование доктора Уилкоккса.

Доктор постарался, чтобы его пациенту, находящемуся практически без сознания, было удобно, и опустил бархатные шторы для большей конфиденциальности.

— Вы имеете в виду то, что убийца не оставил на месте преступления письмо, как раньше? — уточнил я у Алистера.

— Не совсем...

Алистер развернулся лицом ко мне.

— Меня беспокоит его новое беспорядочное поведение. Он разместил уведомление о новой жертве на плакате, афише, где его мог увидеть каждый. Этаким пассивный метод привлечения внимания; в то время как все его предыдущие попытки — и письма полиции, и записки в «Таймс» — имели единственного, определённого адресата.

— Но он по-прежнему пишет в «Таймс», — ответил я и кивнул на лежащее перед нами на столике письмо на бледно-голубой бумаге. — Он продолжает заблаговременно предупреждать нас о своих жертвах.

— Разве? — вскинул брови Алистер. — На этот раз в «Таймс» не проигнорировали письмо, а позвали нас, как только обнаружили его. И, тем не менее, спасти Эммелин Биллингс было уже поздно.

— Вы правы. Здесь всё упирается во время. Но формулировки в письме ясно предупреждают нас; и «театр под звёздами», очевидно, относится к крыше «Эриэл Гарденс».

Изабелла высказала предположение:

— Возможно, убийца не оставил рядом с телом мисс Биллингс письма, оттого что ему помешали, либо ему просто не хватало времени всё закончить до прихода утром в воскресенье уборщика? Чтобы закрепить её тело таким образом, — добавила она, слегка содрогнувшись, — ему, очевидно, потребовалось гораздо больше времени, чем с предыдущими жертвами.

— Также можно утверждать, — продолжил я размышлять вслух, — что он начал проявлять больше творчества. И Элизу Даунс, и Анни Жермен он одел, словно для роли, перед убийством, а телам их был придан вид актрис во время игры. Возможно, он всё больше отождествляет с театром саму картину смерти, которую создаёт с каждым новым убийством.

Алистер воодушевился, услышав мою идею.

— Зиль, авы подали неплохую идею! Возможно, он прилагает столько усилий, чтобы

создать не просто сцену смерти, а целую постановку! И сам — или сама — играет роль спасителя в собственном творении.

Он продолжил развивать мысль, бурно жестикулируя.

— Что ж, эта теория объясняет, зачем он случайным образом расположил среди игл иглу с цианидом. На этот раз ему было недостаточно просто убить Эммелин Биллингс. Он установил ловушку, которая убьёт любого, кто станет её освобождать — он буквально вложил в руки своей первой жертвы оружие, которое должно было поразить сразу и вторую жертву.

— И этой жертвой мог быть, кто угодно, — прошептала Изабелла.

— Абсолютно верно. Он не мог знать, кто окажется этим человеком.

Алистер бросил взгляд в ту часть комнаты, где боролся за жизнь Дэвид Марвин.

— Там могли быть и вы, — сказал он мне. — И Малвани. И нашедший её уборщик — он ведь мог сначала попытаться её освободить, а не бросаться вызывать полицию.

Я покачал головой.

— Но всё это не объясняет одной-единственной вещи, которая не даёт мне покоя. Его преступления тщательно спланированы и срежиссированы. А в последнем случае всё отдавалось на волю случая.

— Они включают в себя элемент неожиданности, — озадаченно кивнул Алистер. — Кем бы ни был этот человек, его разум действительно работает странно.

За занавесом доктор Уилкокс продолжал бороться за жизнь пациента, и мы периодически слышали его глухие команды поменять компресс или подать принесённые им стимуляторы — виски и сульфат стрихнина.

Малвани вышел из импровизированной палаты и плотно завесил за собой занавес.

— Ты как? — спросил я.

Лицо капитана приобрело зеленоватый оттенок.

— Они намерены ввести ему солевой раствор, чтобы увеличить объём крови и разбавить кровоток.

Малвани рухнул на диван позади меня.

— Не знаю, как его мать справляется. У меня самого нет сил...

Мать Марвина — стойкая седая дама с непроницаемым лицом — прибежала через несколько минут после того, как получила сообщение от Малвани, и незамедлительно стала помогать доктору.

— Как он? — спросила Изабелла.

— Пока с нами, — ответил Малвани. — И на данный момент это уже хорошо.

Он на пару секунд замолчал.

— Я не могу понять, зачем убийца решил избавиться от детектива Марвина?

Алистер покачал головой.

— Я уже говорил, что он не собирался убивать именно детектива Марвина. Его цель была случайной; игла поразила бы любого, кто пришёл жертве на помощь.

— И такое поведение сильно отличается от поведения человека, намеренно выбирающего мишенью молодых актрис, — тихо заметил я. — Стоит ли нам предположить, что за последним убийством стоит кто-то иной? Может, подражатель? Мы ведь уже знакомы с подобного рода делами, не так ли?

Алистер внимательно посмотрел на меня.

— Я уверен, что ключ к разгадке вашего вопроса находится у коронера. Из заключения

аутопсии мисс Жермен мы выяснили, что очень немногие убийцы обладают навыками, достаточными для того, чтобы задушить жертву и оставить один-единственный след на теле. Если вскрытие мисс Биллингс выявит схожие черты, тогда будем считать, что это тот же убийца, решивший сменить методы и стиль. В противном случае, мы будем вынуждены рассмотреть версию с подражателем.

— Кто-нибудь хочет воды?

Я поднялся с кресла и направился к стоящему на столике кувшину с водой.

Выполняя поручение доктора, офицеры полиции принесли в будуар воду, виски и все спиртные напитки, которые смогли отыскать в баре в холле.

— Я хочу, — откликнулась Изабелла.

— Или что-нибудь покрепче?

Алистер бросил полный надежды взгляд на бренди и виски.

— Не стоит расходовать их запасы. У меня есть кое-что с собой, — Малвани похлопал себя по бокам и извлёк из кармана пиджака маленькую бутылочку односолодового ирландского виски «Клонмел». — Принесёшь ещё парочку стаканов, ладно?

Я кивнул, вернулся со стаканами, и Малвани налил по глотку виски в каждый из них.

— Отличный ирландский виски. Лучше не найти.

Я помнил, что Алистер предпочитает шотландские сорта, но надо отдать ему должное, он удержался от упоминания об этом.

— Зиль, будешь? — кивнул Малвани на третий стакан.

— Нет, благодарю, — сухо ответил я. — Для меня ещё слишком рано.

Так и было. Часы только что пробили два пополудни.

— Почему так важно то, что убийца изменил свои методы? — спросил Малвани.

— После последнего убийства он предстаёт передо мной более дьявольским. И более умным, — признал Деклан. — Он выбрал место действия, где ему никто не помешает. И всё же... И всё же, мне кажется, этот тот же самый парень, который убил и предыдущих хористок.

— Почему же? — откликнулся Алистер. — Три смерти. Почти четыре — если вспомнить о том, что детектив Марвин сейчас одной ногой в могиле. А мы ни на шаг не приблизились к пониманию мотивов преступника за эти несколько дней!

— А зачем нам его понимать? — пожал плечами Малвани и залпом осушил стакан. — Иногда жестокость бессмысленна, а некоторые люди — зло в чистом и незамутнённом виде. В конце концов, всё, что имеет значение, это наше мастерство в поимке убийцы, не так ли?

— А как вы собираетесь поймать его, если не понимаете природу того, кого намерены остановить? Преступный умысел? Состояние психики? Это основа уголовного права и суть того, что мы должны знать о побуждениях преступника, — возразил Алистер.

— Хотите сказать, что природу бессмысленной жестокости слишком сложно понять? Не смешите меня! — Алистер увлёкся. — Возможно, для рассудка здравомыслящего человека его поступки всегда останутся бессмысленными. Но у все них действия подчинены особой логике. Именно это нам и предстоит выяснить.

Малвани с сомнением глянул на Алистера.

— Не знаю...

Изабелла попыталась сгладить неловкий момент.

— Что вы потеряете, если займётесь вопросами, которые ставит перед нами Алистер? Три женщины мертвы, и жизнь мужчины остаётся в опасности. Если благодаря этим

вопросам мы сможет выбиться на шаг вперёд, чтобы спасти ещё одну жизнь... то почему не попробовать?

На минуту в комнате повисла тишина. Все раздумывали над словами Изабеллы.

— Ладно, — первым произнёс я, желая обсуждения, а не простой констатации факта. — Предположим, что это тот же убийца. Меня беспокоит не его «беспорядочное поведение», как вы упомянули ранее, и случайные, неспрогнозированные жертвы яда... Зачем вообще использовать яд? Зачем таким образом увеличивать масштаб поражения? И зачем писать все эти письма: нам, в «Таймс», да вообще всем, кто готов слушать?! Чего он этим добивается?

Алистер ответил, не задумываясь:

— Зрителей. Аудитории. Он хочет, чтобы остальные увидели и оценили то, что он совершает. Он создаёт из актрисы «звезду» — пусть и несколько иного рода, чем Чарльз Фроман и его синдикат. А возможно, он и сам хочет стать «звездой», не знаю.

— Тогда каким образом в это вписывается его попытка отравить Марвина? В предыдущих двух убийствах он имел дело с женщинами: он одевал их, красил, украшал. Он играл роль Пигмалиона, так?

Я откинулся на обитую розовым спинку дивана.

— Кого он играет на этот раз? Мы совсем недавно обсуждали, как он с каждым разом делает места своих преступлений всё более театральными. Он одевает девушку и убивает её на сцене — это вписывается в вашу теорию о «создании звезды». Но затем он размещает ловушку с ядом для случайного спасителя. Зачем ему это?

— Для большего внимания? — предположила Изабелла.

— Сомневаюсь, — проворчал Малвани.

Но фраза Изабеллы заставила Алистера воодушевиться.

— А почему нет? Посмотрите на нас. В любом другом случае, мы все бы уже разошлись по городу в поисках улики. А он заставил нас остаться в этих стенах и сидеть у постели детектива, молясь о его выздоровлении.

Я повернулся к Алистеру.

— А если бы он умер в ту же секунду, на том же месте? Яд попал в кровоток через иглу. Если бы укол был более глубоким... Если бы попало больше яда... Он бы уже был мёртв.

— И это всё равно застопорило бы наше расследование, только другим способом. Марвин — один из вас, а в подобных случаях вы обязаны следовать протоколу департамента.

Последнюю фразу Алистер адресовал непосредственно Малвани.

— Вы правы, — кивнул Деклан.

— А если бы это был уборщик? — перебил я. — Вы же сами сказали, что пострадать мог любой из нас.

— Да, любой, кто мог отвлечь наше внимание от Эммелин Биллингс, — кивнул Алистер. — Думаю, что-то есть в идее, которую мы недавно обговаривали. Он хотел, чтобы место преступления было настолько театральным, показательным и шокирующим, насколько это возможно. И он этого добился, ощутило нас испугав.

— И как нам поможет эта информация? — спросил я.

Но прежде, чем Алистер успел ответить, в дверь постучали.

Алистер широкими шагами пересёк комнату, открыл дверь и впустил двух офицеров, которых я ранее видел среди десятка других в «Эриэл Гарденс». До этого мы не сталкивались лично, и Марвин представил нас: Бен Шнайдер, коренастый мужчина лет пятидесяти, и его долговязый, веснушчатый помощник — Пол Арнов.

— Капитан.

Они официально поприветствовали Малвани, затем кивнули мне, Алистеру и Изабелле. Малвани жестом пригласил их присесть.

— Какие новости, парни?

Пол заговорил первым, несмотря на то, что был младше по должности.

— Мы закончили осмотр места преступления, сэр. Жертву, мисс Биллингс, отвезли в городской морг. Доктор Уилкокс займётся исследованием, как только закончит здесь.

Малвани кивнул.

— Вы смогли уточнить, как давно отсутствовала мисс Биллингс?

— Да, сэр, — ответил Бен. — Мы узнали, где она жила, и поговорили с её соседями по квартире. Они видели её в последний раз перед тем, когда она прошлым вечером отправилась в театр.

— Какой спектакль? — поинтересовался Малвани.

— «Красавчик Браммел». Один из постоянных спектаклей «Нового Амстердама». Она играла там небольшую роль.

Офицеры переглянулись. Пол кивнул, и Бен продолжил:

— Похоже, её видели с неким джентльменом. Прошлым вечером он сопровождал её на спектакль, и она планировала вернуться домой поздно. Вот почему её друзья не заволновались, когда она вечером не пришла. Но вот когда они проснулись утром и увидели, что её до сих пор нет, забили тревогу.

— Они встречались с этим мужчиной? — уточнил я.

— Очень кратко, — ответил Пол. — И они расходятся во мнениях насчёт его возраста. Одни описывают его как мужчину после двадцати пяти лет, ближе к тридцати, с русыми волосами, довольно привлекательного.

— Другие же утверждают, — подхватил Бен, — что он значительно старше, лет сорока пяти, блондин. Другими словами, у нас нет ничего, что помогло бы нам идентифицировать его среди сотен мужчин Нью-Йорка, увивающихся за актрисами Бродвея.

Малвани кивнул.

— Узнали ещё что-нибудь важное?

Сейчас Малвани волновали лишь крупные детали; мелкие подробности могли подождать, пока он получит отчёт о вскрытии от доктора Уилкокса и рассмотрит всё в его свете.

Пол кашлянул.

— Ещё кое-что, сэр. Этот же поклонник стал причиной её неприятностей на работе. Её соседи считают, что она была на грани увольнения.

— Он мешал её репетициям и выступлениям? Что-то вроде этих поздних возвращений домой? — спросил я.

— Не совсем. Очевидно, её менеджер — а он, естественно, входит в синдикат мистера Фромана — уже пронюхал о несоблюдении правил, которое так не терпит Фроман. По крайней мере, так говорят её соседи.

— Больше они ничего не говорят?

Бен посмотрел мне прямо в глаза.

— Только то, что в этом замешан этот же мужчина, сэр.

— Отлично. Мы этим займёмся, — подытожил Малвани.

Бен кивнул.

— С вашего позволения, капитан, мы закончим первоначальный доклад.

Он направился к выходу, но остановился на полпути, развернулся и нахмурился.

— И ещё, капитан... — начал он. — Как детектив Марвин?

— Состояние тяжёлое, но он молод и силён. Как только я узнаю что-то новое, я всем сообщу, — жёстко ответил Малвани.

Как только они вышли из комнаты, и за ними закрылась дверь, я заговорил:

— Детектив полиции в тяжёлом состоянии, а ещё одна актриса мертва. Теперь, думаю, никто не станет возражать, что пришло время нанести Чарльзу Фроману официальный визит. Три актрисы, связанные с его синдикатом, мертвы.

Я внимательно наблюдал за реакцией Малвани, но на этот раз он не стал сопротивляться.

— Этот таинственный поклонник меня тоже беспокоит. Даже больше Фромана, — заметил Малвани.

— Тогда ты будешь заниматься им, а я — Фроманом, — кивнул я.

— Будь осторожен.

Его комментарий мне показался формальностью; мысли Малвани уже были заняты другим.

— Лучше покончить со всем как можно скорее.

— Если пожелаете действовать осмотрительно, то в эту субботу намечается театральное... — начал Алистер.

— Мы не можем дожидаться субботы, — покачал я головой. — У нас три убийства.

— Его сотрудники должны знать домашний адрес своего работодателя, — предложил Малвани.

— Тогда возьмите с собой Изабеллу, — отрывисто произнёс Алистер. — Доверяю вам заботу о ней. И судя по тому, что я слышал о мистере Фромане, — добавил он, — ваш разговор пройдёт глаже, если вы нанесёте ему визит вместе с прекрасной дамой.

Совет был неплох, но я подумал, что «прекрасной дамы» может оказаться и недостаточно. По крайней мере, в этом случае.

Из-за убийства мисс Биллингс и покушения на детектива Марвина в «Новом Амстердаме» и спектакль «Красавчик Браммел», и другие постановки были отменены полицией до дальнейших распоряжений. После всего, что я слышал о Чарльзе Фромане, его положении в синдикате и амбициях, мне не представлялось, что он воспримет эти новости спокойно.

И после подобных катастрофических для театра событий я должен был ещё и опросить этого чрезвычайно скрытного человека?!

Нет, даже с помощью Изабеллы этот разговор простым не будет.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Отель «Никербокер», 1466, Бродвей.

Потребовалось несколько часов, множество телефонных звонков и даже небольшая взятка одному из сотрудников Театрального Синдиката, чтобы, наконец, выяснить хоть какую-то информацию о затворнике Фромане.

И когда мы всё-таки узнали его местонахождение, он оказался буквально по соседству

— в отеле «Никербокер».

А отель находился всего в квартале от «Нового Амстердама», где детектив Марвин продолжал бороться за жизнь.

Основная резиденция Фромана находилась в шикарном особняке в Уайт-Плейнс к северу от Нью-Йорка, но если какой-то спектакль требовал от него личного времени и вмешательства, он останавливался в самом центре театрального района города — в пентхаусе отеля «Никербокер».

Мы решили прийти к Фроману к обеду, ведь очевидно, он был человеком привычки и обедал всегда в одно и то же время. Фроман был ценителем изысканной кухни, но предпочитал уединение, и вследствие этого редко обедал в общественных местах.

Человек Алистера сообщил, что нас вряд ли примут без предварительного приглашения.

Ровно в четверть седьмого дверь лифта открылась, и официант, одетый во всё белое, выкатил тележку с сервированными серебряными тарелками и бутылкой французского «Шардоне».

— Это для мистера Фромана? — спросил я, выходя и становясь на пути официанта.

Тот начал заикаться:

— Боюсь... Боюсь, я не могу вам сказать, сэр.

— И не надо. Я забираю тележку.

Я показал ему полицейский значок и быстро протянул несколько монет.

Его глаза расширились от удивления.

Я приложил палец к губам.

— И никому ни слова.

Он нахмурился беспокойно, но спустя пару секунд развернулся и, не оглядываясь, нажал кнопку вызов служебного лифта.

Когда он удалился, я постучал в дверь и крикнул:

— Обслуживание номеров!

Молодая служанка, открывшая дверь, даже не взглянула на меня, но бросила подозрительный взгляд на Изабеллу — в сером шёлковом платье с кружевным шарфиком она никак не могла сойти за официанта или прислугу.

— Мне вас представить?.. — запнулась она.

Я ответил, прежде чем Изабелла успела что-то произнести:

— Конечно. Сообщите ему, что прибыла миссис Синклер в сопровождении мистера Зиля.

— А вы с ним были знакомы прежде, сэр?

Я выдал свою самую чарующую улыбку.

— Не имел чести, но мистер Фроман прекрасно знаком с семьёй миссис Синклер.

Это была правда. В Нью-Йорке не найти бóльших покровителей искусства, чем семейство Синклер.

Служанка с сомнением посмотрела на меня, но, тем не менее, провела нас в небольшую гостиную и пообещала представить хозяину.

— Вы же не станете отвлекать мистера Фромана от трапезы? Он как раз собирался обедать.

— Конечно, нет, — любезно отозвался я. — Мы вполне готовы поговорить с мистером Фроманом, пока он ест, если он не против.

Лицо служанки исказилось от испуга.

— Нет-нет, сэр! Он всегда ест один!

Но пока мы ожидали в небольшой гостиной с голубыми диванчиком и вычурными обоями с алыми розами, стало ясно, что этот воскресный вечер Чарльз Фроман проводит не в одиночестве.

Мы слышали мужской голос: глубокий, красивый тенор. Скорей всего, он принадлежал Фроману.

Я поднялся и слегка приоткрыл дверь, соединявшую нашу маленькую комнатку с соседней огромной гостиной.

— Хелен, милая моя, — слышали мы его голос. — Не стоит бояться величия поэта. Конечно, язык отличается от современного. Но в глубине души, это обычная история о девушке, которая глубоко, страстно, всей душой любит парня.

Мы с Изабеллой заглянули в приоткрывшуюся щель.

Чарльз Фроман сидел в кресле, скрестив ноги «по-турецки» — довольно странная поза для взрослого мужчины.

Хотя мистер Фроман определённо не был обычным человеком.

Среднего телосложения с круглым приятным лицом. Этим вечером он надел рубашку в синюю тонкую полоску и чёрные брюки.

Он сидел к нам боком, но я видел, что вокруг его глаз разбегаются морщинки, когда он весело усмехается, подбадривая свою собеседницу.

Она же сидела лицом к нам, и мы могли её прекрасно рассмотреть. Молодая инженерю с тёмными, почти чёрными волосами, яркими голубыми глазами и смущённой улыбкой держала в руках несколько листов бумаги — очевидно, её речь в сценарии.

— Это кажется таким простым, когда вы об этом говорите, Чарльз. Но для меня это совсем не просто.

Она печально улыбнулась.

— Чепуха.

Он поднялся с кресла и взмахнул рукой, словно отбрасывая прочь её беспокойство. Теперь, поднявшись во весь рост, он оказался ещё крупнее, чем мне показалось на первый взгляд.

— Я бы не выбрал тебя на роль Джульетты, если бы ты не смогла этого сделать. Давай, попробуй ещё раз. Но на этот раз...

Фроман сделал многозначительную паузу.

— На этот раз я хочу, чтобы ты думала о другом. Не надо больше бояться Шекспира, пусть он и является величайшим из когда-либо живущих драматургов. Не надо переживать о том, что роль Джульетты — крупнейшая в твоей карьере. Ясно?

Фроман начал кружить вокруг девушки, и даже я попал под влияние его голоса.

— Думай о том, что эта пьеса написана человеком, который просто любил театр. Как я и ты. Он жил сценой и изливал глубочайшие чувства, доступные человеку, на бумагу, в свои произведения, созданные специально для его любимого театра «Глобус».

Голос Фромана оплетал, как шёлковая паутина.

— Тебе стоит думать лишь об одном: эта пьеса о парне и девушке и о том, как они безумно влюбились друг в друга. Вот и всё.

Мужчина скрестил руки и посмотрел на собеседницу.

Девушка храбро поднялась с кресла и попыталась заново произнести свои слова:

— Что значит имя? Роза пахнет розой,

Хоть розой назови ее, хоть нет.

Ромео под любым названьем был бы

Тем верхом совершенств, какой он есть.

Губы девушки слегка приоткрылись, и она восторженно посмотрела на воображаемого возлюбленного.

— Зовись иначе как-нибудь, Ромео!..

Она замолчала на долю секунды и почти неслышно закончила:

— И всю меня бери тогда взамен!

Изабелла отошла от двери, я последовал за ней.

Мы слышали, как Чарльз Фроман хвалил и подбадривал свою собеседницу.

— Чувствую себя неуютно оттого, что мы подслушиваем, — покраснела Изабелла, — но, кажется, мы узнали чуть больше о том, каким образом он превращает своих актрис в поразительных звёзд.

Я согласно кивнул, но мог думать лишь о том, что сказала Молли Хансен об Анни Жермен. Она упомянула, что Анни встретила нового мужчину — того, кто собирался сделать из неё звезду. И Фроман определённо обладал знаниями по литературе, необходимыми для написания писем, лежавших рядом с первыми двумя жертвами. Но он продолжал мило хвалить и всем своим видом показывать, что он — добрейшей души человек.

Не знаю, каким был наш убийца, но я точно его представлял себе не таким.

Я раз за разом учился не принимать во внимание предвзятое мнение.

Существовала ли возможность, что человек, которого мы ищем, и есть Фроман?

Мы услышали тихий голос служанки: скорее всего, она доложила о нашем приходе. А может, и о доставке ужина.

До нас донеслось непродолжительное бормотание, а затем мы вновь услышали Фромана.

— Конечно, начинай есть, милая моя. Зачем откладывать ужин из-за моего отсутствия? Я быстро разберусь с ними и вернусь, дорогая.

— Как вы думаете, он ко всем своим актрисам так обращается? — громким шёпотом спросила Изабелла.

Прошло ещё несколько секунд, и к нам вошла служанка и сообщила, что мистер Фроман нас сейчас примет. Она провела нас в другую гостиную, где уже ждали гостей сигары, виски и широкие, обитые декоративными гвоздиками, кресла.

Когда мы вошли в комнату, Фроман одарил нас такой же весёлой улыбкой и сразу же сосредоточил своё внимание на Изабелле.

— Мне сказали, что мы виделись с вами прежде, миссис Синклер, — он слегка поклонился.

— Это было два года назад, мистер Фроман, — ответила Изабелла, протягивая руку. — Двоюродная сестра моего мужа, миссис Генри Синклер, организовывала концерт, на котором присутствовали вы.

— Конечно, конечно.

Выражение его лица не изменилось, и даже если Чарльз Фроман не помнил с произошедшем — а я подозревал, что так оно и было, — он не стал выдавать себя.

— Детектив Саймон Зиль, — представился я. — Оказываю содействие Девятнадцатому участку в специальном расследовании.

Улыбка застыла на лице Фромана.

— То есть, вы помогаете расследовать смерть мисс Жермен в театре «Гаррик». Кажется, мои люди уже говорили с вами. И не один раз.

— Говорили.

Я достал из кармана записную книжку.

— Ваши люди говорили с нами и по поводу мисс Жермен, и по поводу мисс Даунс. Если помните, её тело было найдено в театре «Империя» при схожих обстоятельствах. Но теперь нам надо поговорить с вами лично.

Я внимательно наблюдал за Фроманом.

— Сегодня утром ещё одна актриса, мисс Биллингс, была найдена мёртвой в театре в «Эриэл Гарденс».

— Что за..?

Он оборвал себя на середине фразы и опустил в кожаное кресло.

Изабелла последовала его примеру и села напротив Фромана, но я остался стоять.

— Вы о ней не знали?

— Ко... Конечно, нет.

Он вытащил платок и вытер лоб, на котором собрались капли пота.

— Сегодня воскресенье, — добавил Фроман, словно это должно было объяснить, почему его сотрудники не сообщили ему о новом убийстве в одном из его театров.

Видимо, тем немногим, кто был в курсе произошедшего, приказали молчать. Но вот послушались ли они приказа, я не знал.

Фроман определённо был удивлён.

Он начинал волноваться, но мне сложно было судить: это волнение виновного человека или тревога руководителя, который начинает высчитывать, как очередное убийство скажется на его бизнесе.

— Значит, никто не сообщил вам, что «Новый Амстердам» временно закрыт по распоряжению полиции?

Фроман что-то невразумительно пробормотал.

— Эммелин Биллингс играла небольшие роли в постановках в «Новом Амстердаме», — медленно произнёс я. — И она входила в синдикат. Она была одной из ваших. Как и две другие.

Фроман весь раскраснелся от злости.

— Мне не нравится ваш тон и то, на что вы намекаете. Уверю вас, тот факт, что были убиты три актрисы синдиката, лишь совпадение, — он хмуро взглянул на меня. — Совпадение. Ничего более.

— А вот с моей точки зрения, всё выглядит несколько иначе: три женщины убиты, и каждая — в вашем театре.

Я на секунду замолчал.

— Одна жертва — это совпадение. Но три — закономерность.

— Мы находим закономерности там, где хотим их найти, — произнёс Фроман, и из-под маски спокойствия выглянул гнев. — Уверю вас, вам нечего искать в моих театрах. А вы и ваши коллеги вмешиваетесь в наш важный творческий процесс. Если ваше расследование станет достоянием общественности, новости о нём отпугнут театралов. Как видите, детектив, я не очень приветствую ваш интерес к моим театрам. Особенно если учесть, что я могу поручиться: ни я, ни кто-либо из моих сотрудников не причастны к смерти актрис.

— Тогда вы должны быть рады возможности пообщаться со мной, — спокойно ответил я. — В данный момент единственная связь, которую я вижу, между этими тремя убийствами, эта их работа в вашем синдикате. Если вы и все ваши сотрудники никак не связаны с убийствами, тогда вам стоит поговорить со мной. Дайте мне любую информацию, которая позволит направить поиски убийцы прочь от вашего театра.

— А если я откажусь? — вскинул он брови.

Меня больше нельзя было удивить. За последние десять лет я видел всевозможные реакции на убийства. Но подобная чёрствость и безразличие к трём загубленным жизням не переставала меня расстраивать.

Даже в тех случаях, когда я видел, что за всем стоит личный интерес. Как и сейчас.

— Для вас ничего не значит то, что были убиты три молодые девушки — актрисы, которых вы знали и нанимали на работу?

Мой голос оборвался из-за переполнявших эмоций.

Фроман сконфуженно посмотрел на массивный золотой перстень на правой руке.

И я решил: если он действительно настолько самолюбив, то я сыграю на его корыстных интересах.

Я попытался изобразить понимание.

— Своим отказом от сотрудничества вы ставите под удар всю свою организацию. Мне плевать, что вам прежде пообещали мэр Макклеллан и комиссар полиции Бингем. Они разговаривали с вами, когда мы знали лишь об одной жертве. А сейчас их три... И убийца не собирается останавливаться. Найти убийцу гораздо важнее, — сделал я глубокий вдох, — чем ваша скрытность и ошибочное стремление скрыть от общественного внимания дела в организации. Жертвы работали у вас. Они были убиты в ваших театрах. Это дело касается и вас лично, хотите вы того или нет.

Фроман, закипая, поднялся, подошёл ко мне и посмотрел в глаза. Он стоял всего в метре от меня, и я осознал, насколько он крупный мужчина.

Но я не отступил, хоть и услышал за спиной сдавленный удивлённый возглас Изабеллы.

В конце концов, он фыркнул:

— Никто никогда со мной так не разговаривает.

— Мистер Фроман, — мелодично произнесла Изабелла, — мы пришли не воевать с вами. Нам нужна ваша помощь.

Мужчина повернулся к Изабелле, и я заметил, что выражение его лица смягчилось, а гнев улетучился.

— Давайте снова присядем, — Изабелла жестом указала на кресло рядом с собой. — Мы знаем, насколько преданы вы своей работе и насколько неприятным для вас должно быть наше вмешательство. Но детектив Зиль прав: нам нужна ваша помощь, если мы хотим поймать человека, ответственного за убийства троих девушек. Никто лучше вас не знает, как функционирует Театральный Синдикат.

— Хम्म...

Фроман уселся в кресло.

— Синдикат преуспевает, потому что никто не знает моих актёров лучше, чем я. Это они делают меня успешным.

— Мы знаем, что даже сегодня вечером вы репетировали пьесу с одной из актрис. Это обычное дело? Похоже, это требует от вас затрат личного времени, — произнёс я.

— Конечно.

Он смотрел на нас с изумлением, не вполне понимая, куда мы клоним.

— А каким образом вы их выбираете? — поинтересовалась Изабелла. — Вы ведь, очевидно, не можете одарить всех своим вниманием.

Фроман покачал головой.

— Нет, я выбираю мужчин и женщин, у которых есть талант, большие амбиции и любовь к театру. С меньшими требованиями невозможно достичь больших высот в этой профессии. Но если у них есть всё перечисленное, то я подыскиваю им роли, которые позволят им сиять на сцене.

Он с любопытством на нас посмотрел.

— Вы сейчас упомянули лишь «актрис». Да, действительно, моей последней находкой была Мод Адамс. И я возлагаю огромные надежды на юную леди, которая репетирует сейчас роль Джульетты в гостиной. Но неужели вы никогда не слышали о Джоне Дрю? Или о Уильяме Джилетте? Они — главные созданные мной звёзды.

Фроман сиял от гордости.

Имена были мне знакомы, но я ничего не знал о карьере этих актёров или их сотрудничестве с Фроманом. Хотя это было легко проверить.

— Элиза Даунс была первой жертвой, поэтому давайте с неё и начнём. Она когда-нибудь достаивалась вашего личного внимания? — спросил я.

Чарльз Фроман медленно сцепил пальцы в замок.

— Личного внимания? Да, она была милой девочкой. И неплохо справлялась со своими ролями. Но она была бабочкой-однодневкой.

— Что это значит?

Фроман посмотрел на нас и Изабеллой, словно прикидывая, сможем ли мы понять то, что он собирается сказать.

— В мире театра встречаются два типа женщин. Мужчин, конечно, тоже, но их я встречаю реже. Первых ведёт единственное — любовь к сцене. Они будут посещать каждую постановку и спектакль, даже если сами никогда не смогут в них сыграть. Но если дать им шанс, и при условии наличия у них хоть малейших врождённых талантов — их честолюбие не будет знать границ. Ими движет не жажда славы или богатства, а необходимость художественного совершенства, насколько каждый из нас может к нему приблизиться.

Он печально покачал головой.

— Возможно, они мечтают затмить всех вокруг, возможно, их привлекает очарование происходящего, но длится это всё лишь до тех пор, пока они не осознают, сколько труда нужно вкладывать в театр. И, в конце концов, двое или трое могут стать знаменитыми. По счастливой случайности, им может достаться именно «их роль». Та, в которой они будут не играть, а жить. Но чаще всего, — Фроман подчеркнул свои слова, — это длится недолго. Несколько лет — и они начинают искать себе другое занятие.

— И каким образом вы узнали всё это о мисс Даунс? Вы не могли быть хорошо с ней знакомы, а актёров и актрис в театре сотни, не так ли?

Фроман посмотрел мне прямо в глаза.

— Я лично оцениваю каждого нанимаемого актёра. Никаких исключений. Я изучаю их прошлое. Поручаю своим менеджерам контролировать рабочий процесс, оценивать способности и прогресс каждого работника. Вы встречались со Львом Айзманом. Он — моя правая рука, и всегда помогает мне с выбором кандидатур.

— И ни один менеджер ещё не допустил ошибку? — с подозрением смотрел на

Фромана.

Но тот лишь пожал плечами.

— На самом деле, всё просто. У меня есть определённые правила, и я прошу своих работников их соблюдать. И актёр либо соглашается на это, либо нет. Это несложно. Весь вопрос в обязательствах и желании быть частью театра.

— И что это за правила?

— Повторюсь, правила довольно просты.

Фроман поднял руку и начал один за другим загибать пальцы.

— Актёры всегда должны быть готовы к выступлению. Они обязаны и среди ночи помнить свои роли и партии. Никогда не опаздывать — ни на репетиции, ни на сами представления. Я не разрешаю задерживаться им после полуночи, если на следующий день они должны играть. К тому же, — осторожно добавил Фроман, — мои люди должны понимать, насколько важна для успеха их репутация. Любые сплетни и слухи вне театра могут сказаться на их репутации в стенах моего заведения. Поэтому я настаиваю на безукоризненном поведении во всех сферах жизни и не терплю свободных взаимоотношений с противоположным полом. А ещё лучше, если у моих прим не будет серьёзных личных привязанностей, которые могут помешать их преданности профессии. К тому же, некоторые поклонники перестают восхищаться замужними или женатыми актёрами. Работать в театре — значит не давать угасать воображению и мечтам зрителей.

Я вспомнил фразу Алистера о флирте с Мод Адамс. И о том, как быстро она его пресекла.

Похоже, теперь я знаю почему.

— А что насчёт тех, кто не является вашими ведущими звёздами, но прилежно исполняет свои небольшие роли? — спросил я.

— Остальные актёры могут иметь личные привязанности, если они не доставляют неприятностей и не выставляются напоказ.

— Насколько я понимаю, мисс Даунс не была уж очень предана вашему делу?

Ответ Фромана был вполне определённым:

— Нет.

— И как на это смотрел синдикат?

Фроман прищурился.

— Что вы имеете в виду?

— Было ли место в вашем театре для такого случайного и необязательного актёра, как мисс Даунс? Или она была на грани увольнения?

Несколько долгих секунд Фроман не поднимал на меня глаза.

Я внимательно следил за малейшими изменениями его мимики, хотя такого человека было очень непросто читать. На первый взгляд он казался человеком прямым, очень амбициозным и преданным своему делу и своим людям.

Но насколько далеко могли завести его эти амбиции? Могли ли они заставить его или кого-то из его организации убить человека?

Наконец, Фроман негромко ответил:

— Да, её собирались уволить.

Когда его взгляд встретился с моим, глаза Фромана, казалось, молили о понимании.

— Бизнес, в котором я вращаюсь, очень сложен, детектив. Все заработанные деньги я моментально вкладываю в новые постановки. Я хочу постоянно совершенствовать своё

детище, но конкуренты неустанно вставляют мне палки в колёса. В частности, театр «Шуберт».

В его голосе прозвучала горечь.

— Мисс Даунс была неплохой актрисой, но она абсолютно не была предана делу. Возможно, мы бы и дальше работали с ней из года в год, если бы мой порог не оббивали десятки актрис, жаждущих заполучить её место и роль. И я готов рискнуть и предоставить это место новой актрисе, а не работать с человеком, который не желает работать, чтобы реализовывать свой потенциал. Величие моих спектаклей может быть достигнуто лишь путём непрерывных усилий самых лучших актёров.

— Мисс Даунс об этом знала? — тихо спросила Изабелла.

— Мы собирались сообщить ей в конце этого месяца.

— А кто из ваших сотрудников был в курсе? — поинтересовался я.

— Лев Айзман, мой самый доверенный помощник. Все режиссёры, офисные работники, партнёры. В принципе, все, кроме самих актёров. Хотя, полагаю, это не было бы для мисс Даунс сюрпризом. За последний месяц она опоздала на репетиции целых восемь раз. А мои актёры и актрисы знают, что опоздания недопустимы.

— Что насчёт Анни Жермен и Эммелин Биллингс?

Фроман насмешливо вскинул брови.

— Вы спрашиваете, знали ли они об увольнении мисс Даунс? Или знали ли они о том, что и сами стояли на грани потери работы?

— Последнее.

— Официального решения по поводу мисс Биллингс ещё не было принято, хотя этот вопрос уже не раз обсуждался. Она очень медленно выучивала свои роли, а для актёра немаловажно иметь прекрасную память.

Фроман глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— И с мисс Жермен мы тоже собирались распрощаться.

— Почему? Также вопросы посещаемости?

Мужчина покачал головой.

— В её случае мы просто нашли актрису с большим опытом, которая с радостью согласилась играть роль. Мы отложили увольнение мисс Жермен на некоторое время лишь для того, чтобы у новой актрисы было время выучить свой текст.

Я был почти уверен, что он говорит о Молли Хансен.

— Получается, что три актрисы из вашего театрального синдиката были убиты. Возможно, вы знаете, каким образом три девушки могут быть связаны, помимо того, что все трое работали на вас, да и не очень успешно?

— Понятия не имею, — упрямо нахмурился Фроман. — Это же вы должны выяснять, разве нет?

— У вас есть враги, мистер Фроман?

— Как и у всех. Догадываюсь, вы уже об этом знаете.

— Возможно, — вступила в разговор Изабелла, — лучше спросить: а были ли враги у этих трёх актрис?

— Понятия не имею.

— У одной из них — мисс Жермен — вероятно, недавно появился новый поклонник. Её соседи рассказали нам, что за последние недели она часто проводила с ним вечера, — произнёс я. — То же самое и с мисс Биллингс. Её соседи были уверены, что она вот-вот

потеряет работу именно из-за внимания нового молодого человека, а не из-за плохой игры на сцене.

— Я об этом ничего не знаю.

— Учитывая ваши «правила», мне сложно поверить, что никто об этом не знал — ни вы, ни работающие на вас люди, вроде мистера Айзмана.

— Если кто-то и знал, то мне не сообщил, — твёрдо ответил Фроман.

— Ну конечно, мистер Фроман, — кивнул я. — Только вы сами сказали: вы пристально следите за всем, что происходит в вашем театре. Понимаете, насколько мне сложно поверить, что вы были не в курсе этих событий? Или вы кого-то защищаете?

Фроман скрестил руки на груди в защитном жесте.

— Теперь вы подозреваете в произошедшем кого-то из моих сотрудников?

Я ответил уклончиво:

— Сейчас я обязан подозревать всех. Вы же, безусловно, знаете поговорку «нет дыма без огня»?

Я поднялся, Изабелла последовала моему примеру.

— Прошу меня простить, мистер Фроман, в вашем театре полным-полно этого дыма. Боюсь, с завтрашнего утра за деятельностью вашего синдиката начнут пристально наблюдать несколько офицеров.

— Это полная чушь! — фыркнул Фроман. — Смею вас уверить, что ни один из моих сотрудников в произошедшем не замешан. Последнее убийство, например, произошло в заброшенном театре, а мои работники не используют «Эриэл Гарденс» до наступления лета.

— Вот именно, — кивнул я. — Благодаря этому «Эриэл Гарденс» и стал идеальным местом преступления. В это время года там никого нет, и убийца об этом знал.

— Но никто... — начал Фроман, но замер на полуслове.

— Никто из тех, кого вы знаете, не способен на подобное? Боюсь, мистер Фроман, я не могу поверить вам на слово. С завтрашнего дня несколько детективов из участка придут в «Империю», чтобы изучить документацию и поговорить с сотрудниками театра.

— Только через мой труп.

— Неудачный выбор слов, мистер Фроман. Всего доброго. Выход мы найдем сами.

Мы ушли, оставив его разозлённым, раздражённым и, без всяких сомнений, недовольным, что из-за нас успел остыть ужин.

А нам оставалось решить: попал ли он незаслуженно под подозрение в результате простого стечения обстоятельств? Или он и есть убийца, которого мы искали?

Если последнее верно, то он окажется далеко не первым человеком, чьи непомерные амбиции привели к жутким последствиям.

— Не думаю, что вы с Фроманом расстались друзьями, Саймон. Это было неразумно, — рассудительно заметила Изабелла.

— Что было, то было, но я должен был понять, что он за человек. Он определённо готов на многое, чтобы защитить свой театр. Но вот пойдёт ли он на убийство ради своего детища — вопрос открытый.

— Вы правы, Саймон, но мне сложно вообразить, каким образом три второстепенные актрисы могли угрожать успеху Фромана. В конце концов, он мог решить все проблемы и более простым способом — просто уволив их. Зачем он или кто-то из его работников станет прибегать к убийству?

— Хороший вопрос, — улыбнулся я.

— С другой стороны, каждое из этих убийств уникально в плане их организации. С каждой жертвой убийца делает определённое заявление, возможно, в надежде заинтересовать прессу... А Чарльз Фроман — человек замкнутый. Сложно представить, что он будет терпеть — или того паче, совершать сам — то, что привлечёт к его спектаклям внимание неправильной публики.

— Знаете, некоторые говорят, что любая известность — это хорошо; если пресса узнает о произошедших убийствах, все издания только и будут говорить о Чарльзе Фромане и его спектаклях. Даже если основной темой статей станут убийства, разговоры о них будут прекрасной бесплатной рекламой деятельности синдиката.

— Хм.

Изабелла нахмурилась и задумалась.

— И ещё кое-что... почему вы не упомянули о ранении детектива Марвина и об иглах для инъекций, найденных на сегодняшнем месте преступления?

— Потому что завтра наши офицеры будут обыскивать его дом и офис. Я не хочу, чтобы Фроман или кто-то из его людей успели что-то спрятать.

Изабелла резко развернулась в мою сторону.

— Саймон, я не думаю, что это Чарльз Фроман.

Я посмотрел на неё с некоторым изумлением.

— Вы довольно уверенно об этом заявляете. Почему?

Женщина пожала плечами.

— Главным образом, интуиция. К тому же, я не думаю, что он станет совершать то, что может стать угрозой репутации его театра. А если убийства продолжатся...

Изабелла не стала продолжать.

После увиденного сегодня мы оба понимали, что в этих убийствах нет ни малейшего намёка на завершение. Напротив, сегодняшнее убийство только усилило мою тревожность.

Я не стал ничего говорить Изабелле, но после разговора с ней я начал больше задумываться над ролью в происходящем Льва Айзмана.

Я решил позже обсудить это с Алистером и Малвани, но чем дольше я рассматривал Айзмана в качестве возможного подозреваемого, тем сильнее меня охватывало беспокойство.

Об актрисах и театрах он знал не меньше, чем сам Фроман.

Именно ему безоговорочно доверяла любая актриса.

Но сильнее всего меня волновало следующее: зачем Айзман хранил записку, найденную рядом с телом Элизы Даунс, первой жертвы? Ведь все были уверены, что это предсмертная записка самоубийцы.

Да, факт крохотный.

Но я уже давно понял, что в расследовании убийств чаще всего главную роль играют именно такие небольшие детали.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Отель «Никербокер», 1466, Бродвей.

Малвани ждал меня в холле отеля, куда я вернулся после того, как Изабелла отправилась домой.

Он был очень взволнован, и я заподозрил, что с Дэвидом Марвином случилось худшее.

— Марвин?..

Я замолчал и затаил дыхание.

— Он пока держится. Но случилось кое-что другое.

Малвани вывел меня через двери и странно посмотрел.

— Оказывается, убийца всё же оставил для нас послание.

Я замер.

— Мы же обыскали весь «Эриэл Гарденс» сверху донизу! Как мы его пропустили?

Мой голос стал хриплым от разочарования. Я был уверен, что место преступления тщательно изучили.

Мы с Малвани забрались в ожидающий нас экипаж.

— Наверно, нас отвлекло ранение Марвина. Мы ведь даже не смогли перенести мисс Биллингс со сцены из-за того, что она была приколоты к занавесу, — я попытался найти оправдание тому, каким же образом мы пропустили такую важную улику.

Малвани повернулся к извозчику.

— В морг.

Извозчик развернул лошадей, и наш экипаж покатился по Бродвею к окраине города.

— Почему нельзя было доставить записку в участок?

Я крепко придерживал свой саквояж, так как тряска внутри экипажа грозила раскрыть его и вывалить всё содержимое на грязный пол.

— Мне кажется, поездка в противоположный конец города — это просто трата времени, учитывая, что доктор Уилкокс, скорей всего, ещё не успел закончить вскрытие.

Малвани снова бросил на меня странный взгляд.

— Уилкокс планировал начать вскрытие сегодня вечером. После того, как состояние детектива Марвина стабилизируется. И когда ассистент Уилкокса начал подготавливать тело, он и заметил послание.

— Плохо, что он не смог отправить курьера с этой запиской к нам, — пробурчал я. — Она такая же, как и в прошлых случаях?

— Вроде того. Стиль определённо его — поэтические строки, практически не имеющие смысла.

— И в чём же отличие?

Раньше из Малвани никогда не приходилось вытягивать информацию клещами.

Он посмотрел мне в глаза, и я уже тогда понял, что его следующая фраза не будет нести ничего хорошего.

Я решил, что с наводящим вопросом ему будет легче.

— Где нашли послание?

Когда Малвани начал говорить, я увидел, что ему невероятно сложно выразить словами то, что ему тяжело пока осознать.

— Послание было у неё на спине, — наконец произнёс он.

— То есть, он засунул его под блузу?

В этом был определённый смысл. Поскольку она была пристёгнута булавками к занавесу, мы так и не смогли тщательно обследовать тело.

— Нет, — ответил Малвани. — Оно было на спине. В прямом смысле. Навсегда.

Он посмотрел мне прямо в лицо.

— Он вытатуировал его синими чернилами.

* * *

Я не суеверный и не верю во всякую сверхъестественную чушь, но предпочитаю наведываться в морг при свете дня, когда солнце разгоняет притаившийся в тёмных углах и плохо освещённых коридорах мрак.

Сегодня же вечером я ясно, как никогда, ощущал неприятный холодок, пробиравший меня до костей. И не спасали даже шесть электрических ламп, освещавших зал мертвецкой.

На столе в той же комнате, где нам два дня назад рассказывали об обстоятельствах смерти Анни Жермен, лежала Эммелин Биллингс.

Тело лежало лицом вниз. Голова и нижняя часть туловища были прикрыты белыми толстыми простынями, которые, казалось, создавали ещё больший контраст с синими чернилами на коже.

К нам вышел помощник доктора Уилкокса — низенький щупленький мужчина с венгерской фамилией, которую я никогда не мог выговорить.

— Я сообщил, как только это увидел, — тихо произнёс он с заметным акцентом.

Малвани обошёл тело, чтобы посмотреть на надпись под другим углом.

— Можно осветить эту часть поярче?

— Конечно, сэр, — кивнул помощник.

Он принёс электрический фонарь и поднял его над телом мисс Биллингс.

Вокруг нас появились жуткие тёмные тени, но тело и послание оказались ярко освещены. Надпись была выполнена синими чернилами, а кожа вокруг каждой буквы была воспалена и раздражена, и при свете фонаря казалось, что каждая литера словно купалась в красном свечении.

— Чернила — стандартная синяя хна, введённая подкожно, — произнёс помощник доктора.

Малвани печально покачал головой.

— Небрежная работа. Заметили, насколько неровные линии? Учитывая это и то, что мы знаем об «Эриэл Гарденс», где она была убита, мне кажется, что это было сделано вручную.

Я посмотрел на надпись: действительно, некоторые буквы были толще, некоторые — тоньше; первые практически сливались друг с другом, а между последними было заметное расстояние. Человек, сделавший это, или обладал отвратительными навыками, или вообще не заботился о красоте. Или и то, и другое.

— Не сомневаюсь, что ты прав, — согласился я. — Слишком небрежно. Даже в руках любителя электрическая татуировочная машинка выдала бы лучший результат.

Малвани кивнул.

— К тому же, мне хочется думать, что он бы привлёк внимание, затаскивая такую громоздкую машинку в театр.

Мы вновь уставились на надпись.

— У кого до сих пор может быть доступ к старой ручной машинке? — спросил я.

Все новые салоны татуировок рядом с Чатем-сквер, включая мастеров тату, практикующих в парикмахерских и обычных подсобках салунов, уже лет десять как переключились на электрические машинки.

Метод начал развиваться, и мода на татуировки быстро распространилась, особенно среди определённых слоёв населения: моряков, членов банд и сынков-бунтарей из привилегированных сословий.

— Как думаете... Он сделал это до того, как убил её, или после? — спросил я.

— Не могу сказать, сэр. Возможно, доктор Уилкоккс сможет вскоре высказать своё мнение.

Я очень надеялся, что ответ будет «после». Ради самой жертвы. Ведь если девушка была жива, пока ей наносили татуировку, значит, она ощущали мучительную боль от каждого укола, раз за разом, пока не была выполнена вся надпись из двух строк. И это указывает на безмерную жестокость, которой в предыдущих убийствах мы не наблюдали.

Хотя, конечно, это не значило, что убийца на неё не способен.

В конце концов, я даже не притворялся, что понимаю человека, которого мы разыскиваем.

Синие буквы его послания издевались над нами, заставляя передёргиваться от холодка, бегущего вдоль позвоночника, и вновь и вновь задаваться вопросом: зачем было оставлять послание именно таким чудовищным способом?

Я попытался взять себя в руки и сосредоточился на надписи.

«Во тьме безутешной — блистающий праздник...

... И Червь-Победитель — той драмы герой!»

Я недоуменно моргнул.

— Это ещё что за чёрт? — наконец, произнёс я. — «Блистающий праздник» может быть отсылкой на предыдущие письма, но «Червь-Победитель?!

Я понимал, что упускаю нечто важное.

— Не сомневаюсь, что твоему профессору будет, что рассказать по этому поводу.

Малвани повернулся к помощнику:

— У вас есть камера? Хотелось бы сделать несколько фотографий.

Он посмотрел на меня, извиняясь:

— К сожалению, свою я оставил в участке, торопясь перехватить тебя.

Помощник кивнул, вышел и вернулся с камерой Кодак — такой же, как лежала у Малвани в участке.

Я взял камеру у помощника и сделал несколько снимков: пару штук с близкого расстояния, делая акцент на отдельных буквах, и ещё пару — с дальнего, захватывая обе строки.

Выполнив работу, я вернул камеру помощнику доктору Уилкоккса.

— Учитывая определённое место происшествия, я точно знаю, что по этому поводу скажет Алистер — причём, даже ещё до того, как узнает о послании, — сказал я Малвани, когда мы снова остались с ним наедине.

— Да, он явно укажет на его театральность. Только сегодняшнее сообщение — это уже не просто способ общения с нами. Убийца расставляет все точки... Буквально.

Меня передёрнуло.

— Он впервые расписал тело жертвы.

— Но убила её не татуировка, — напомнил мне Малвани. — Похоже, он задушил её, как и остальных.

— Ты прав. И, тем не менее, его поведение изменилось. Это может что-то значить.

И я рассказал Малвани то, что узнал за время разговора с Чарльзом Фроманом: теперь в качестве возможного подозреваемого я рассматривал не только самого театрального

магната, но и его ближайшего советника и помощника — Льва Айзмана.

— Не кажется ли тебе странным совпадением, что строки на теле мисс Биллингс появились именно сейчас, перед его новой премьерой — «блистающим праздником»?

Меня этот факт чрезвычайно волновал, но Малвани несогласно хмыкнул.

— Вообще-то, я должен сказать тебе ещё кое-что.

Я внутренне застонал— после откровений этого дня я надеялась больше не услышать обескураживающих новостей.

Малвани серьёзно взглянул на меня.

— Мы сняли отпечатки пальцев с основания иглы, которой укололся детектив Марвин.

— И?

— В первую очередь я попросил сравнить образцы с отпечатками Тимоти По. И они идеально совпали с теми отпечатками, которые мы сняли у По, пока он находился у нас в участке по подозрению в убийстве Анни Жермен.

— И как такое возможно? — недоверчиво пробормотал я.

Малвани поражённо посмотрел на меня.

— Зиль, не надо лицемерия! Ты сам всегда ратовал за внедрение новых методик по отпечаткам пальцев в нашем участке! Ты не можешь игнорировать результаты экспертизы только потому, что они тебе не нравятся.

Он был прав.

Но это совпадение отпечатков противоречило всем моим инстинктам.

Да, По был неискренним, лживым, но я не считал его убийцей. Тимоти По никак не подходил под психологический профиль убийцы, о чём я и сообщил Малвани — понимая, что говорю точь-в-точь как Алистер.

— К тому же, — добавил я, — тебе понадобятся и другие доказательства, помимо отпечатков. По крайней мере, если на игле не найдутся отпечатки всех десяти пальцев, суд их не примет в качестве доказательства.

В Нью-Йорке пока удалось добиться только частичного принятия во внимание отпечатков пальцев при идентификации преступника и лишь в одном случае: если эти отпечатки полные и несмазанные.

В тюрьмах, например, уже давно использовались отпечатки пальцев для определения личности и выслеживания заключённого, потому что у них была возможность сбора всех десяти чётких отпечатков от каждого из заключённых в контролируемых условиях.

Но наши реалии таковы, что отпечатки чаще всего бывают неполные и нечёткие. А никто не решится судить о личности преступника на основании частичного отпечатка пальца.

Малвани снисходительно на меня посмотрел.

— Всё когда-нибудь случается в первый раз, Зиль. Кроме того, у нас будет больше доказательств. Пока мы с тобой осматриваем тело, мои люди направились к дому По с ордером на обыск и арест. Подозреваемый будет ждать нас в участке.

Но Малвани был неправ, по крайней мере, в одном.

Когда мы вернулись в участок, По там не было. Его нигде не смогли найти.

Люди Малвани просто выбивались из сил, когда мы их встретили. И на Бене Шнайдере, и на Поле Арнове сказались утомление этого дня. К тому же, оба были обеспокоены состоянием детектива Марвина.

— Капитан, По не было дома, — доложил Бен. — А его соседи утверждают, что не

видели его уже два дня.

— Два дня? — удивлённо посмотрел на них Малвани. — А они не знают, куда он мог отправиться?

Пол устало покачал головой.

— Говорят, что не знают. Вероятно, прошлым вечером По даже пропустил своё выступление, что на него очень непохоже.

Такое нарушение ни Фроман, ни его управляющий не потерпят. Хотя та информация, которую мы вскоре будем вынуждены обнародовать, всё равно разрушит любую возможную карьеру По.

С другой стороны, По подозревается по трём убийствам. Его основные заботы сейчас — далеко не работа в театре.

— Мы проверим все зацепки: места, которые он посещает; знакомых, с которыми он поддерживает отношения. Ясно?

Малвани практически наизусть цитировал протокол.

— Мы найдём его, арестуем и отыщем все доказательства, необходимые для закрытия этого дела.

Я никогда не слышал, чтобы результаты проверки отпечатков пальцев лгали, и тем не менее, я не мог разделить непоколебимую уверенность Малвани в виновности Тимоти По.

И всё же, я был обязан поделиться с бывшим напарником сведениями о местонахождении подозреваемого.

Я неловко кашлянул.

— Я знаю ещё один адрес. Проверьте и его. Макдугал-стрит, 101. Комната 5С. Я виделся с ним там.

Малвани смотрел на меня несколько секунд, потом отдал своим людям приказ.

Когда они уехали, он затащил меня в свой кабинет и захлопнул дверь.

Я ждал, что он будет в ярости, ведь нор у Малвани был крутой. Но он, напротив, спокойно сел в кресло и замер. А когда заговорил, голос его звучал неестественно тихо.

— Откуда ты узнал, что у По есть вторая квартира? И что ещё важнее — почему ты мне ничего не сказал?

Я неохотно ввёл его в курс дела: рассказал о зацепке, которую мне дали Райли и Богарти, о своём визите к По, о полученной информации и о том, что ни я, ни Алистер не верили, что По, несмотря на своё двуличие, может оказаться настоящим преступником.

— Повторю вопрос: почему ты ничего не сказал мне? — Малвани сидел с каменным лицом.

— Потому что я боялся, что из-за давления сверху ты можешь прийти к самому простому, но абсолютно неверному выводу.

— Другими словами, ты не верил, что я смогу всё сделать правильно? Опираясь только на доказательную базу?

— Собственно говоря... Нет, не верил. Ты с самого начала относился к Тимоти По с предубеждением, считая его виновным, когда на то не было никаких веских оснований. А если бы ты узнал, что он нам солгал? Что его образ жизни отличается от общепринятого? Тебе ведь было бы ещё проще повесить на него преступление из-за своих предрассудков.

Я остановился и перевёл дыхание.

— А учитывая то, что публика смешала бы его с грязью за одно его «не общепринятое поведение», в моих руках оказалась карьера человека. Я мог разрушить её одним словом, а

мог сохранить. И я не увидел причин её рушить. Я не считал его виновным. Моим долгом было защитить его интересы.

— Твоим долгом..., - Малвани разочарованно покачал головой. — Мы нашли убедительные доказательства, связывающие его с сегодняшним преступлением.

— Именно поэтому я и рассказал тебе о его местонахождении.

Малвани вскинулся:

— Если бы ты был более откровенным, мы смогли бы получить твёрдые доказательства гораздо раньше. Твоё чувство долга по отношению к По могло стоить жизни ещё одной девушки. Не говоря уже о детективе Марвине.

У меня подкосились ноги, и я почти рухнул на стул.

— Думаешь, в таком случае я не жил бы с чувством вины до конца своих дней?

Малвани услышал боль в моём голосе, причинённую его словами.

— Ты же знаешь, Зиль, я не это имел в виду. Мы все делаем всё, что можем. И принимаем решения, руководствуясь имеющейся на тот момент информацией. Что ещё нам остаётся?

Он был прав.

Что можно сделать, не владея всей информацией?

Выход лишь один — и с ним придётся жить всю оставшуюся жизнь. И либо исправить ошибку, либо смириться с вытекающими последствиями.

Неужели я ошибся и не разглядел истинное лицо По?

Неужели мои инстинкты подвели меня, хотя в прошлом всегда выручали?

* * *

Той ночью я так и не уснул. Ворочался, метался в кровати, но, в конце концов, решил, что был прав насчёт По.

Несмотря на его слабости и недостатки, он не был тем, кого я искал. Тем, чьи чудовищные слова и поступки нещадно мучили меня до глубокой ночи.

Понедельник

19 марта 1906 года

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Здание девятнадцатого участка.

В доме 101 по Магдугал-стрит Тимоти По не было. Зато был целый ассортимент различных наркотиков.

К несчастью для него, даже у выдавших виды сотрудников Малвани глаза на лоб полезли.

Тайник с опиумом, бутылочка героина, капли с кокаином от зубной боли и десяток инъекционных игл, напоминающих ту, которой укололся детектив Марвин.

И хотя в наличии в аптечке этих лекарств не противоречило закону, в приличном обществе подобное хранение не одобрялось, а следовательно, данная находка не сулила По ничего хорошего.

Конечно, само наличие дома шприцов и игл ничего не доказывало. Но если учесть

выявление на оставленной на месте преступления игле отпечатков По вкупе с предвзятым отношением присяжных к образу жизни подозреваемого — и дело против Тимоти По становится всё непоколебимее.

Стороне обвинения будет легко выставить мужчину неприятным, аморальным типом. И вряд ли его личное свидетельство в суде сможет перебить все обвинения, как я совсем недавно видел в суде над миссис Снайдер.

Казалось, прошла вечность с того процесса. А на самом деле — всего неделя.

* * *

В конечном итоге, людям Малвани удалось отыскать По, и к утру понедельника, когда я встретился с Малвани в участке, По уже находился под арестом.

Я лично изучил все свидетельства его вины. Доказательства были твёрдыми, и вполне могли успокоить мой разум.

Но вот неприятное ноющее чувство под ложечкой — совсем другое дело...

Я был по-прежнему уверен в невинности По, несмотря на предоставленные мне убедительные доказательства. Я просто не считал его способным на совершение этих убийств.

— Даже лучшие из нас ошибаются, — Малвани сочувственно хлопнул меня по плечу. — И я за столько лет службы не раз ошибался. Но твоя ошибка, к счастью, не стоила нам большой задержки в поисках преступника.

Я резко поднял голову и посмотрел на Малвани.

— Где По прятался?

— Я послал людей в Бауэри поговорить с некоторыми торговцами наркотиками, которых мы используем в качестве информаторов. И им повезло: они нашли По в полубессознательном состоянии в наркопритоне на Мотт-стрит.

Он поднял глаза, отвлекшись на внезапный переполох.

— Помяни чёрта...

Мы оба посмотрели в сторону открытой двери кабинета и увидели, как мимо вели оцепеневшего Тимоти По. Двое полицейских практически тащили его по коридору из допросной к ожидавшему на улице полицейскому кортежу.

По увидел меня и бросился в мою сторону.

— Я этого не делал.

Обезумев от страха, он продолжал молить меня:

— Пожалуйста, поверьте! Клянусь вам! Пожалуйста...

Он посмотрел мне прямо в глаза, протянул худую руку и схватился за мою кожаную сумку, как утопающий за брошенную в воду верёвку. Я успел рассмотреть бывшую некогда белой рубашку, теперь всю в жёлто-зелёных разводах, и ощутил вонь рвотных масс.

— Простите, сэр, — извинился передо мной полицейский и оттянул По. — Судье это расскажешь!

И толкнул По к выходу.

Но тот продолжал кричать, пока за ним не захлопнулись двери, словно встреча со мной разбудила в нём внезапное желание говорить.

— Мы держали его тут всю ночь, пока он не пришёл в себя; а теперь, после допроса, отвезём его в «Гробницу». Мы надеемся быстро получить признание, раз он теперь знает, сколько у нас на него есть. Мы даже нашли его отпечатки в лифте, ведущем в «Эриэл

Гарденс».

— Ты уверен?

— Большой палец идеально совпал.

Несколько секунд я помолчал.

— Но он до сих пор ничего не сказал?

— Ничего существенного. Утверждает, что невиновен. Но не помнит ни минуты за прошедшие сутки с тех пор, как пропал. Наш информатор с Мотт-стрит сообщил, что По находился в притоне со вчерашнего утра. То есть, спустя всего чуть-чуть после убийства мисс Биллингс, — заметно подчеркнул Малвани.

— Вы и Уолтера схватили? — спросил я, вспомнив о высоком африканце, с которым Тимоти По делил квартиру на Магдугал-стрит.

Малвани недовольно буркнул:

— Мы слышали о Вилли от соседей, но нигде его не нашли. И не найдём, я полагаю, раз он теперь знает, что мы его разыскиваем. Видимо, кто-то ему настучал, что мы идём.

Я понимал, что любой мой ответ прозвучит неискренне.

Я засунул руки в карманы и прислонился к столу Малвани.

— Тебе сейчас нужна моя помощь?

— Нет.

Резкий тон Малвани застал меня врасплох, и я вопросительно глянул на него.

— Даже подробный отчёт о проделанной работе? Разве департамент не требует этого для бухгалтерской отчётности?

Малвани качнул головой.

— Даже если б мне была нужна твоя помощь... Даже если бы дело так не повернулось..., - он запнулся, но продолжил: — Чарльз Фроман был недоволен твоим вчерашним визитом. Он позвонил мэру МакКеллану, тот — комиссару Бингему и...

— А, вот значит как, — печально усмехнулся я.

— Вот так.

Лицо Малвани было мрачным, и я понял по выражению его глаз, что новые обязанности и политическое давление начинают брать своё.

— Тогда закончим на этом.

* * *

Я мог бы сказать, что мы расстались с Малвани на хорошей ноте, но это не совсем так.

Я мог бы сказать, что, вернувшись в Добсон, почувствовал облегчение, но это тоже было бы ложью.

Это дело меня сильно обеспокоило.

Если я ошибся, и По виновен — что ж, я смогу это пережить и принять.

Но если он невиновен, то дело не только в том, что за решёткой сидит не тот человек. Стоимость нашей ошибки будет взыскана кровью очередной жертвы.

* * *

Этим утром я отправился в офис Алистера в Колумбийском Университете на Морнингсайд-Хайтс, чтобы сказать ему, что наша помощь следствию на этом закончена.

Алистер был не один: вокруг его стола сидели двое репортёров из «Таймс» — Фрэнк Райли и Джек Богарти.

— Зиль! Входи, присоединяйся.

Он живо вскочил и пододвинул к столу ещё один стул.

— Ты же помнишь наших друзей из «Таймс»?

Я неохотно ответил на их приветствия, не сдвигаясь с порога. И как можно вежливее попытался отказаться от приглашения Алистера.

— Я подожду снаружи, когда вы закончите, — произнёс я. — Мне хотелось бы поговорить наедине.

Райли поднялся.

— Мы уже уходим, да, Джек?

Он энергично пожал руку Алистера.

— Спасибо за вашу сегодняшнюю помощь. С нетерпением ждём завтрашнего ужина.

— И обещаем, — кивнул Джек, — что упомянем о вас в статье только с хорошей стороны.

— И вас тоже, детектив, — добавил он, проходя мимо меня к выходу.

— Ужин? — спросил я Алистера, садясь на только что освобождённый стул. — Я и понятия не имел, что ты с ними общаешься.

— Конечно, общаюсь, Зиль. Наша договорённость работает: я делюсь с ними информацией — они делают то же взамен.

Алистер пожал плечами.

— Джек презентовал мне несколько билетов на бродвейские шоу, а Фрэнк собирается взять меня с собой на бейсбольный матч, где Кристи Мэтьюсон будет играть за «Гигантов». Но не переживай, я не скажу ничего, что сможет скомпрометировать ваше расследование.

— Это уже не важно, — тихо ответил я и рассказал Алистеру, что найденные доказательства указывают на виновность Тимоти По во всех трёх чудовищных убийствах.

— Я уверен, что наука не врёт, — недоуменно покачал головой Алистер, — но это никак не сходится с тем, что мы с вами выяснили об этих убийствах. И какой же, по их мнению, у мистера По был мотив?

Конечно, у них не было точного мотива. Но учитывая всё, что они узнали об образе жизни Тимоти По, никакой точный мотив им и не был нужен.

«Общая безнравственность» — и этого достаточно.

Некоторое время мы ещё обсуждали это дело, и нам обоим не нравилось, как всё поворачивалось. Причём, Алистер выглядел ещё более встревоженным, чем я.

Улики против По были железными. И тем не менее, мы оба сходились на том, что признание По убийцей противоречило всему, о чём нам говорили моя интуиция и знания Алистера.

К сожалению, теперь мы стали для этого дела, некогда бывшего нашим, просто сторонними наблюдателями.

И даже если бы у меня были другие доказательства, кроме уверенности в собственной правоте, я бы ничего не смог добиться без позволения начальства.

А кроме этой уверенности у меня ничего не было.

* * *

Прежде чем отправиться в Добсон, я отправился в крошечное кафе в двух кварталах на юг от Центрального вокзала.

Я сидел за столиком, наслаждался крепким ароматом кофе и успокаивающим теплом,

исходящим от чашки, и абсолютно не жаждал ничьей компании — особенно, моего отца.

Я заметил его только тогда, когда он опустился на стул напротив меня.

— Ты снова за мной следил?

Отец сжал тонкие пальцы и ответил:

— Стараюсь не забывать старые навыки, сынок. В последнее время у меня появились причины держаться в тени — снова вынырнули старые кредиторы и сулят мне неприятности.

«Его не было десять лет, а ничего не изменилось».

Тем временем мужчина продолжал:

— Вообще-то, я нашёл информацию, которая сможет помочь в твоём деле. Я привёл кое-кого...

И прежде, чем я успел его перебить и сказать, что это уже не важно, как в кафе, как по команде, зашла женщина.

Я, не мигая, смотрел в зелёные глаза на обрамлённом рыжими кудряшками лице. На лице Молли Хансен.

— Вы знаете моего отца?

Я с удивлением смотрел на девушку.

Они обменялись виноватыми взглядами, и они сказали мне больше, чем я хотел знать, ещё до того, как отец представил Молли Хансен в качестве «хорошей знакомой».

Он закашлялся и отошёл в сторону.

Молли бросила на него обеспокоенный взгляд, но осталась на месте.

— Мне жаль, Саймон, что я вам ничего не сказала, когда мы прошлый раз общались, — смущённо произнесла она. — Я боялась, что вы не станете помогать, если узнаете правду.

— Вообще-то, я и не стал вам помогать, — тихо заметил я.

Молли широко улыбнулась.

— О нет, вы помогли! Хотя и не знаете об этом. Всё, что вам нужно было сделать — это войти со мной в двери того бара, чтобы следящие за мной коллекторы увидели, что мы знакомы. И когда на следующий день я им разок-другой солгала, им ничего не оставалось, как поверить. К тому же, — слишком радостно добавила она, — вы же не захотели бы, чтобы ваш больной отец страдал от кредиторов?

Получалось, моё доброе имя очернили за моей спиной в каких-то тёмных делишках, чтобы обеспечить отцу отсрочку в выплате. А зная его, он ввязывался в новые долги проще, чем остальные дышали.

Ещё вчера я бы впал в ярость. Но сегодня мои мысли были заняты более важными вещами.

— В общем, — Молли сделала глубокий вдох, — я попросила вашего отца взять меня сюда с собой, потому что у меня есть информация, которая сможет помочь в вашем деле.

Я не знаю, почему ответил ей именно так. Несомненно, огромную роль сыграло моё плохое настроение и злость из-за того, что мой отец и Молли стоворились у меня за спиной.

Некоторым людям нельзя доверять. Даже большинству.

— Нет никакого дела, — отрезал я, отставляя в сторону чашку. — Полиция нашла доказательства и кого-то задержала. Всё, дело закрыто.

Молли вскинула брови.

— Правда? Это же прекрасно! Вы меня удивили.

Она на секунду задумалась.

— Кого вы арестовали?

Мой отец вернулся к столику, энергично рассасывая таблетку, которая приносила ему временное облегчение.

— Я не могу обсуждать задержание, — ответил я, избегая её вопроса.

Она и сама скоро прочитает об аресте По в газетах, а у меня не было никакого желания обсуждать с ними это дело.

— Но капитан Малвани нашёл убедительные доказательства, связывающие задержанного с убийствами.

— Так ты не веришь, что они схватили того, кого надо?

В глазах моего отца вспыхнул интерес.

— У меня нет причин быть несогласным, — ответил я.

— Эх, — отец провёл рукой по подбородку. — Только ведь «не быть несогласным» и «быть согласным» — не одно и то же, не так ли?

— Только не там, где находятся неопровержимые доказательства.

Я был не в настроении обсуждать собственные сомнения.

— Тьфу ты! — развеселился отец. — Покажи мне неопровержимые доказательства — и я покажу тебе, как ими можно манипулировать. Даже отпечатками пальцев. Я и сам парочку раз такое проделывал.

— Только на этот раз всё не так просто, — я повернулся к Молли. — Так что вы хотели мне рассказать?

— Думаю, теперь это уже неважно.

Я без всяких угрызений совести поблагодарил Молли за попытку мне помочь и уверил её, что дело закрыто.

Это было не похоже на меня.

В любой другой день я всё равно попросил бы её рассказать, что она знала. Просто чтобы удостовериться, что не оставил непроверенной какую-то ниточку. Но сегодня я был сыт этим делом по горло.

Какое-то время я ещё посидел с ними и неохотно пообещал встретиться с отцом за ужином в пятницу. Затем сел на поезд и поехал в небольшую и не слишком уютную квартиру в Добсоне неподалёку от железнодорожной станции. В квартиру, которую я теперь называл домом.

На цыпочках поднялся по лестнице, чтобы не разбудить спящую на первом этаже домовладелицу, беззвучно открыл дверь и рухнул на выцветший жёлтый диван, оставшийся от предыдущего жильца.

Сегодня вечером он выглядел особенно потёртым и продавленным.

«Госкливое местечко», — подумал я.

На стенах — выцветшие жёлтые обои с такими же выцветшими розами. Шаткое кресло-качалка со сломанной планкой. Только ковёр был красивым, с густым синим ворсом. Его выделила мне сама владелица квартиры, чтобы не слышать на первом этаже мои шаги.

Я мог позволить себе место и попримачнее, но зачем, если большую часть времени я провожу вне дома? Зачем, если мне будет не с кем наслаждаться уютом новой квартиры?..

Я потянулся к своему коричневому портфелю и вытряхнул содержимое.

Несколько листов бумаги с заметками. Наверно, надо будет отдать их Малвани, чтобы он подшил их к делу.

Помятое яблоко, которое я собирался съесть на обед, но так и не успел.

И когда я уже собирался отбросить в сторону пустой портфель, то заметил торчащий из бокового кармашка смятый, грязный лист бумаги.

Я вытащил его.

Первой мыслью было недовольство, что кто-то засунул что-то в мою сумку в моё отсутствие. Но затем я внимательно вчитался в него и попытался вникнуть в содержимое.

«Детектив Зиль,

я пишу вам в надежде, что смогу снова вас увидеть и что найду в вас сочувствующую душу. Вы кажетесь мне справедливым человеком, который выслушает меня даже тогда, когда все остальные обвиняют во лжи.

Я клянусь вам: я невиновен.

Я никого не убивал. Я не был в «Эриэл Гарденс» и никогда не прикасался к тем иглам. Меня подставили, обманули и ложно обвинили.

В субботу меня остановил мужчина, чтобы спросить дорогу. И когда я склонился над его картой, он прижал к моему носу и рту какую-то ткань, и я потерял сознание. Я не помню ничего вплоть до момента моего ареста.

Я больше не могу так. Я уверен, что умру здесь, если вы не сможете мне помочь.

— Тимоти По».

Выходит, По засунул в портфель этот лист, когда бросился ко мне сегодня утром в участке.

Отчаянный шаг с его стороны.

Было ли содержание письма правдой? Я не был уверен. Но просматривая письмо снова и снова, я понимал, что не могу выбросить его и проигнорировать написанное.

Мои инстинкты говорили мне, что Тимоти По невиновен в этих убийствах. Он был хорошим актёром и смог меня обмануть, скрыв некоторые подробности личной жизни. И тем не менее, я не мог представить, чтобы Тимоти По угощал жертв ужином и вином, покупал им платья, обещал сделать звёздами, а потом хладнокровно убивал, как делал это настоящий преступник. А несвязные, беспорядочные мысли По, отражённые в лежащем передо мной письме, как раз и могли оказаться правдой.

Я знал, что Алистер со мной согласится. Он тоже считал, что По не подходит под профиль убийцы.

В письме было именно то, что мне нужно, чтобы избавиться от разочарования и начать действовать. Чтобы спасти это дело.

После нескольких телефонных звонков мы с Алистером договорились завтра утром встретиться перед офисом доктора Вольмана в Нью-Йоркском Университете. Фотографии стихотворения с тела последней жертвы до сих пор находились у меня, и я согласился обработать их и принести завтра, чтобы знакомый Алистера — эксперт по почерку — смог их исследовать.

Я не стал звонить Малвани: он бы всё равно посчитал письмо По поступком отчаявшегося виновного человека и не стал бы принимать его во внимание.

Мы остались сами по себе.

Может, лучше бросить это дело и совать в него свой нос? Может быть.

Но, несмотря на все доказательства обратного, я верил в то, что написал По.

В худшем случае, я просто потеряю несколько дней, поведясь на отвлекающий манёвр.

Это я переживу. К тому же, я ещё не был официально возвращён на службу в полицию Добсона.

А если Малвани действительно посадил за решётку невиновного, то я должен разобраться в этом деле хотя бы ради очередной, пока ещё неизвестной актрисы, которая, возможно, скоро сыграет свою последнюю роль.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*«Положение наше стало иным,
и то, что прежде было для нас правильным,
сегодня невозможно».*

Джордж Элиот, «Мельница на Флоссе».

*Вторник
20 марта 1906 года*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Кофейня «Дорри».

После ночи безжалостной бессонницы я проснулся с жуткой головной болью.

Первые лучи солнца, чашечка кофе и таблетка «Бромо-зельцера» помогли мне почувствовать себя чуть лучше.

Мне было определённно неприятно работать за спиной Малвани над делом, которое тот уже считал закрытым. Мы были друзьями и коллегами столько лет, и сейчас мне казалось, что я предаю его доверие. С другой стороны, он и сам, похоже, доверял мне теперь не так, как раньше.

И чтобы полностью покончить с угрызениями совести, я решил сперва разобраться с одним несоответствием, которое продолжало меня раздражать. А именно — с утверждением Тимоти По, что он никогда не был в «Эриэл Гарденс» и не касался инъекционных игл вроде тех, что были найдены в его квартире на Макдугал-стрит.

У Малвани на руках были самые прочные из возможных доказательств, опровергающие это заявление — отпечатки Тимоти По.

Прошлым вечером мой отец проговорился, что отпечатки можно легко подделать, и сегодня я решил узнать, каким образом.

Портье в отеле, где остановился мой отец, сказал, что я смогу найти его в небольшом кафе «Дорри» на Гринвич-Авеню неподалёку от отеля. Это было непримечательное место с четырьмя столиками и обслуживающей их сварливой матроной.

Отец с удивлением взглянул на меня, когда я вошёл в кофейню.

Я заметил тёмные круги под глазами и прорезавшие лоб глубокие морщины. Похоже, он тоже не спал этой ночью.

Отец закашлялся в платок.

— Саймон? Что ты здесь делаешь? Я не ожидал увидеть тебя до пятницы...

Он отодвинул в сторону тарелку с полусгоревшим тостом с маслом. Отец мало ел, и

было сложно сказать, в чём причина: в несъедобности этого тоста или в том, что туберкулёз сказался на его аппетите.

Я сел на стул напротив него, бросив быстрый взгляд на пустую чашку кофе и крошки на второй тарелке.

— Ты только что разминулся с Молли, — пояснил отец.

Я отодвинул в сторону пустую чашку.

— У меня есть вопросы, и я прошу тебя о помощи, — произнёс я. — Прошлым вечером ты сказал, что отпечатки можно подделать. Ты говорил так уверенно, словно и сам это проделывал. Мне нужно знать, каким образом.

Он широко улыбнулся, обнажив ровные зубы, которые были уже не такими белыми и ровными, какими я их помнил.

И постучал себя по голове.

— Человек с определённым уровнем знаний способен на многое, если ему приходится постоянно переезжать.

Я кивнул, но промолчал. Большого поощрения он пока не заслужил.

— В давние деньки, когда мне нужны были деньги, я шёл за работой к Майку Занозе...

— Давай без подробностей.

Я перебил отца с лёгкой предостерегающей улыбкой.

— Ах, ну да... Конечно, конечно.

Он снова закашлялся, но я не заметил прожилок крови на платке.

Я молчал, пока отец не откашлялся, а миссис Дорри не налила мне чашку кофе. Напиток был не таким крепким, как я предпочитал, но выбирать не приходилось.

Я залпом осушил полчашки и поставил её слева от себя на единственный крохотный незапятнанный участок скатерти.

Отец положил платок в карман и выпрямился на стуле, пытаясь сесть поудобнее. Затем наклонился ко мне.

— Несколько лет назад мне было поручено одно задание. Скажем так: я должен был сделать так, чтобы отпечатки одного человека появились там, где он никогда не был. И департамент полиции безоговорочно на это купился, хотя в первую очередь обмануть мне нужно было не их.

Он замолчал, окинул кафе взглядом и продолжил:

— Личные счёты определённых людей, понимаешь? — заговорщицки прошептал он.

Я изо всех сил старался не застонать вслух.

Мой отец был мошенником и побеждал хитростью и обманом, а не насилием. Но ещё он часто преднамеренно закрывал глаза на истинную суть вещей. Он всегда отчаянно нуждался в деньгах, поэтому не обращал внимания ни на репутацию заказчика, ни на неизбежные последствия своих «заданий».

— Расскажи, как всё это проворачивается, шаг за шагом.

У отца загорелись глаза.

— Хочешь сказать, что работа детективом тебя этому не научила?

— Каким образом? — я пожал плечами. — Пока отпечатки не получают более весомое значение в суде, нет смысла разбираться, как их можно изменить или подделать.

— Не скажи. Они и сейчас имеют важное значение. На самом деле, я научился этой уловке у своего приятеля, который отсидел срок в Синг-Синг¹⁰. Время за решёткой не заставило его отойти от дел, а вот отпечатки заставили. По крайней мере, на время. Пока его

пальчики находились в государственной базе, ему приходилось быть осторожным. Но когда он освоил искусство подделки, то смог вернуться к старым денькам.

Я допил кофе и заказал ещё чашечку.

— Ты собирался рассказать, — напомнил я, — как именно подделать отпечатки.

— Эх, сынок, — он скрестил руки на груди. — Ты читаешь детективы? Знаешь рассказ Артура Конан Дойля «Подрядчик из Норвуда»?

— Честно, я удивлён, что его знаешь ты, — сухо ответил я.

Мой отец не был образованным человеком и заядлым читателем. Его деятельный ум был расположен к другому.

— Ну, меня он заинтересовал не из-за литературных достоинств, — заметил отец, снова закашлявшись. — Видишь ли, в рассказе речь идёт о том, как один человек, запечатывая корреспонденцию, прижал к восковой печати свой большой палец. А преступник снял с этого воска отпечаток, смочил его своей кровью и оставил след на стене рядом с местом преступления.

— Но это же рассказ. Выдумка.

— Думаешь? — вскинул брови отец. — Будь уверен, этот способ уже опробован.

— То есть, если получить исходную форму, можно подделать отпечаток? — скептически произнёс я.

— Эх, — отец коснулся пальцем нижней губы, — это слишком сложный способ. Но он вдохновил многих из нас на поиск альтернативных, более успешных способов...

— Например?

— Можно перенести отпечаток напрямую, без, так сказать, «литейной формы». Всё, что надо, это подходящая поверхность для фиксации исходного отпечатка — например, стакан или чашка, — кивнул он на пустой стакан из-под воды, — и маленькая восковая свеча.

— Продолжай.

Я видел и чувствовал, что он действительно разбирается в том, о чём рассказывает.

— В общем, берёшь поверхность для фиксации, натёртую воском, и то, что потом «соберёт» полученный отпечаток. Изображение получится перевёрнутое, но это ничего. Потому что когда ты его приложишь к поверхности, на которой он должен будет появиться, он снова перевернётся, и всё получится прекрасно. Конечно, — с гордостью улыбнулся он, — лишь немногие могут сделать это правильно. Это очень сложное искусство.

— Но ведь полиция всё равно не сможет использовать его в суде...

— Но такое свидетельство может вызвать подозрение, так? Для этого меня тогда и наняли. Не для предоставления решающего доказательства, а для создания подозрения. Это очень сильная эмоция, сынок. Подозрение... Стоит кого-то в чём-то заподозрить, и рациональные доводы просто вылетают из головы...

Я снова прервал его, поблагодарил за потраченное время и пообещал прийти в пятницу.

— Да. Ещё кое-то.

Я уже почти дошёл до двери, но вспомнил и вернулся.

— Молли Хансен хотела мне вчера что-то рассказать. О чём шла речь?

Отец наморщил лоб.

— Нужно спросить у неё. Она мне не рассказывала.

— И ты даже понятия не имеешь, почему она решила, что её информация связана с моим делом? — уточнил я, раздосадованный тем, что он не знает большего.

Отец пожал плечами.

— Это меня не касалось. Она не рассказывала, а я не спрашивал. Но если хочешь её найти, она живёт у мадам Пинош к югу от Вашингтон-Сквер-парк. Она будет там до трёх часов.

Я снова в мыслях проклял своё вчерашнее дурное настроение, из-за которого проигнорировал то, чем Молли Хансен хотела со мной поделиться.

— Вы с Молли давно знакомы? — спросил я, делая вид, что его ответ мне не так уж и важен.

Отец пожал плечами.

— Месяца два. Может, три.

— Ты даже не можешь сказать?

Как бы ни было мне неприятно это признавать, но, похоже, болезнь отца не повлияла на его привычный образ жизни.

— Значит, ничего серьёзного, — неловко закончил я мысль.

Отец печально улыбнулся мне.

— Ты же меня знаешь, сынок. У меня никогда ничего не было серьёзно.

Он обхватил чашку с кофе длинными, хрупкими пальцами.

— Она сама ко мне подошла и решила, что я, несмотря на мою болезнь, могу доставить ей радость в жизни. И если она готова скрасить мои последние деньки... Что ж... Почему нет?

Действительно, почему нет?

Я подумал о матери, лежащей в холодной земле.

Наверно, он был прав. Теперь это не имело никакого значения.

Я вышел и прошёл несколько кварталов на восток к зданию Нью-Йоркского Университета, где мы с Алистером должны были встретиться с экспертом по почерку доктором Вольманом.

Всю дорогу я размышлял над словами моего отца о подозрениях.

Да, он был абсолютно прав. В деле По самую главную роль играла не правда и не то, что случилось на самом деле.

Важнее всего были эти жуткие, отвратительные, надоедливые подозрения в отношении По, которые стали несокрушимы и теперь угрожали его судьбе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Гринвич-Виллидж.

Этим утром парк на Вашингтон-Сквер гудел, как и всегда, от толп народа, снующего между газетчиками и лоточниками, сражавшимися за лучшее место для своего товара.

— Серийный убийца пойман прошлой ночью в одном из наркопритонов! — кричал один из газетчиков. — Читайте в новом номере «Таймс!»

Ответный крик донесся от владельца лотка:

— Горячие сосиски в тесте! Подходите и покупайте, пока не остыли!

Я шёл вдоль северной стороны парка, тяжело дыша из-за висевшего в воздухе дыма после вчерашнего страшного пожара.

Горело похоронное бюро Бенедикта, больше известное как «Вест-сайдский морг». Он находился южнее, в итальянской части Гринвич-виллидж. Но пожар был огромен, и в нём погибли четверо пожарных.

Его запах будет ещё долго витать в воздухе, как напоминание о произошедшей трагедии.

Этот запах смерти лишь усилился, когда я проходил мимо Древа Висельника. Ходили слухи, что оно было местом казни на протяжении долгих столетий.

Я ускорил шаг и замедлил его, только подойдя к мраморной Арке Вашингтона, под которой проходила Пятая авеню. Потом повернул налево возле величественного дома из красного кирпича в стиле греческого Возрождения. Его жильцы, принадлежащие к самой состоятельной прослойке города, давно переехали в более презентабельный район в центре города.

Офис доктора Вольмана находился в последнем здании на краю университетского городка.

Он открыл почти моментально, стоило мне постучать в дверь, и я пришел к мысли, что и он, и все остальные с нетерпением ждали меня, несмотря на то, что я прибыл вовремя.

— Профессор социологии? — спросил я, заметив латунную табличку на двери. — Но это не корпус университета.

Я знал, что здание Нью-Йоркского университета по большей части переехало в центр города в кампус в Бронксе, а здесь остались несколько классных комнат в полуразрушенных зданиях, граничащих с восточной частью парка.

И те задания не имели ничего общего с роскошным домом, в который я только что вошел.

Доктор Вольман издал нечто среднее между смешком и кашлем.

— Кафедра социология остаётся моим основным местом работы, — ответил он, улыбнувшись, — по крайней мере, пока они не создадут факультет криминалистики. И осмелюсь предположить, что произойдет это не раньше, чем я окажусь в могиле. А теперь идёмте, — добавил он. — Все ждут.

Он повел меня по широкому коридору с кремовыми стенами и золотисто-багровыми коврами на полу в дальнюю комнату, опираясь при ходьбе на трость.

По пути он пояснил, что первый этаж своих апартаментов приспособил для учебных целей с согласия университета. Поскольку стареющему профессору было тяжело передвигаться по растянувшемуся на километры университетскому городку, кафедра была размещена в пределах его физических возможностей.

— К тому же, — заметил он, — некоторые занятия продолжают проводиться здесь, в кампусе на Вашингтон-сквер-парк. Для многих наших студентов это оказалось наиболее удобным местом.

Мы вошли в просторную комнату, которую профессор, очевидно, использовал в качестве классной комнаты.

На дальней стене висела доска, а перед ней стоял круглый стол, за которым могли уместиться, по меньшей мере, десяток студентов.

Огромное, во всю стену окно по левую руку открывало потрясающий вид на конюшни нью-йоркского университета.

Возле окна стоял простой стол из орехового дерева, отполированный до блеска. За ним уже сидели Алистер с Изабеллой. Оба сразу же поднялись, чтобы поприветствовать меня, и мы обменялись несколькими ничего не значащими любезностями, прежде чем перейти к делу.

— Итак... Вы хотите, чтобы я взглянул на новые улики и в свете них пересмотрел свои старые заключения.

Доктор Вольман аккуратно опустил на стул и достал шелковый платок, чтобы протереть линзы очков.

— Верно.

Я открыл свой портфель и начал выкладывать на столе фотографии татуировки Эммелин Биллингс, которые вчера вечером проявил для меня фотограф в Добсоне.

— Мы надеялись, что вы сможете что-то из них вынести, — произнёс я, и эксперт по почерку придвинулся ближе к столу.

Он медленно рассматривал каждую фотографию, поднося её к свету и что-то бормоча под нос.

— Осторожней, — попросил я, когда мне показалось, что он обращается с ними гораздо более грубо, чем мне хотелось бы. — Нам ещё нужно вернуть их полиции.

Вообще то, я должен был отдать их Малвани уже давно, но он настолько радовался аресту По, что совершенно забыл про эти улики.

Я сделал восемь фотографий крупным планом, и сейчас мы трое с надеждой смотрели на изучающего их доктора Вольмана.

В конце концов, он печально покачал головой.

— Я не могу вам ничем помочь. Анализ почерка не может интерпретировать то, что было написано иголкой, а не ручкой. Можно попробовать вынести что-то из грамматики, но не из самой манеры написания.

Он отодвинул фотографии в сторону и вздохнул.

— Ну как можно быть таким убудком...

Он покосился на Изабеллу.

— Простите мне это ругательство, мисс, но если Эммелин Биллингс была жива, когда убийца наносил татуировку, девушка пережила истинную пытку.

Он на секунду замолчал.

— А вы знаете, была ли она жива?..

— Не знаем, — покачал я головой. — Пока не знаем.

И чтобы это выяснить, мне необходимо связаться с офисом коронера. Вряд ли Малвани решит сам сообщить мне подробности.

Я проигнорировал ещё один укол вины за то, что мы продолжаем расследование за его спиной.

Алистер легонько барабанил пальцами по столу, чья поверхность была такой же блестящей, как и стол доктора Вольмана. Наконец, он заговорил, тщательно подбирая слова:

— Мужчина, которого мы ищем — а все свидетельства указывают на то, что это действительно мужчина, — имеет самый необычный преступный умысел, с которым я только сталкивался в своей карьере.

— Ты изучил столько жестоких преступников, совершивших ужасные поступки. Я не понимаю, почему ты считаешь этого человека уникальным, — тихо произнесла Изабелла.

— Потому что я уверен, что мы ищем человека, чьё личное обаяние полностью скрывает его склонность к насилию. По словам друзей жертв, по меньшей мере, у двух девушек появился новый кавалер, который заваливал её подарками и всячески ухаживал.

— У многих актрис есть поклонники, — заметил я. — Нет никаких доказательств того, что за девушками увивался один и тот же человек.

— Как и нет доказательств обратного, — парировал Алистер и глубоко вздохнул.

— Кем бы он ни был, ему удалось завоевать доверие своих жертв и убедить их

встретиться в театре в позднее время. Он убивает их только после того, как знакомится и соблазняет. И такое поведение показывает нам две яркие, черты личности этого убийцы: любовь к театральности и жестокость.

— Но его склонность к жестокости не была настолько очевидна до убийства мисс Биллингс, — взволнованно заметила Изабелла. — Первых два убийства были... почти поразительно красивыми.

— Потому что прежде он не отмечал их тела, — задумчиво произнес Алистер, — в отличие от последнего случая.

Эта же мысль посетила меня прежде в мертвецкой.

— Почему же он изменил свое поведение?

Алистер откинулся на спинку стула и переплел пальцы.

— Именно над этим я размышлял с тех пор, как ты мне об этом рассказал. И вот что я понял: в последнем убийстве, в отличие от предыдущих, его безжалостность не была так заметна.

— Но татуировка на её теле должна значить что-то еще! — настаивал я.

Я обращался к Алистеру, но ответила мне Изабелла.

— Возможно, мы сможем понять, зачем он это сделал, если взглянем на то, что он написал.

Я выпрямился на стуле.

— Да, об этом я тоже хотел поговорить.

Я снова разложил на столе фотографии.

«Во тьме безутешной — блистающий праздник...

... И Червь-Победитель — той драмы герой!»

— Я так понимаю, что «блистающий праздник» — это про театр, — произнёс я. — Он упоминал про это в письме в «Таймс».

— Либо это еще один способ упомянуть По, — заметила Изабелла, вскидывая на меня горящие глаза.

— Каким образом? — удивлённо поинтересовался я.

— Эти две строки — выдержка из стихотворения Эдгара Аллана По под названием «Червь-Победитель», — ответила она. — В этом спектакле по сцене бесцельно бегают скоморохи, преследуя Призрака, которого никогда не поймают. В зале «сидят Серафимы и плачут», а в конце пьесы появляется гигантский червь, который съедает всех скоморохов. И на этом занавес опускается.

— Звучит ужасно, — ошеломлённо выдавил я.

Изабелла рассмеялась, и смех её был похож на звон колокольчиков.

— Это и выглядит ужасно. Основная мысль стихотворения в том, что жизнь — нелепый танец, в конце которого нас ожидает отвратительная смерть.

— То есть, буквально — черви, поедающие наше тело в могиле? — спросил Алистер.

— Да, — кивнула она.

— И зачем, во имя всего святого, писать это у девушки на спине? — произнёс я.

Изабелла ответила тихо, но уверенно:

— Думаю, он пытается нам сказать, что мы и есть те Серафимы.

— Почему? — не понял я.

— Потому что наша судьба — наблюдать и плакать. Мы ничего не можем изменить, — тихо ответила она. — И он осквернил её тело. Так, как это сделал бы Червь-Победитель.

На несколько секунд в комнате повисла мрачная тишина.

— Но кто он такой? — воскликнул я, барабанив пальцами по столу. — И почему он выбирает своими жертвами актрис Фромана?

— Он — коварный оболъститель. Вспомните: он убеждает каждую из женщин красиво одеться. Возможно, они даже репетируют это на сцене, после того как все уйдут домой. Он ведь говорил каждой жертве, что «сделает из неё звезду».

Я вспомнил Чарльза Фромана, репетировавшего в отеле «Никербокер» сцену с очередной Джульеттой.

Но решил вернуться к этим мыслям попозже.

— Момент осознания каждой жертвой его истинных намерений был ужасным, жестоким предательством. А удушение само по себе — один из самых болезненных способов убийства. Поэтому даже если он и обставил смерть каждой женщины красиво и умиротворённо, на самом деле она не испытывала ничего, кроме боли и страха.

Я замолчал.

Я был согласен с Алистером: этот убийца — один из самых бесчеловечных за все годы моей работы.

— Подытожим, — произнёс Алистер. — Мы знаем, что имеем дело с необычайно жестоким убийцей. Мы знаем, что этот убийца — не Тимоти По и, возможно, теперь доктор Вольман сможет нам это любезно подтвердить.

— Естественно.

Алистер выложил перед собой копию письма Элизы Даунс, и доктор Вольман надел очки.

Я добавил к нему полученное вчера письмо в «Таймс».

— Я должен поблагодарить репортеров «Таймс», Райли и Богарти, за то, что они раздобыли письмо Даунс, — сказал Алистер с усмешкой. — Они поймали капитана Малвани в хорошем настроении; он согласился одолжить им это письмо для их последних новостей о По, которые попали этим утром на газетные полосы.

Капитан Малвани, похоже, действительно был настроен благодушно, раз отдал репортёрам улики по убийству.

Если, конечно, — а это весьма вероятно, — прокурор не решил выдвинуть По обвинения по убийству Элизы Даунс.

Он не смог заручиться поддержкой семьи Даунс: они были категорически против, чтобы тело Элизы эксгумировали.

А обвинения По в двух убийствах были для прокурора несомненными; и этого окажется более чем достаточно, чтобы приговорить мужчину к казни на электрическом стуле в Синг-Синг.

А смерть мисс Даунс могла разрушить всё дело.

— Ещё у меня есть дополнительные образцы для сравнения, — произнёс я.

Я протянул ему записную книжку, где По в первый раз написал свой неправильный адрес, и переданное мне вчера письмо, в котором он утверждает, что невиновен.

Также удалось раздобыть квитанцию, подписанную Чарльзом Фроманом — результат моего бесстыдного подкупа одного из клерков отеля «Никербокер».

К ним Алистер добавил свою собственную находку.

— Ещё один подарок от репортёров «Таймс», — пояснил он, кладя на стол открытку, похожую на те, что прилагаются к букетам в цветочных магазинах. — Вы же знаете: они говорили с друзьями Анни Жермен, второй жертвы. И одна из её подруг нашла в вещах девушки эту записку.

Мы прочитали четыре слова, написанные неаккуратным почерком:

«За кулисами в одиннадцать?»

— Значит, вы хотите, чтобы я сравнил эти образцы, нашёл определённые закономерности и установил, писал ли их один и тот же человек? Прекрасно!

Доктор Вольман надел белые хлопчатобумажные перчатки.

Сначала я подумал, что он сделал так по привычке, ведь каждое послание было завернуто в защитный пакет. Но затем доктор Вольман достал листки бумаги, один за другим, из полиэтилена, подошёл к огромному, полутораметровому окну и изучил каждое письмо на свет.

Мы почти пятнадцать минут сидели в тишине, пока доктор Вольман не закончил и не вынес вердикт:

— Если Тимоти По — действительно автор вот этого, — он указал на строку с адресом и вчерашнее послание для меня, — то он не может быть тем же человеком, кто написал вот это.

И он поднял со стола письмо, написанное на нежно-голубой бумаге, найденное на месте первого убийства.

— Что вы выяснили? — спросил я, взволнованный тем, что нам сейчас предоставят доказательства того, что я не ошибался в По.

Доктор Вольман улыбнулся уголком губ.

— Я сравнил хвостики в буквах «д» и «у» в письме на голубой бумаге и в образцах почерка По. Они не похожи, совсем не похожи. Тому же, в нашу первую встречу, мы заметили, что голубое письмо начинается с ложного наклона влево, а к концу переходит в наклон вправо. В почерке По отсутствует любой уклон — будь то вправо или влево — даже в том длинном признании, написанном вам. Посмотрите сюда.

Он указал на фразу: *«Клянусь вам, я невиновен»*.

— В состоянии возбуждения он не смог бы завуалировать свой истинный почерк, — продолжил доктор Вольман, — даже если бы очень захотел. И я отчётливо вижу — в каждом слове, в каждом наклоне букв, — что мы имеем дело с двумя разными авторами писем.

Он протянул нам письма, продолжая рассказывать о различной силе нажатия пером в двух образцах почерка.

Каким же облегчением было услышать от доктора Вольмана то, в чём мы интуитивно были уверены!

Даже если эти доказательства не могут быть приняты во внимание судом, они стали серьёзным подспорьем в нашей собственной теории.

— А что по поводу открытки и подписи Фромана? — поинтересовался я.

— Неубедительно, — без колебаний ответил он.

— Вы предоставили мне два слова в одном образце, — он указал на подпись Фромана, — и четыре — в другом, — кивнул он на открытку. — Мне просто не хватает материала для оценки петель, высоты букв и силы нажатия пера.

Таким образом, мы исключили одного подозреваемого — Тимоти По. Но не можем сузить круг среди остальных.

Я отчаянно нуждался в большем.

— В нашу первую встречу вы сказали, что по округлости букв и движениям пера вы можете судить о том, что убийца — человек средних лет, — произнёс я в надежде, что мы сможем отсеять кого-то из подозреваемых по возрастному диапазону.

Чарльзу Фроману около пятидесяти, Льву Айзману — лет сорок пять, а таинственному поклоннику, увивавшемуся за всеми актрисами — от двадцати пяти до сорока, по описаниям разных свидетелей.

— Вы можете сказать точнее? — спросил я доктора Вольмана. — Существуют ли какие-то характеристики, на основании которых вы можете определить возраст?

Доктор Вольман обвёл нас взглядом, чуть дольше задержавшись на мне. Нам показалось, что он, в некоторой степени, оскорблён вопросом. Затем медленно и с видимым усилием поднялся, опираясь на трость. Кашлянул и заговорил, тщательно подбирая слова:

— Когда мы впервые встретились, я вам ясно дал понять, что я — не графолог. Другими словами, воздерживаюсь от рассуждений о личностных чертах тех, чьи почерки изучаю. Я, если хотите, — он вновь закашлялся и постучал себя по груди, — работаю с научно-обоснованными паттернами, которые можно использовать в случаях судебного опознания.

Он заметил озадаченный взгляд Изабеллы.

— Это значит, что моё дело — сказать суду, является документ подделкой или нет.

Он обогнул стол и медленно подошёл к висящей на стене доске.

— Но когда прошлым вечером мне позвонил Алистер и рассказал обо всей серьёзности вашего дела... и когда я увидел свидетельства того зла, которое несёт убийца, — он кивнул на фотографии татуировки на теле мисс Биллингс, — то осознал, что, несмотря на мои опасения, я обязан помочь вам всем, чем смогу.

— Ты никогда не говорил мне, что практикуешь графологию, — Алистер взглянул на своего знакомого в новом свете.

Доктор Вольман повесил трость на спинку стула.

— Я стараюсь не афишировать умения, которыми предпочитаю не пользоваться. А теперь взгляните сюда. Хотите знать, с каким человеком имеете дело? Позвольте вам показать.

Я прекрасно помнил, как при нашем первом знакомстве доктор Вольман сказал, что в графологии полно шарлатанов.

Очевидно, себя он таковым не считал, но я, несмотря на всю свою заинтересованность в этом деле, не мог избавиться от скепсиса.

Доктор Вольман улыбнулся, словно понимая моё недоверие, и взял кусочек мела.

— Да, графология — наука непростая. Но, как и любая сфера науки, она имеет своих специалистов и приверженцев. На самом деле, графология — одна из самых старейших отраслей науки, китайцы изобрели её ещё тысячу лет назад. На сегодняшний день лучшие графологи пользуются так называемым «правилом трёх», разработанным французами. Это означает, — пояснил он, — что верная интерпретация почерка человека возможна лишь при выполнении всех трёх пунктов. Один пункт ничего не значит.

— Значит, вы доверяете информации, которую можно извлечь подобным образом? — скептически произнёс я.

— Если она выполнена верно — да. Я поясню. Когда мы были детьми, каждый из нас

ходил в школу и обучался письму по определённым методикам. У нас, в Америке, и в Нью-Йорке в частности, наиболее распространён метод Палмера, который основывается на повторении. Но, несмотря на то, что все мы обучались по методу Палмера, всем прививались одинаковые привычки, у каждого из нас в итоге оказался разный почерк. И ни у одного из нас почерк не остался таким же, как в детстве.

Мы все кивнули, соглашаясь.

Конечно, мой почерк мало походил на то, чему меня учили в начальной школе.

Он прочистил горло.

— Графологи считают, что личность человека выражается в почерке по мере того, как он или она растут, поэтому-то почерк и меняется со временем. А это означает, что мы можем читать почерка так же ясно, как выражения лиц и эмоции человека. И мы знаем, что означает та или иная петля, как знаем и то, что женские слёзы всегда означают печаль, а детский смех — неподдельную радость.

— То есть, если я правильно тебя понял, — подытожил Алистер, — графология утверждает, что наши эмоции в определённый момент времени в совокупности с нашими личностными чертами выражаются в почерке.

— Да, — твёрдо ответил эксперт. — Графологи изучают те же маркёры, что и я — размер букв, расстояние между ними, наклон слов, сила нажатия, подъёмы — но при этом дают более развёрнутое объяснение, нежели мы.

Доктор Вольман написал на доске слово сначала с наклоном влево, затем — вправо.

— Письма убийцы всегда начинаются с наклона влево в попытке скрыть свой истинный почерк. Но к концу письма он не может ничего с собой поделать и возвращается к исконному написанию — наклон вправо и более сильное давление на перо. Я определил здесь все три пункта — следуя «правилу трёх», о котором только что упоминал, — которые говорят мне, что вы ищите человека необычайно импульсивного или энергичного.

Он попросил нас всмотреться в письмо на голубой бумаге.

— В целом, его почерк можно назвать лёгким. В этом случае очень удачно подходит предложенное детективом Зилем слово «убористый». Но, несмотря на это лёгкое написание, я вижу характеристики, которые говорят мне о его агрессивности. Посмотрите на то, как он выводит «у», «д» и «з». В нижней части петель он сильно нажимает на перо. Вы также можете заметить, что все овалы его букв «закрываются», не имеют разрывов — он человек замкнутый, хранящий секреты глубоко в себе.

Доктор Вольман бросил взгляд на меня.

— И ещё мы видим признаки агрессивности.

— Он уже убил трёх девушек и вот-вот убьёт четвертую, — произнёс я, размышляя над закрытым характером Чарльза Фромана. — Не думаю, что нам нужно заметить его «сильный нажим на перо», что сказать, что убийца — жесток и агрессивен.

— Нет? Тогда, возможно, то, что я скажу дальше, поможет вам чуточку больше, — добавил доктор Вольман, несколько не сбитый с толку моим скептицизмом. — Заметили, как он не соединяет буквы от слова к слову, из предложения в предложение? Это свидетельствует о том, что убийца — человек с различными, противостоящими чертами личности. Для одних он может быть преданным другом, для других — коварным и вероломным соперником.

— Выходит, другими словами, разрывы в его написании означают его расщеплённую жизнь?

— Именно, — взволнованно кивнул эксперт по почерку. — Но он имеет практичный ум; я вижу это в коротких хвостиках вверх в букве «б». В отличие от тебя, Алистер, — доктор Вольман издал сухой смешок. — Твои длинные хвосты в «б» говорят о твоём желании достичь интеллектуальных высот.

Профессор обессилено опустился в ближайшее кресло.

— И ещё кое-что. Этот человек осторожен, если судить по широким промежуткам между словами, а так же по тому, что он выбирает слова из небольшого количества букв. Он умеет держать дистанцию. Вам не удастся поймать его легко. Он не сдастся без боя.

— Не думаю, что мы узнали что-то, что поможет нам определить убийцу, — скептически заметил я. — Черты характера, которые вы описали, не смогут даже сузить нам круг подозреваемых...

Я разочарованно умолк, встал со стула и принялся ходить по комнате.

Спустя несколько мгновений я вернулся к столу и обратился ко всем трим:

— Нам нужно сконцентрироваться на одном важном вопросе. Думаю, мы с вами вполне можем сказать, что Тимоти По — не наш убийца; следовательно, наш преступник его подставил. Но зачем? И что более важно: у кого была для этого возможность?

— Так. К кому вы подобрались слишком близко, не считая По? — сосредоточенно поинтересовался Алистер.

— К Чарльзу Фроману.

Я рассказал присутствующим, что мы с Изабеллой узнали прошлым вечером во время разговора с Фроманом.

И не забыл про то, что беспокоило меня больше всего: все жертвы работали на его синдикат, все они должны были соответствовать его высоким требованиям, но ни одна — по его собственному же признанию — не достигла необходимого.

— Единственное, что меня смущает, это то, что у Фромана могло не быть возможности подставить По, — признался я.

— Ты же сам упоминал о его связях. Похоже, у него есть союзники и приспешники везде, — ответил Алистер, приподняв брови.

— Согласен. А ещё я говорил, что Лев Айзман тоже заслуживает пристального внимания. Он знает о театре не меньше, чем Фроман, и я был свидетелем его взрывного характера. Но обладает ли он достаточными знаниями и навыками, чтобы подделать отпечатки пальцев, как это сделал человек, повесивший вину на По?

Я рассказал то, что узнал от своего отца о применении свечного воска для создания отпечатков. Для этого требовались серьёзные умения.

Допустим, По какое-то время находился без сознания. Тогда оставить его отпечатки на инъекционных иглах — проще простого. Но перенести отпечаток его большого пальца на кнопку лифта в «Эриэл Гарденс»? Для этого нужен талант, каким обладают лишь люди вроде моего отца.

— Если Фроман, по твоим словам, связан со всей политической верхушкой этого города, — хмуро заявил Алистер, — тогда он или его сотрудники могут знать, как получить нужную им помощь.

Этого можно было и не говорить.

Такие люди, как Фроман, всегда знали, как найти человека, обладающего нужными навыками, и как его нанять.

— И не стоит забывать о нашем «джокере», — добавил я, — о человеке, который

ухаживал за всеми тремя девушками перед их убийством. Его каждый раз описывали по-разному, и мы до сих пор понятия не имеем, как он выглядит, несмотря на все усилия и допросы.

— Могли ли Фроман или Айзман повернуть подобное так, чтобы их не узнали? — поинтересовался Алистер.

— Если человек, подобный Фроману, хочет встретиться с актрисой, — размышлял я вслух, — он будет очень осторожен. Он мог заручиться поддержкой нескольких мужчин, что объясняет, почему свидетели описывают человека, приносившего цветы и записки, с такими различиями.

— То же можно сказать и о Айзмানে, — заговорила Изабелла.

— Или убийцей может быть наш тайный воздыхатель, поджидавший актрис после спектаклей, — заметил я.

— Меня больше волнует другой вопрос: почему? — Алистер продолжил мою мысль. — Кто бы то ни был — Фроман, Айзман или неизвестный поклонник, охмуравший каждую из актрис, — должна быть причина. И если мы её поймём, то сможем выманить убийцу.

— Тогда, — серьёзно кивнул я, — нам нужно тщательнее поразмыслить над его мотивом.

— И что ты думаешь? — повернулся ко мне Алистер.

— Возможно, убийца уже достиг задуманной цели, какой бы она ни была, и теперь просто планирует сделать из По козла отпущения.

— Возможно, — неуверенно произнёс Алистер.

— Но ты сомневаешься, — кивнул я, — и я с тобой согласен. Дело в том, что если он закончил задуманное, но он ничего не достиг. Да, он убил трёх актрис в чрезвычайно театральной манере. Но чего он этим добился для себя?

— Может, истинной целью была лишь одна из девушек, а остальных он убил, чтобы сбить нас с толку? — предположила Изабелла.

Глаза Алистера блеснули.

— Отличная идея! В ней есть смысл, хотя нет никаких указаний, на кого именно из девушек он нацелился изначально.

— А все три актрисы настолько похожи, что могут быть, теоретически, взаимозаменяемы, — добавил я.

Чтобы не сбиться с мысли, я начал писать на доске возможные причины и мотивы. Остальные наблюдали за мной из-за стола.

В центре я указал Чарльза Фромана, но внизу приписал: «чего он достиг, убив трёх своих актрис?»

— На самом деле, их смерти дали результат, обратное противоположный желаниям Фромана. Сейчас, по крайней мере, один из его театров закрыт, — сказала Изабелла.

— Ты права. Но Фроман владеет множеством театров, а его карманы достаточно полны, чтобы пережить закрытие одного из них, — ответил Алистер.

— Зато про него теперь пишут во всех газетах, — вновь предложила вариант Изабелла.

Доктор Вольман согласно хмыкнул.

— Особенно сейчас, когда По заперт в «Гробнице» и жители могут спать спокойно, в его театр хлынет волна посетителей. Но я не думаю, что ради подобной популярности можно убить.

Алистер покачал головой.

— Именно. Исходя из того, что ты, Зиль, рассказал мне о Фромане, я считаю, что он способен добиться славы и другими, более легальными методами.

— Лев Айзман. Темпераментный. К тому же, обладает необходимыми знаниями, — добавила Изабелла. — Мы просто пока ещё многого о нём не знаем.

— А если это закулисный поклонник, — заметил я, — то у него должен быть доступ к По.

Я сделал шаг назад и окинул взглядом доску.

Главное, ничего не упустить.

Фактически, любой человек, работающий в отделе Малвани, и любой, связанный с театром, могли знать о По.

Чего-то не хватает.

— Есть ещё одна вероятность, — произнёс Алистер и довольно улыбнулся. — Я называю её «отвлечением».

Он откинулся на спинку стула и скрестил руки за головой.

— Он хочет сбить нас с толку, и тем самым выгадать себе дополнительное время.

Я смотрел на Алистера и чувствовал раздражение от его самодовольного вида.

— Отвлечение? — переспросил я.

Изабелла рассмеялась.

— Перестань быть таким загадочным, Алистер, и скажи уже нам, что ты имеешь в виду.

— Если преступник ещё не закончил с убийствами — а я уверен, что это так, — тогда нам стоит спросить себя: зачем обвинять По? Со следующей смертью любые обвинения будут с него сняты, и всем станет очевидно, что По невиновен. У него появится идеальное алиби, как ни странно, благодаря тому, что он сидел взаперти в «Гробнице». Тогда к чему всё это?

Он обвёл присутствующих взглядом.

Мы ждали объяснений, затаив дыхание.

— Убийца, — продолжил Алистер, — который с каждым новым убийством поднимал ставки, что-то замышляет; он не собирается уходить тихо. Уверен, что у него на уме нечто грандиозное. Его собственный «блистательный праздник». Вопрос лишь в одном: какой?

— Это должно произойти на спектакле, — произнёс я оживлённо. Наконец-то, мы сдвинулись с мёртвой точки! — Все предыдущие убийства случились в театре. У нас может появиться шанс поймать его, если мы усилим охрану в каждом из театров города.

— Возможно, — мягко заметил Алистер, — но я уверен, что наш убийца слишком умён, чтобы попасться на крючок. К тому же, я считаю, что он связан с театром и не привлекает там внимание.

— Но нам чрезвычайно важно выяснить его личность и поймать, прежде чем он убьёт вновь.

— Конечно, — согласился Алистер. — Но мне кажется, что искать его среди работников Фромана, или среди соседей По, или даже среди служащих Малвани — учитывая его высокую социальную адаптацию — всё равно, что искать пресловутую иголку в стоге сена.

— И, тем не менее, если мы взглянем на поведенческие паттерны преступника, мы сможем заставить его проявить себя. Да, мы не знаем, кто он. Но мы точно знаем, как он ведёт себя во время убийства.

Алистер замолчал и перевёл дыхание.

— Сначала, мы должны подумать, каким может быть его следующий шаг. Мы должны выяснить, не открываются ли в ближайшие несколько недель спектакли...

Изабелла резко выпрямилась в кресле и прервала его:

— «Ромео и Джульетта». Это будет «Ромео и Джульетта».

Мне понабило несколько секунд, чтобы понять, что она имеет в виду, но потом всё встало на свои места.

— Ну конечно! Когда мы с Изабеллой встречались с Фроманом, — взволнованно начал я, — он репетировал роль Джульетты с одной из актрис. Бьюсь об заклад, премьера спектакля состоится в ближайшие пару недель.

Алистер наклонился к своему портфелю и вытащил газету. Ему понадобилось несколько минут, чтобы просмотреть раздел театров.

— За следующие две-три недели пройдут несколько спектаклей: второго апреля — «Во всём виноват ты» в «Савойе», девятого — мюзикл Шуберта «Вихрь светских развлечений» в «Казино», шестнадцатого — «Оружие и человек» в «Лирик» и «Американский Лорд» в «Хадсон», а в этот четверг — «Ромео и Джульетта» в «Лицеуме».

— И сколько из них — постановки Фромана?

— Только две. «Американский Лорд» и «Ромео и Джульетта».

— Мы не станем сбрасывать со счетов остальные пьесы, но исходя из трёх предыдущих убийств, думаю, нам стоит сосредоточиться на премьерах Фромана.

Алистер задумчиво свернул газету. А затем, наконец, согласился.

Я повернулся к Изабелле.

— У нас есть копии каждого письма, написанного убийцей. Не посмотрите ли на них ещё раз? Может, мы что-то упускаем.

— Что именно мне следует искать? — спросила она, и её карие глаза наполнились беспокойством.

— Если честно, понятия не имею, — улыбнулся я. — Но я не сомневаюсь, что если там что-то есть, вы это сразу узнаете.

Я ещё раз взглянул на доску.

— Алистер, ты сможешь выяснить подробности по каждому спектаклю Фромана? Не будет лишним узнать имена задействованных в них людей, особенно актрис. И поспрашивай, может, кто-нибудь видел посторонних возле театра после репетиций.

— Конечно, — ответил Алистер. — Но, как я уже сказал, я полностью уверен, что убийца принадлежит к театральной среде.

Он поймал мой взгляд и поспешно добавил:

— Но я поспрашиваю, конечно.

— А я должен пойти по следу, который проигнорировал вчера.

Мы продумали план действий — и неплохой, как мне показалось.

Потом поблагодарили доктора Вольмана за помощь, договорились с Алистером встретиться сегодня вечером у него и разошлись каждый по своим делам.

Изабелла тотчас поймала извозчика до центра, а мы с Алистером пошли пешком через парк, направляясь на юго-запад.

— Нам предстоит многое сделать, готовясь к спектаклю в четверг, — говорил Алистер, — и я считаю, нам нужно начать с...

Но я практически не слушал его. Я хотел насладиться этим моментом.

Мы всё ещё понятия не имели, кого ищем.

Но мы добились значительных успехов: вполне вероятно, что мы смогли вычислить следующий шаг преступника.

Вскоре мы с Алистером разделились. Он направился в Вест-сайд, откуда должен был на поезде добраться до театрального района.

А я продолжил шагать на юг. Спустя несколько минут миновал уличного музыканта: он собрал немалую толпу, играя на саксофоне мелодию из недавнего мюзикла Джорджа М. Коэна.

Впервые с начала расследования я чувствовал, что мы на шаг впереди убийцы, а не наоборот.

И я наслаждался этим чувством всю дорогу до пансиона, где жила Молли Хансен, чью информацию я так глупо проигнорировал прошлым вечером.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Пансион мадам Пинош.

Когда я проходил мимо парка на Вашингтон-Сквер, меня одолел голод, поэтому я решил, что вполне могу потратить пять минут на завтрак.

Я купил булочку с сосиской в фургоне на углу, яблоко у продавца фруктов и сегодняшний экземпляр «Таймс» у газетчика.

Перейдя дорогу, заметил не занятую никем скамейку, и устроился на ней; открыл газету в поисках статьи об убийствах в театрах, которую, без сомнений, Фрэнк Райли и Джек Богарти уже выпустили.

Просмотрел первую страницу: две статьи о пожарах в «Бюро Бенедикта» и на одной из станций метро, и ещё одна — про отца, который убил свою дочь накануне дня её свадьбы.

А затем я нашёл то, что искал:

«ХИЩНЫЙ УБИЙЦА, ВЫСЛЕЖИВАВШИЙ АКТРИС «ВЕЛИКОГО БЕЛОГО ПУ' ЗАДЕРЖАН В ОПИУМНОМ ПРИТОНЕ».

Статья, написанная гораздо более эмоциональным языком, чем это было присуще «Таймс» ранее, безмерно восхваляла Алистера. Если верить репортёрам, то только криминологические теории мистера Синклера, и ни что другое, послужили причиной своевременного ареста опасного преступника.

Да уж, Малвани будет рвать и метать, если увидит эту статью.

И, похоже, Алистер подружился с репортёрами, раз они написали о нём в подобном ключе.

Я был удивлён, что он смог настолько хорошо наладить с ними контакт.

Но каким образом они планируют опровергать собственную статью, когда будет доказана невиновность По? А я был уверен, что случится это со дня на день.

Их напыщенные похвалы заставили меня заподозрить, что Алистер оказался у них в долгу. И когда дело дойдёт до конфликта интересов, мне придётся осторожно выбирать сторону.

Я быстро доел завтрак, вышел из парка, пересёк Вашингтон-Сквер и очутился в квартале, где в пансионах и отелях жили актёры, музыканты и художники.

Отец сказал, что я смогу найти Молли в трёхэтажном здании из красного кирпича, которым владеет мадам Пинош.

Актёры и актрисы, писатели и художники — все они ещё были дома в такой ранний для них час и собрались в гостиной на первом этаже. Меня же провели в уединённую комнату и пообещали, что мисс Хансен скоро спустится.

Молли не удивилась, увидев меня.

— Полагаю, ваше любопытство взяло верх, — произнесла она, широко улыбаясь, и села напротив меня на диван.

Я тоже присел, неловко скрестив ноги и пытаясь всунуть их между диваном и низким кофейным столиком.

Очевидно, эта комната предназначалась для свиданий — диваны были расставлены друг напротив друга, но при этом между ними сохранялось достаточное для соблюдения приличий расстояние. И мебель здесь была предусмотрена для мужчин, ниже меня ростом.

Молли искоса посмотрела на меня.

— Прошлым вечером вы заявили, что дело закрыто, и не нуждаетесь в моей информации. Не расскажете, что изменилось?

— Скажем так: вчера у меня был тяжёлый день. Я ведь имею право передумать?

— Говорят, это прерогатива женщин. — Она снова улыбнулась, глядя на меня. — Но я не против.

Я попытался выпрямить затёкшие ноги.

— Вы сказали, что располагаете информацией, относящейся к моему делу. Это по поводу одной из последних жертв?

— Нет, — покачала она головой. — Помните, прошлым вечером я рассказала вам, что Анни встретила нового мужчину? Того, кто, по её мнению, готов был сделать из неё звезду?

Она перевела дыхание.

— В общем, мне кажется, что этот же человек последнее время появляется у чёрного выхода. Он уделяет много внимания и мне, и всем остальным актрисам.

Я не перебивал, давая ей закончить рассказ.

— Конечно, я не могу с уверенностью сказать, является ли он тем же человеком, с которым встречалась Анни.

Мисс Даунс и мисс Биллингс тоже «уделяли много внимания»...

Но Молли об этом не могла знать.

Я сохранял невозмутимое выражение лица.

— Может, всё дело в том, что я знаю, что произошло с Анни, — продолжала Молли, — но этот человек заставляет меня чувствовать себя неуютно.

— Каким образом?

Она замолчала, пытаясь подобрать слова, и я попытался натолкнуть её на мысль.

— Может, он кажется вам слишком знакомым? Или у вас такое чувство, что он знает о вас больше, чем должен?

Она задумалась.

— Это странно, но он выглядит увлечшимся и безразличным одновременно. Он приносит цветы после каждого выступления и мне, и другим девушкам, но при этом я не чувствую, что кто-то из нас ему нравится. Всё так, словно он просто ждёт, какая же из девушек его быстрее поощрит на дальнейшие действия.

— А вы... Вы «поощрили»?

Надеюсь, она хоть на минуту забудет, что я — сын своего отца. Не хотелось бы, чтобы она солгала мне или о чём-то умолчала, ведь мне, по сути, было плевать на их с отцом

отношения. Я знал лишь то, что их желания в этом вопросе совпадали, но отец, как истинный бабник, в любую минуту может обратить свой взор на другую.

Но если она и солгала, то не так, как я ожидал.

— Я могу его поощрить, если хотите.

Она вскинула голову, но затем тотчас отвела взгляд и покраснела, когда поняла, как выглядели её слова со стороны.

— Только если это поможет вашему расследованию, — неуверенно добавила она.

— Моему расследованию поможет любая деталь, о которой вы вспомните, — мягко ответил я, — например, его имя или описание внешности.

Казалось, Молли удивлена такими простыми, в сущности, вопросами.

— Обычный парень: гладко выбритый, молодой, двадцать пять-тридцать лет. Светло-каштановые волосы — или тёмно-русые, это уж как описать. Одет хорошо, уверен в себе.

— А как его зовут?

Молли на секунду задумалась.

— Кажется, одна из девушек называла его Дэниелом.

У Чарльза Фромана есть брат Дэниел. Я вспомнил, что читал о нём в досье.

Хотя, нет никаких оснований полагать, что мужчина, которого описывает Молли, назвался настоящим именем.

— Как он подписывает карточку в букетах?

Молли усмехнулась.

— *«Пылкий поклонник»*. Он для всех подписывает карточки одинаково.

Я рассмеялся.

— Похоже, такта ему не хватает. У вас ещё остались открытки, которые он посылал вам?

Она покачала головой, и на её лице проскользнуло виноватое выражение.

— Я их выбросила. Но я могу сегодня вечером поспрашивать других девушек.

— Буду очень признателен. И если он появится на сегодняшнем спектакле...

Она вскинула голову.

— Вы придёте сегодня в театр, чтобы самому всё увидеть?

— Возможно. Если у меня не получится, а отправлю того, кому доверяю.

Я поймал её разочарованный взгляд.

Но пока она не сказала мне ничего, что заставило бы меня околачиваться возле чёрного входа театра вместо того, чтобы расследовать более вероятные версии. Станный посетитель, которого она описала, был больше похож на фаната сцены, и ничто не указывало на то, что он — тот же самый человек, который преследовал и убил трёх актрис.

Алистер был прав: это всё равно, что искать иголку в стоге сена.

Я решил дать Молли ещё один шанс.

— Может, вы вспомните ещё что-нибудь? Было ли в этом мужчине что-то необычное, бросающееся в глаза? То, что заставило вас насторожиться?

Она прикусила нижнюю губу и ответила:

— Нет.

Но по её тону я понял, что это не всё, что она хотела мне сказать, так почему же?..

И тут я понял, что мы не одни.

В комнату вошёл мой отец. Он был одет в новый синий костюм с шёлковым платочком, торчащим из нагрудного кармана. Он производил впечатление богатого и беззаботного

человека. Но мне ли не знать...

— Саймон, мальчик мой, — улыбнулся он. — Я зашёл, чтобы сопроводить Молли в театр. Ты готова, любовь моя?

Молли вытащила из кармана часы и охнула, заметив, который час.

Она взволнованно провела рукой по рыжим волосам и вскочила с дивана.

— Прости, я не следила за временем и совсем забыла, что сегодня репетиция начнётся раньше, чем обычно. У нас в хоре появились новые певицы, и с ними нужно полностью прогнать пьесу.

Она подошла к моему отцу и быстро чмокнула его в щеку.

— Я буду через десять минут. Ты такой милый — пришёл и напомнил мне.

Отец снисходительно улыбнулся.

— Я же всегда теперь провожаю тебя в театр и обратно, не так ли? Учитывая дело, над которым работает Саймон, осторожность не повредит.

— Спасибо за информацию, которой вы поделились. Нам может оказаться полезна каждая деталь, — произнёс я, с облегчением поднимаясь с дивана. Ноги безумно болели от длительного вынужденного положения.

Я неловко наклонился, поднимая застрявший под диваном портфель.

Молли кивнула и убежала.

Я повернулся к отцу.

— Если она что-нибудь вспомнит, вы сможете со мной связаться по этому номеру.

Я написал на бумаге номер Алистера и протянул отцу.

— Саймон, я... — он смотрел на меня и искренним участием.

— Всё хорошо. Увидимся в пятницу за ужином.

Моя встреча с Молли Хансен оказалась короткой, поэтому я решил перехватить Алистера в театральном районе. Учитывая то, что у нас в списке оказалось довольно много театров, думаю, ему пригодится моя помощь.

Я обошёл «Савой», «Лирик» и «Казино» просто потому, что хотел всё изучить тщательно. Пусть они и не принадлежали Фроману, но в них предстояли премьеры в течение ближайших нескольких недель — и я решил, что будет не лишним узнать, кто в этих спектаклях задействован.

Алистера нигде не было видно; его стратегия, очевидно, состояла в том, чтобы сначала посетить театры Фромана.

Возможно, разделив работу на двоих, нам удастся за сегодня обойти всех.

Когда я уже собирался уходить из «Казино», мне попался на глаза огромный офис на втором этаже, увешанный плакатами, рекламами и сувенирами.

Именно тогда у меня начала зарождаться идея, которая могла оказаться полезной...

Я остановил одного из работников — взлохмаченного молодого человека, который нёс в офис документы.

— Подскажите, это офис мистера Шуберта? — поинтересовался я.

— Именно, — кивнул юноша. — Это офис мистера Сэма Шуберта. Офис его брата находится этажом выше. На этой неделе они оба в отъезде.

Думаю, у Чарльза Фромана должен быть такой же офис. Надо будет перепроверить, но я практически уверен, что он находится в «Империи», где сейчас идёт самая главная премьера.

«Питер Пэн» с Мод Адамс в главной роли.

Я составил новый план в течение нескольких минут.

Он должен сработать — если, конечно, я смогу убедить Изабеллу сопровождать меня этим вечером в театр.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Здание «Дакота», 72-ая улица, дом 1.

На этот раз миссис Мэллоун радушно меня поприветствовала, открыв дверь квартиры 8Б.

— Приготовить ещё один столовый прибор, детектив? — спросила она, принимая моё пальто и шляпу. — Возможно, вы сможете заставить профессора поужинать. Дело, которым вы занимаетесь, конечно, важное, не спорю, но профессор настолько увлёкся им, что отказывается есть — а тушёное рагу остывает.

Она неодобрительно поджала губы.

Я поблагодарил её, принял приглашение на ужин и направился в библиотеку к Алистеру.

Может, Алистер и не хочет есть, но для меня это может оказаться единственной возможностью поужинать сегодня вечером. Мне ещё нужно было переодеться перед театром до восьми часов, поэтому в ресторан я вряд ли успел бы.

— Саймон!

Изабелла удивлённо смотрела на меня. Она сидела на диване и делала пометки в блокноте.

— Не ожидала увидеть тебя сегодня вечером!

— У меня есть два билета на «Питера Пэна» сегодня вечером. Составишь мне компанию? — выпалил я.

Изабелла застыла в замешательстве.

— Билеты только для вас двоих? — приподнял брови Алистер. — Спектакль великолепен. Я уже дважды его видел, и каждый раз мисс Адамс превосходит саму себя...

Его мысли, казалось, унеслись куда-то далеко-далеко.

— Это ради расследования. К сожалению, я смог достать лишь два билета, — объяснил я Алистеру.

Это было не совсем правдой, но сегодняшней вечер я хотел провести не с ним. А поскольку билеты стоили по два с половиной доллара, то я просто-напросто не мог позволить себе третий.

— К тому же, я уверен, что Изабелла составит мне более удачную партию, — добавил я с улыбкой. — Я надеялся, что ты сможешь понаблюдать за чёрным входом в «Гаррике». Молли Хансен жаловалась мне сегодня, что её преследует некий молодой человек, одержимый сценой. А если это тот же человек...

Мне не пришлось заканчивать фразу. Алистер мгновенно всё понял и согласился.

— Конечно, конечно, — хмыкнул он. — Что же ты замышляешь, старина?

— Я хочу больше узнать о Фромане. Идём.

Я жестом попросил Алистера следовать за мной.

— Уверен, миссис Мэллоун уже накрыла на стол. Давай быстро переговорим перед ужином.

Изабелла вскочила с дивана.

— Я скоро вернусь. Мне нужно переодеться.

Алистер нахмурился, глядя на меня с неодобрением.

— Ты же не собираешься пойти в театр в таком виде?

Я понимал, что мой дешёвый коричневый костюм видел лучшие дни. Даже поставленная на локоть заплатка — и та протёрлась.

— Я надеялся позаимствовать подходящую одежду у тебя, — ответил я.

— Ты найдёшь вечерний смокинг в спальне Тэда... Точнее, в гостевой спальне, — поправился он.

И ушёл, прежде чем я успел рассмотреть выражение его лица. Хотя прекрасно понимал, что он не может не чувствовать абсолютно ничего, когда я в одежде его покойного сына собираюсь вести в театр вдову этого же сына.

Это тяжело.

И факт того, что смокинг сел на меня идеально — ведь мы с Тедди были приблизительно одной комплекции и роста — ничего не менял.

Я стиснул зубы и решил не думать об этом.

Это лишь первое из всех неприятных вещей, которые мне предстоит совершить сегодня вечером.

Алистер ничего не сказал, когда я, спустя десять минут, присоединился к нему в столовой, и наш разговор сразу перетёк в деловое русло.

Визиты Алистера в театры не принесли практически ничего интересного и полезного, кроме имён актрис, задействованных в каждом спектакле.

Я рассказал о том, что узнал сам, и Алистер кивнул.

— Полностью согласен с Изабеллой: следующей целью убийцы будет «Ромео и Джульетта».

Он замолчал и начал оглядываться, внезапно отвлекшись от разговора.

— А миссис Мэллоун не открыла нам бутылочку вина?

Он подошёл к винному шкафу, выбрал одну из бутылок и протянул мне, ожидая одобрения.

— Я привёз это бургундское прошлым летом из Франции. У него непревзойдённый, изысканный букет.

Алистер наполнил два бокала и протянул один мне.

Мне понравилось, хотя я и не почувствовал «изысканности» — видимо, это было слишком сложно для такого, как я.

Алистер с бокалом любимого бургундского вина вернулся обратно за стол, положил на тарелку рагу, и мы вернулись к обсуждению.

— У всех спектаклей, за исключением «Ромео и Джульетты», есть одна общая черта, благодаря которой мы можем с почти стопроцентной уверенностью исключить их из списка мест следующего преступления.

— И какая же это черта?

Я ковырял вилкой в рагу в поисках овощей.

Алистер с довольной улыбкой откинулся на стуле; пальцы его правой руки нежно поглаживали ножку бокала.

— «Во всём виноват ты» выходит второго апреля. «Вихрь светских развлечений» — девятого. «Оружие и человек» — шестнадцатого, как и премьеры Фромана «Американский лорд». И я хочу у тебя спросить: что у всех этих спектаклей есть общее, чего нет у «Ромео и

Джульетты»?

Я мысленно вздохнул; мне никогда не нравилось играть с Алистером в «угадайку».

— Все эти премьеры запланированы на апрель, «Джульетта» — на март, а ты уверен, что убийца торопится, — предположил я с иронией.

Алистер посмотрел на меня одобрительно.

— А ты учишься, Зиль. Хотя, я имел в виду не эту взаимосвязь.

Он отодвинул недоеденный ужин в сторону.

— Мы не можем знать точно, спешит наш убийца или нет, — Алистер придвинул стул ближе к столу и наклонился ко мне. — Но я уверен в том, что с каждым последующим убийством он пытается превзойти самого себя. Думаю, он нацелился на нечто грандиозное. На самую ожидаемую премьеру, а не на обычный вечерний спектакль. А разве жители этого города ждут чего-то больше, чем «Ромео и Джульетту»?

Я покачал головой.

— Я не говорю, что в этом нет смысла, Алистер. Но почему это должна быть именно премьеры? Почему не генеральная репетиция или обычное вечернее представление, как раньше?

Алистер улыбнулся.

— Потому что Изабелла нашла кое-что в его письмах.

Я встрепенулся.

— Нет, не послание как таковое, — быстро добавил Алистер, увидев мою реакцию, — но одна мысль там проходит рефреном по всем письмам, включая отправленное в «Таймс». Он хочет превратить своих жертв в звёзд. И с каждой новой убитой он нацеливается на всё большую аудиторию.

— Так, давай подробнее.

— Хорошо. Его первичный замысел был прост. Он оставил возле первой жертвы письмо, желая, чтобы его аудитория поняла, что он сделал. Но это не сработало. Все решили, что Элиза Даунс покончила с собой, а письмо — её собственная предсмертная записка. Вероятно, убийца был... хм, разочарован, — деликатно выразился Алистер. — Затем, — он перевёл дыхание, — убийца решил не пускать всё на самотёк и предупредить о готовящемся преступлении. Поэтому перед убийством Анни Жермен он отправил письмо в «Таймс», не сомневаясь, что пресса заинтересуется происходящим. Но они не только нашли это письмо слишком поздно, но и вообще посчитали его розыгрышем и проигнорировали. Точно так же чуть не проигнорировали письмо рядом с телом мисс Жермен, если бы Лев Айзман не заметил сходства с убийством мисс Даунс и не вызвал полицию.

— И так он, наконец, добился необходимого внимания.

— Добился, но ему было мало. Мы уговорили «Таймс» держать эту историю в секрете, пока дело не будет раскрыто. Поэтому с убийством мисс Биллингс он поднял ставки — начиная от постера в лобби и заканчивая ловушкой с ядом для любого, кто решит помочь несчастной. Он издевается над нами, цитируя «Червя-Победителя». На этот раз у меня нет никаких сомнений: он настолько же опасен, насколько любит театральные эффекты. Это человек, с которым придётся считаться.

Я скептически посмотрел на него.

— Может и так. Но что из всего этого натолкнуло тебя на мысль, что он убьёт именно во время премьеры?

Когда Алистер ответил, в его голосе не было ни тени сомнений.

— Посуди сам. Его запросы и потребности продолжают расти; с каждым разом ему нужно всё больше и больше, чтобы почувствовать удовлетворение. Не знаю, заметил ли ты, но в сегодняшней «Таймс» я уговорил наших друзей не упоминать детектива Марвина.

Я-то заметил, но думал, что это получилось случайно, а не благодаря особой просьбе Алистера.

А теория Алистера о «совершенствующемся убийце» и «преступнике, который обязательно выберет премьеру спектакля» была, по меньшей мере, спорной.

Алистер заметил моё замешательство и сразу же попытался развеять мои страхи.

— Знаешь, я признаю, что в моей работе есть место не только для «науки», но и для «искусства». Иногда нужно просто довериться собственным инстинктам, как ты доверился им, когда решил поверить в невиновность По.

— По поводу По — да, но в этом деле, — я широко развёл руки, — мои инстинкты молчат.

— Поэтому я и прошу довериться моим.

Я посмотрел Алистеру в глаза.

Доверие — сложный вопрос.

Я безоговорочно доверял его уму и гениальности. Но его инстинктам?

Я уже имел несчастье выяснить, что там, где дело касалось не поведения преступников, а этических проблем, его инстинкты не срабатывали. С другой стороны, я и сам прекрасно понимал: в решении этических проблем иногда идти на компромисс. И я сам не раз это делал, особенно когда на карту были поставлены жизни.

Я всё ещё раздумывал над словами Алистера, когда за нашими спинами раздался голос Изабеллы:

— Ты готов идти?

Она стояла на пороге столовой в умопомрачительном чёрном бархатном платье с пайетками, и её волосы были уложены в сложную элегантную причёску. На шее во впадине между ключиц поблёскивало маленькое сердечко.

Платье было простым, но эффект Изабелла произвела сногсшибательный.

Я поднялся из-за стола, чувствуя внезапное смущение и замешательство, и укол вины за то, что сегодня я находился не на своём месте. Я был одет в чужой костюм и собирался играть роль человека, которым не являюсь.

— Хорошего вечера, — пожелал нам Алистер, наливая себе ещё бокал вина; при этом выражение лица его было угрюмым. — Не беспокойтесь, в половине одиннадцатого я буду стоять возле «Гаррика» и следить за всеми, кто подойдёт к Молли Хансен.

Ему, очевидно, не очень нравилось, что его сначала оставляют одного дома, а потом отправляют делать неблагодарную работу.

У меня промелькнула мысль взять его с собой, но... Нет, пусть он пока не будет в курсе моих сегодняшних планов. По крайней мере, до того момента, как я всё удачно завершу.

В лифте Изабелла протянула мне своё пальто, чтобы помог его надеть.

Пододвинувшись к ней ближе, я ощутил запах её духов — что-то лёгкое, напомнившее мне о весенних цветах.

Она улыбнулась и произнесла:

— Если мы не поторопимся, Саймон, то опоздаем.

И до меня дошло: естественно, в таком платье она собиралась ехать не на метро.

Пока мы спускались на первый этаж, я незаметно запустил руку в свой карман и

вздыхнул с облегчением: денег, чтобы заплатить за такси, а так же дать на чаевые служащему Дакоты, который нам это такси поймает, мне хватит.

Судя по остальным людям в лобби, одетым в вечерние наряды, мы с Изабеллой были не единственные, кто решил провести вечер вне дома.

Несмотря на вторник, в «Империи» был аншлаг.

Собственно, это было ожидаемо: «Питер Пэн» являлся самым популярным спектаклем на Бродвее. Мне повезло, что я смог достать билеты на такие хорошие места.

Мы сели на третий ряд в партере справа от прохода.

Зал был украшен в изумрудных и багровых тонах, но в отличие от остальных театров, здесь не было ничего вызывающе роскошного. Когда я обратил на это внимание, Изабелла пожала плечами:

— Он хочет, чтобы аудитория была сосредоточена на его спектакле и его актёрах, а не на убранстве помещений.

Конечно, говоря «он», Изабелла имела в виду Фромана, и у меня засосало под ложечкой в ожидании того, что я был должен сегодня проверить.

Мы кратко обсудили актёров Фромана, особенно, его самую яркую звезду — Мод Адамс, которая должна была сегодня играть главную роль.

Изабелла видела актёров театра Фромана каждый год, а я смотрел на них впервые — причём, не на живых актёров, а на их портреты в лобби, которым были завешаны все стены.

Когда начал подниматься занавес, я прошептал Изабелле на ухо, что в начале первого акта мне нужно будет ненадолго отлучиться. Она бросила на меня удивлённый взгляд, но ничего не сказала и вновь повернулась к сцене, где начало разворачиваться действие.

Я тоже переключил внимание на спектакль. Дождался, когда приключения Питера Пэна и Потерянных мальчиков наберут обороты, легонько сжал ладонь Изабеллы, давая понять, что мне нужно идти, и выскользнул из зала через боковой выход, который заметил ранее.

Я напоминал себе, что сейчас, в позаимствованном дорогом костюме, я выглядел частью этих зажиточных, богатых джентльменов, которые могут себе позволить наслаждаться спектаклями хоть каждый вечер.

Меня не должны остановить, пока я поднимаюсь на пятый этаж.

Я дошёл до третьего, когда меня окликнули.

— Сэр!

Я не стал замедлять шаг, и голос позвал меня ещё раз, уже более настойчиво:

— Простите, сэр!

Я глубоко вдохнул, обернулся и очутился нос к носу с молодым служащим.

Я улыбнулся ему, но ничего не сказал.

— Могу ли я вам чем-то помочь, сэр? На верхних этажах расположены административные помещения, и они закрыты для публики.

— Конечно, конечно, — закивал я, — но мне сказали, что я могу найти тут другую уборную.

— Да, на четвёртом этаже, — молодой человек недовольно нахмурился. — Но она только для персонала. Мне придётся поговорить с коллегами с первого этажа, если они направили вас сюда. Главная уборная находится ниже, и она гораздо более подходящая для джентльмена, вроде вас.

Следующую ложь я продумал заранее.

— В уборной внизу плохо какому-то джентльмену. Я решил уйти, чтобы не стеснять его. Молодой человек смутился.

— Конечно, сэр. Мои извинения. Поднимайтесь, уборная находится на четвёртом этаже с левой стороны.

— Благодарю.

Я направился вверх по лестнице уверенными шагами. Надеюсь, парень не решит следовать за мной или, что ещё хуже, не пойдёт вниз, чтобы проверить, как самочувствие выдуманного мной джентльмена.

Поднявшись на один пролёт, я повернулся и краем глаза посмотрел на служащего — он подошёл к бордовому дивану, уселся и вернулся к чтению газеты.

Осторожно, чтобы он не услышал моих шагов, я поднялся на пятый этаж.

Здесь было темно.

Но ни одна дверь офисов не была закрыта, а тем более заперта.

Так что, по сути, я даже не вламывался — а я знал, что взлом и проникновение — это одна статья, а простое нарушение пределов частной собственности — другая.

Офис Чарльза Фромана был третьим по правой стороне. Его было легко определить — самая просторная комната с наибольшим количеством мебели и театральных безделушек.

Я закрыл за собой дверь, включил стоящую на столе лампу, снял пиджак и набросил его на плафон, чтобы приглушить свет.

Никогда раньше я не делал ничего подобного, и на короткое мгновение, когда у меня начала дрожать правая рука, я решил, что не справлюсь. Мне пришлось закрыть глаза и представить трёх девушек — ныне мёртвых, а некогда блестящих актрис.

И если у меня ничего не получится, то может умереть ещё одна. И пусть не знаю пока, как она выглядит, и кто она такая, но точно знаю, что нужно делать, чтобы её спасти.

Я не совсем понимал, что надеялся найти.

Я только знал, что мне нужно больше образцов почерка Фромана, Льва Айзмана и всех других значимых помощников; и прежде, чем уйду, намеревался забрать несколько бумаг, которых сразу не хватятся.

Наверно, я даже надеялся найти хоть что-то, что свяжет всех трёх жертв и — чем чёрт не шутит! — даже укажет на следующую цель.

Я не обнаружил ничего важного.

Я нашёл квитанции. Я нашёл заметки о каждом актёре и актрисе, в которых описывались их «производительность, потенциал и профессионализм».

«Принцип трёх П», как называл это Фроман.

И, как он и сказал нам с Изабеллой в воскресенье вечером, в деле каждой актрисы упоминались опоздания на репетиции и недостаток подготовки.

Лев Айзман, как и все остальные помощники Фромана, подавали кучу отчётов — но, к сожалению, все они были напечатаны на машинке.

Внезапно из соседней комнаты донесся грохот. Упало что-то большое и тяжёлое.

Я замер.

Там кто-то был.

Я бросился к стене, где в розетку была включена лампа, и выдернул шнур. Схватил накрывавший лампу и приглушавший свет пиджак и спрятался под стол Фромана.

Я затаился и ждал; вот послышались шаги на лестнице и в коридоре включился свет.

Я услышал разговор двух мужчин.

— Из какой комнаты доносился шум?

Я узнал голос служащего с третьего этажа.

— Понятия не имею.

У меня перехватило дыхание. Это голос Льва Айзмана?

Дверь в офис Фромана распахнулась; я замер, стараясь не дышать.

— Подойдите сюда, только гляньте!

Из соседней комнаты донёсся голос служащего, и я услышал, что шаги удаляются.

В соседнем помещении загорелся свет, и я услышал, как передвигают мебель.

— Какого чёрта! Что за беспорядок!

— Похоже, кто-то сбросил целую кипу бумаг с того книжного шкафа.

— Серьёзно?

Да, это был определённо голос Льва Айзмана.

Я отчаянно надеялся, что они останутся в соседней комнате.

Но меня беспокоило и то, что бумаги не могли упасть сами по себе. Видел ли меня тот, кто их сбросил?

Вероятно, да.

Я был так сосредоточен на каждом слове и движении, доносящихся из соседнего офиса, что от неожиданности подпрыгнул и ударился головой о столешницу, когда мимо моих ног грациозно прошла виновница переполоха.

Серая пушистая кошка с длинной шерстью громко мурлыкала, трясь головой о мои колени.

Я вздохнул с облегчением, но тут шаги из соседней комнаты направились в мою сторону.

В офисе Фромана включился свет.

— Боже, что же Фроман тут делал?

Они, естественно, заметили огромную кучу папок и бумаг, которые я просматривал на столе Фромана.

Наступила тишина.

— Чарли? Ты здесь? — громко крикнул Айзман.

Я несколько секунд чесал кошку за ухом, а потом вытолкнул её из-за стола.

Она пробежала по комнате.

— А вот и разгадка, — усмехнулся служащий.

Я задержал дыхание.

Кошка протестующее мякнула, когда огромные руки обхватили её за тело и подняли в воздух.

— Отвратительное животное, — произнёс Айзман и вышел в коридор.

Служащий рассмеялся и почесал кошку под подбородком.

— Где же твои друзья-мышеловы, красотка? Обычно вас тут бродит несколько. Охотитесь, да, милашка? Не могу поверить, что ты устроила такой беспорядок в офисе мистера Ландри в одиночку.

Он замолчал на секунду, а потом обратился к Айзману:

— Хотите, чтобы я привёл здесь всё в божеский вид?

Айзман ответил, не раздумывая:

— Нет. Оставим это ночному уборщику. В конце концов, виновата кошка. Одни беды от них. Если бы нам не нужны были крысоловы...

Они ушли, выключив свет, но я ещё несколько минут сидел под столом и прислушивался.

Меня чуть не поймали.

Я вновь включил лампу, набросил наверх пиджак и вернулся к работе.

Я знал, что до антракта осталось немного времени, поэтому работать нужно было быстро — шкаф за шкафом, отчёт за отчётом.

В последнем шкафу я обнаружил склад старых рукописей. Просмотрев большую часть из них, я понял, что Фроман хранит всё — даже те сценарии, которые отверг. Судя по записям, которые я отыскал, он хранил их с единственно целью: проверить со временем собственные суждения; Фроман отдельно помечал сценарии, которые он отверг, но они получили признание у публики благодаря другому директору-продюсеру.

Фроман ненавидел упускать возможность произвести фурор.

К тому времени, как я открыл последнюю папку, я почти смирился с мыслью, что пришёл зря. Пролистывая шесть — нет, семь — рукописей, которые Фроман посчитал «недееспособными», я чуть не упустил имя автора, написанное на каждой из них.

Лев Айзман.

Сверху в папке лежали заметки Фромана, и, исходя из них, становилось ясно: учитывая близкие отношения с Айзманом, Фроман считал себя обязанным прочитать эти сценарии. Но читая между строк, я понимал, что Фроман не считал эти рукописи достойными воплощению — и вероятно, именно это решение отразилось на их рабочих отношениях.

Мог ли Айзман быть убийцей, которого мы ищем?

Последний сценарий он принёс Фроману год назад. Целый год — долгий срок; его хватит, чтобы замыслить месть, продумать её и воплотить в жизнь.

Из всех людей именно Лев Айзман лучше всего знал, насколько отчаянно Фроман любит театр — и именно он понимал, как ударит по Фроману разрушение его детища.

Я был настолько поглощён мыслями о Айзмানে, что практически пропустил приклеенную к следующей рукописи заметку.

В ней не было ничего особенного: лишь имя, дата и адрес.

Но почерк — вот от чего у меня побежали мурашки по телу.

Тело среагировало первым, поддавшись чистому инстинкту. Правая рука дрогнула, и я уронил папку, будто она обожгла мою ладонь.

В следующее мгновение я осознал, что ошибки быть не может: это был тот же мелкий, убористый почерк с наклоном. Я уже видел его прежде — на двух письмах, которые были найдены на местах жестоких убийств.

В записке значилось:

«Приняты на вычитку в феврале 1905 года.

Роберт Коби.

Бэй-Авеню, Шелтер-Айленд».

Под запиской было несколько слов о том, что этот сценарий попал к Чарльзу Фроману от Роберта Коби. И судя по тону комментариев Фромана, рукопись ему совсем не понравилась. Он отверг этот сценарий приблизительно в то же время, что и сценарий Айзмана — около года назад.

И по иронии судьбы, в той же кипе бумаг я заметил, что письмо с отказом Роберту Коби

напечатал на машинке и отправил ни кто иной, как Лев Айзман.

Имя Роберта Коби мне ни о чём не говорило. Я был абсолютно уверен, что за время расследования оно не попадалось мне на глаза.

Я долго сидел на стуле и смотрел на стоящий передо мной шкаф.

Я просмотрел, по меньшей мере, семьдесят пять отвергнутых сценариев. И нашёл одну-единственную записку, написанную рукой убийцы и вложенную между двух рукописей, которым не суждено было увидеть свет: рукописью Льва Айзмана и рукописью Роберта Коби.

Один из них написал эту записку. Но кто именно?

Сам автор сценария — Роберт Коби? Или разочарованный отказом помощник Фромана — Лев Айзман?

Я изучил подпись Айзмана на напечатанном на машинке письме. Она была такой же, как и на предоставленном доктору Вольману образце — «неубедительной». На мой взгляд, она не была похожа на почерк в записке — но ведь я не эксперт.

Я знал о Льве Айзмানে достаточно, и он мне не нравился.

Но был ли он убийцей?

А Роберт Коби был пока лишь неизвестным именем. Я хотел выяснить, кто он такой.

Алистер был прав: для того, чтобы остановить убийцу, не обязательно знать, как он выглядит; нужно лишь предсказать его следующий шаг.

Однако я не мог допустить ошибки в подобном деле. Не лучше ли знать соперника в лицо?

Я знал, где находится Шелтер-Айленд. Впервые у нас появилась существенная зацепка, хотя я и понимал, что всё не будет просто; мы не сможем просто прийти по адресу и арестовать живущего там человека, как жестокого убийцу.

А вдруг будет?

Странности иногда случаются.

По доносящимся снизу звукам я догадался, что начался антракт.

Меня уже один раз чуть не поймали; не стоит рисковать снова.

Опасаясь, что кто-то может зайти, я вернул всё на свои места. Но забрал с собой записку и первые страницы рукописей Льва Айзмана и Роберта Коби. Надел пиджак, выключил свет, положил в карман найденные улики и выскользнул в коридор; дальше вниз по ступенькам — и вот я уже смешался с толпой в лобби.

Изабелла по-прежнему сидела в зале.

— Где ты был, Саймон? — с упрёком поинтересовалась она. — Ты сказал, что вернёшься быстро, но тебя не было весь первый акт!

— Обещаю, что всё расскажу, как только вернёмся в квартиру Алистера, — я попытался улыбнуться. — Я принесу твоё пальто, хорошо?

Изабелла поднялась с кресла, недоуменно глядя на меня.

— Ты заплатил пять долларов, чтобы получить эти места — между прочим, одни из лучших в этом театре. А теперь хочешь уйти, не посмотрев второй акт? И это с учётом того, что ты полностью пропустил первый?

Я извинился и сел в своё кресло, решив, что могу позволить себе насладиться оставшейся частью «Питера Пэна» и компанией Изабеллы.

Всё, что я узнал, может подождать окончания спектакля. Как бы мне ни была любопытна личность Роберта Коби, я точно не поеду на Шелтер-Айленд в это время.

Поэтому я сидел и наслаждался игрой Мод Адамс. В один момент она, танцуя, буквально перелетела по воздуху через всю сцену, сорвав у аудитории бурю аплодисментов.

Утопая в бархатном кресле в поглотившем меня полумраке зала, рядом с сидящей со мной Изабеллой, я почти смог забыть всё, что меня тревожило. Почти.

Убийца, которого мы ищем, всё ещё на свободе, а значит, у нас нет времени на развлечения.

И всё же, когда в зале зажётся верхний свет, когда мы с Изабеллой направимся к выходу, где нас ждал извозчик, и я легонько касался её руки — в тот момент я осознал, насколько просто было бы привыкнуть к подобной жизни.

Слишком просто.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Дом Коби, Бэй-Авеню, Шелтер-Айленд.

В то утро выпал холодный мокрый снег — такой, что мне захотелось оказаться где угодно, только не на борту маленького парома, идущего на Шелтер-Айленд.

Это оказалась непростая поездка.

Мы с Алистером сели на первый же поезд из Нью-Йорка до города Гринпорт на Лонг-Айленд. Оттуда мы пересели на паром, и сейчас плыли по непокойным серым водам залива.

Когда мы обогнули Гринпорт-Бэй и направились к причалу в Шелтер-Хайтс, я крепко схватился за поручни, глядя на полоску приближающейся земли. Алистер остался в рубке, укрываясь от непогоды, очевидно предпочитая сигаретный дым, а не льющий, как из ведра, ливень.

Мы еле уговорили Изабеллу остаться в городе и помогать доктору Вольману с новыми образцами почерков, которые я добыл на вчерашней вылазке в театре. Их исследования будут неплохим подтверждением того, что мы сегодня найдём.

Мне было необходимо это ощущение ветра и капель дождя, падающих на лицо.

Они заставляли мой мозг работать. И даже неприятная ноющая боль в раненой руке, появившаяся в подобную погоду, успокаивала меня сейчас.

Волны бились о борт нашего парома и швыряли его по волнам, словно он был детской игрушкой, и я боролся с необъяснимым чувством страха.

Я не сомневался, что мы пристанем к берегу.

Но терпеть не мог паромы.

И уже в который раз за последние несколько дней задался вопросом: зачем я всё это делаю?

Официальное расследование пошло неверным путём, и все, кто раньше были моими союзниками, покинули меня. Теперь я занимался расследованием без дозволения сверху, рискуя своей должностью и зарплатой. Мне хотелось верить, что я собирал улики для Малвани, чтобы очистить имя невинного человека — прежде, чем эта цель будет достигнута убийством очередной актрисы.

Но был ли я честен с самим собой?

Может, мной управляла не жажда правосудия, а эгоистичное желание доказать свою правоту? Показать всем, что я ещё не растерял хватку, ум и инстинкты, сделавшие меня некогда лучшим детективом в городе?

В любом случае, сейчас я пробирался через беспокойные воды залива, примеряя на себя роль, которая была мне чужда.

Когда мы начали причаливать, я вошёл в рубку и попытался вызвать паромщика на разговор.

— Наверно, живя здесь уже столько лет, жители близко друг друга знают? Вы знакомы с семьёй Коби на Бэй-Авеню?

Мужчина даже не обернулся ко мне, продолжая сжимать штурвал.

— Мы сегодня собираемся их навестить, — добавил я спустя пару секунд.

На этот раз он обернулся, окинул меня подозрительным взглядом серо-голубых, как раскинувшаяся вокруг нас речная гладь, глаз.

— А вы, парни, уверены? Тут нет никаких Коби. Больше нет.

Алистер подключился к разговору:

— Надеюсь, нас не ввели в заблуждение. Нам сказали, что здесь, на Бэй-Авеню проживает Роберт Коби.

Он замолчал на мгновение и добавил:

— Нам нужно найти семью мистера Коби по одному важному вопросу. Видите ли, я адвокат из города, и у нас к нему дело.

Паромщик приподнял кустистые седые брови и пробормотал что-то о горожанах, которые любят совать нос не в свои дела.

Я предпринял другую попытку.

— Но, наверно, остался хоть кто-то, кто смог бы нам помочь?

Мужчина покосился на меня и буркнул:

— Даже если миссис Лейтон согласится с вами встретиться, она ничем вам не поможет.

И, натянув фуражку на уши, он отвернулся и до конца пути продолжал игнорировать все наши вопросы и попытки разузнать больше.

Сойдя на берег, промокшие и продрогшие, мы осмотрелись: напротив, через дорогу стоял «Проспект-Хаус» — огромный белый отель, который, казалось, тянулся вдоль улицы на полкилометра; за ним расположился Проспект-парк, названный так по аналогии с бруклинским собратом.

Несколькими часами ранее Алистер просветил меня, что Шелтер-Айленд является популярным летним курортом, но я и подумать не мог, что он пользуется подобным спросом.

— Давай зайдём и купим что-нибудь, чтобы согреться. Это займёт всего пару минут, — предложил Алистер.

Я посмотрел на часы и отказался. Большую часть утра мы провели в дороге, и я хотел как можно быстрее разобраться с тем, что ждало нас на Бэй-Авеню.

Мы обогнули Проспект-парк и завернули за угол на нужную нам улицу.

Алистер говорил, что место, в котором мы сейчас находились, называлось Шелтер-Хайтс и создавалось, как отдельный район.

На самом деле, за всю нашу сегодняшнюю поездку в поезде Алистер провёл мне виртуальную импровизированную экскурсию по истории Шелтер-Айленд: он рассказал, как архитектор Фредерик Ло Олмстед проектировал этот летний курорт с сотней коттеджей, из окон которых открывался великолепный вид на залив. Из каждого коттеджа можно было за несколько минут добраться и до парома, и до Проспект-парка, и до скрытой за кустистыми деревьями часовни.

Сама Бэй-Авеню представляла собой улицу, вдоль которой ровными рядами стояли нарядные летние домики с покатыми черепичными крышами, резными ставнями, дверями и перилами.

Дом под номером 13 находился в конце улицы, на углу Уэверли-плейс. Он стоял чуть поодаль от остальных домов, словно уродливая падчерица, которую стыдятся и избегают. Дом сохранил первоначальные черты остальных коттеджей, но древесина его потрескалась, ступеньки раскрошились, краска обсыпалась, а большинство окон на верхнем этаже были выбиты.

Мы замедлили шаг.

— И кто-то в таком живёт? — поражённо спросил Алистер.

— Сложно представить, не так ли? — ответил я.

Я, естественно, видел, как люди живут и в более неприглядных условиях, но там по соседству не было таких роскошных отелей.

На переднем крыльце была свалена старая мебель, детские игрушки и бытовой мусор.

Несколько минут мы с Алистером стояли на дороге и собирались с мыслями, а затем поднялись крыльцо, пробравшись через груды хлама.

Я сделал глубокий вдох и постучал.

Изнутри не доносилось ни звука, но мы заметили, что в глубине дома мелькнул свет.

Я снова постучал, на этот раз громче.

Мы услышали медленные, шаркающие шаги по направлению к двери, и я инстинктивно сделал шаг назад, потянув за собой Алистера.

Судя по словам паромщика, дверь нам должна была открыть миссис Лейтон. Но мы понятия не имели, каким образом она связана с семейством Коби и станет ли вообще с нами разговаривать.

Женщина, ответившая на наш стук, смотрела на нас сквозь стеклянную перегородку.

— Что вам нужно?

Вопрос мог бы прозвучать агрессивно, если бы не этот голос — слабый, дрожащий, надтреснутый.

Я представился, но она, казалось, совсем меня не слышала. Она смотрела на моё лицо, и на мгновение в её глазах промелькнуло узнавание.

— Робби, это ты?

— Нет, я не Роберт, — мягко ответил я, — но я пришёл о нём поговорить.

Её глаза наполнились слезами, и она уставилась вдаль ничего не выражающим взором.

— Мы можем войти?

В глазах женщины промелькнул огонёк здравого смысла.

— Вы знаете, где он?

— Мы надеялись, что вы поможете нам в этом разобраться.

Я открыл стеклянную дверь, которая нас разделяла.

— Так мы можем войти? — повторил я.

И вновь, она словно не расслышала вопрос; однако, спустя долгих полминуты, женщина сделала шаг назад и пропустила нас внутрь. Сложив руки на груди, окинула нас подозрительным взглядом.

Теперь я мог лучше её рассмотреть.

Грузная фигура замотана, по меньшей мере, в две шали, наброшенные на цветастое платье. И не удивительно — в доме было сыро и холодно.

Кап-кап.

Кап-кап.

Дождь барабанил по дну вёдер, расставленных по всем комнатам, в том числе, и в прихожей. Я подозревал, что немалую роль в этом сыграли разбитые окна на верхнем этаже. Хотя, дом был в таком запустении, что не удивлюсь, если найдётся ещё с десятков причин этого потопа.

А вода всегда найдёт, где просочиться.

Этот урок я усвоил на собственной шкуре ещё в многоквартирном доме в Нижнем Ист-Сайде, где провёл детство.

— Давайте, мы поможем вам разжечь огонь, миссис Лейтон. Где вы храните дрова? — спросил я.

Она вновь промолчала.

— У вас есть крытая веранда на заднем дворе?

Женщина продолжала игнорировать мои вопросы.

Не снимая пальто, я прошёл через кухню, вышел на заднее крыльцо и нашёл невысокую поленницу. Дров там было мало, но для одной растопки камина нам должно было хватить.

Так мы хоть сможем согреть воздух в гостиной.

Я заставил Алистера помогать; вместе мы растопили камин, перенесли несколько поленьев в комнату и бросили их в режущее пламя. Только после этого сели на неудобные стулья с деревянной спинкой и окинули взглядом всю комнату.

Всё здесь напоминало саму хозяйку — старое, ветхое и сломанное.

От камина до угла вдоль стены были свалены стопки газет — три ряда в ширину и около полутора метров в длину.

Алистер заметил, что опасно держать газеты в такой близости от открытого огня, но женщина лишь сухо рассмеялась, обнажив беззубые дёсны.

— Мои рецензии, — пояснила она и закашлялась. — Точнее, некоторые — мои, а некоторые — её. Моя мать всегда говорила, что старые вести не заслуживают внимания, и не нужно их хранить. Но мне нравится их просматривать.

— Какие рецензии? — уточнил я.

— Театральные. Да, мы когда-то были актрисами. У неё много рецензий.

Миссис Лейтон так пристально посмотрела в окно, словно за ним стоял человек, которого она знала; и я, естественно, обернулся.

Но там, конечно же, никого не было.

— Кто она? Подруга? — спросил я.

Женщина не ответила. Она снова сложила руки на груди и одарила нас ещё одной беззубой улыбкой.

Я не мог не задаться вопросом: она была немножко сумасшедшей или просто игнорировала половину моих вопросов?

Алистер поднял одну из пожелтевших газет и протянул ей.

— Могу ли я взглянуть на отзыв в этой газете?

Миссис Лейтон вновь усмехнулась и раскрыла газету. Её пальцы начали яростно перебирать страницы, и она даже не замечала, что большинство из них падает на пол рядом с ней. Но когда она нашла то, что искала, её пальцы с внезапной нежностью разгладили страницу.

Мы с Алистером пододвинулись ближе, чтобы рассмотреть то, что она нашла.

Резкий запах старых, пыльных газет смешался с запахом, исходящим от самой женщины.

Запахом старости и немытого тела.

Я сосредоточился на газетной статье, стараясь дышать только ртом.

На фотографии была изображена яркая молодая девушка в сценическом платье, и за руку её держал партнёр по спектаклю.

— Это она, — произнесла миссис Лейтон. — Она играла Розалинду в спектакле «Как вам это понравится».

Я переключил внимание на статью под фотографией. Автор в основном говорил о самой постановке, но в нескольких словах упомянул и имя Элейн Коби.

Неужели женщина на фотографии и женщина, сидящая сейчас рядом со мной — один и тот же человек? До того, как она изменила фамилию после замужества?

В статье о ней говорили, как о «освежающем новом голосе» и «удивительно эмоциональном диапазоне». И она была очень симпатичной. Печально было думать, что она превратилось из той красавицы в эту одинокую, брошенную, слабоумную старуху.

— Рецензия великолепна; должно быть, вы были очень талантливы в молодости, — заметил я.

— Это не я, — раздражённо ответила женщина. — Разве я не сказала, что это она? Я бросила сцену ещё до того, как она получила первую роль.

— Кто «она»?

Я надеялся, что она не растеряла остатки разума.

— Элейн, моя сестра, — ответила она недовольно.

Похоже, она была уверена, что говорила мне это уже не один раз.

Теперь становилась понятна бросившаяся мне в глаза разница в возрасте. Она составляла не менее десяти лет — и это вряд ли можно было объяснить отвратительными условиями проживания и быстрым старением.

Мы с Алистером вернулись на свои места.

— Она была младше вас?

Сначала мне показалось, что она не расслышала вопрос, но затем медленно кивнула.

— Мы обе начинали свою карьеру на второстепенных ролях в театре: я — в семидесятых, она — в восьмидесятых, — начала рассказывать миссис Лейтон. — Я была хороша. Но Элейн — лучше. Однажды она даже получила роль в спектакле с Эллен Терри.

— О да, восхитительная Эллен Терри! — воскликнул Алистер, пытаясь расположить к себе миссис Лейтон. — Я видел её в игру в паре с Генри Ирвингом в «Короле Артуре» около десяти лет назад. Её Гвинебра была просто великолепна!

— Это было её мечтой, — тихо произнесла миссис Лейтон. — Пока её не отняли у Элейн.

— Кто? — спросил я.

— Как «кто»? — вздохнула женщина. — Чарли Фроман поставил крест на её карьере всего несколькими словами. Он, его братец и их помощник распространяли об Элейн лживые слухи. Они не просто выгнали её из своего театра; они сделали так, чтобы она больше не смогла получить ни одну роль. И всё это только потому, что Элейн ждала ребёнка.

Алистер пояснил мне, что миссис Лейтон говорит о тех годах, когда Чарльз Фроман ещё только начинал создавать свою империю и работал вместе со старшим братом Дэниелом в «Мэдисон-сквер-гарден». С самого начала работы в театре Чарльз рьяно следил за своими

актёрами и их поведением — особенно, за его моральной составляющей.

— Какой помощник? — уточнил я.

— Айзберг, — ответила женщина и содрогнулась. — Ужасный человек. Он был влюблён в Элейн, но в тот момент, когда ей больше всего нужна была его помощь, он отвернулся от неё.

— Вы имеете в виду Льва Айзмана?

Я старался, чтобы вопрос не выглядел навоящим, но фамилия, которую она произнесла, была очень созвучна.

— Может быть, — миссис Лейтон сплюнула на пол. — Кем бы он ни был, он был очень близок с Чарли.

Похоже, она действительно говорила о Льве Айзмани. Это было ещё одним напоминанием о том, что я не должен раньше времени сбрасывать со счетов бессменного помощника Фромана.

— А ребёнок Элейн?

— Они хотели, чтобы Элейн от него избавилась. Но она не стала.

Женщина откинулась на спинку стула и печально вздохнула.

— Этот ребёнок и был Робертом? — осторожно поинтересовался я.

Но она вновь ушла в себя, окунувшись в воспоминания давно прошедших лет, и не ответила на мой вопрос.

— Я много лет наблюдала, как Фроман относится к своим людям; они бы никогда не дали ей второго шанса, — прошептала он.

— А она не рассматривала другие варианты? Возможно, за пределами Нью-Йорка?

Миссис Лейтон усмехнулась.

— Только не с такими амбициями, как у Элейн. Да, он уничтожил её, — она громко стукнула по столу раскрытой ладонью, — уничтожил, когда отнял у неё мечту! Ей пришлось приехать сюда и родить ребёнка. Мы с моим мужем Эдди приютили их и сказали всем соседям, что она недавно потеряла мужа.

— И она все эти годы жила здесь с сыном?

Женщина кивнула.

— А что ей ещё было делать? К тому же, мы — её семья. Её Роберт и моя дочь очень сдружились. Несмотря на разницу в возрасте в десять лет, они были близки, как родные брат и сестра.

Я поинтересовался, завёл ли Роберт в детстве друзей или, возможно, была ли у него в юности девушка, за которой он ухаживал. Но миссис Лейтон не могла сказать по этому поводу ничего конкретного; похоже, её разум лучше сохранял воспоминания о далёком прошлом, чем о недавних событиях.

— А где сейчас ваша сестра? Я так понимаю, здесь она больше не живёт, — произнёс я.

— Не живёт. Но она рядом, вот там.

Женщина подняла руку и указала на причал и бухту за окном.

— Она живёт не на острове? В Гринпорте?

Миссис Лейтон в очередной раз усмехнулась.

— Нет, я имела в виду именно бухту. Она там с тех самых пор, как пять лет назад вышла прогуляться и не вернулась.

Женщина печально вздохнула.

— Она отправилась на прогулку как обычно, в одиннадцать часов. Говорят, она зашла

на почту и отправила несколько писем, а затем отправилась домой. Но в последний момент свернула к бухте. Её видел там местный мальчуган.

Миссис Лейтон начала задыхаться, когда тяжесть воспоминаний о тех событиях накрыла её с головой.

— Парнишка решил, что она собирает ракушки. Но оказалось, что она подбирала камни и складывала их в карманы, а когда набралось достаточно, чтобы потянуть её на дно, она вошла воду с головой. Мальчишка побежал за помощью, но было уже поздно. Ещё нашли три недели спустя — рыбаки вытащили её тело на другой стороне острова.

— Примите мои извинения, — искренне произнёс я.

Может, всё семейство Коби поразила некая психическая болезнь? Она затронула всех: и миссис Лейтон, которая иногда теряла связь с реальностью; и её сестру, которая решила покончить жизнь самоубийством; и её племянника, который, вполне возможно, виновен в череде жестоких убийств.

— Роберт остался с вами? — спросил Алистер.

— Он жил неподалёку, в Монтаке, работал на рыболовецком судне.

— А где он сейчас? Прошу вас, миссис Лейтон, подумайте хорошо, — попросил я.

Она бросила на меня раздражённый взгляд.

— Мне не нужно «думать хорошо». Он там, на рыболовецком судне. Навещает меня каждый год на годовщину её смерти.

— И когда она?

— Первого апреля.

Она удивилась моему вопросу, а я смутно ощущал, что это может оказаться важным. Годовщина случится уже через несколько дней, и если до этого времени нам не повезёт...

Но я тут же отбросил подобные мысли.

На кону стояла человеческая жизнь; нам нельзя потерпеть неудачу.

У нас всё получится — просто потому, что у нас нет права на ошибку.

Какое-то время мы ещё продолжали разговаривать, сидя в гостиной, слушая, как барабанит по окнам дождь, и вдыхая запах старости и сырости.

Алистер помог мне закончить разговор с миссис Лейтон, быстро пройдясь по деталям её жизни на Шелтер-Айленд и взрослении Роберта.

Вскоре мы уяснили следующее: муж миссис Лейтон давно умер, Роберт всегда пропадает на рыболовецком судне, а её дочь, унаследовав любовь матери к театру, ездит по миру с бродячими артистами. От неё регулярно приходили почтовые открытки: из Филадельфии и Бостона, из Сент-Луиса и Чикаго.

— Но я не знаю, где она сейчас. Где угодно, но только не в Нью-Йорке, — произнесла женщина, покачав головой.

— А сохранилось ли у вас что-то от Роберта? Может, последний адрес или фотография?

Адрес миссис Лейтон не знала, но согласилась поискать фотографию. Среди газет она нашла потрёпанный чёрно-белый снимок из детства Роберта, и я тотчас узнал на фотографии женщину из газетной статьи. На руках Элейн держала пятилетнего мальчугана — должно быть, это и был Роберт. Рядом с ней стояли молодая миссис Лейтон с мужем и дочерью.

Я заметил, что в молодости миссис Лейтон тоже была красива.

Как и её дочь, насколько я мог судить по снимку, несмотря на то, что её лицо было наполовину скрыто шляпкой с перьями и вуалью.

Они создавали впечатление очень счастливой семьи. Так что же разрушило их счастье?

Наверно, большую роль сыграло самоубийство Элейн Коби... Но я не думал, что это единственная причина. Скорей всего, самую главную роль сыграла психическая болезнь, забравшая членов этой семьи одного за другим.

Семейное проклятие, не иначе.

— Мы были тогда так счастливы, — прошептала миссис Лейтон, разглядывая фотографию.

— В этом доме есть комната, в которой жил Роберт? — спросил я. — Может, сохранился его письменный стол или какие-то вещи в подвале?

Я думал о его рукописях либо о любом другом образце почерка, который мог остаться в этих стенах. Мы до сих пор не были уверены, что он и есть убийца, которого мы ищем, но его почерк мог бы сразу расставить всё по местам.

Миссис Лейтон покачала головой.

— Он забрал все вещи, когда съезжал. К тому же, подвал постоянно затапливает, и там невозможно что-то хранить.

Мы поблагодарили женщину за уделённое нам внимание.

Когда мы уже почти подходили к калитке, я дёрнул Алистера за рукав.

— Смотри! Там, в углу. Видишь? — я показал на заброшенный сарай у дальнего края участка.

— Выглядит заброшенным.

Мы с Алистером обменялись многозначительными взглядами.

Я осмотрел соседние дома.

Разница между домом миссис Лейтон и окружающими коттеджами была колоссальной и сразу бросалась в глаза.

— Он находится на участке Лейтон.

Я развернулся и пошёл назад. По моим уверенным шагам никто не мог бы догадаться, что внутри меня поселился страх.

Через несколько десятков шагов мы с Алистером подошли к дальнему северо-западному углу сада, где стоял запертый на замок и скрытый за деревьями дровяной сарай.

В нём не было окон; лишь узкая дверь.

Мне так хотелось развернуться и быстрым шагом пойти назад, на улицу, к парому — как можно дальше от этого богом забытого места.

Но сегодня мы проделали слишком долгий путь, чтобы оставить всё незавершённым.

Практически без усилий я открыл навесной замок на двери сарая и толкнул дверь.

И с тех пор, как вошёл внутрь, пробираясь через сети паутины, в это сосредоточение зла, я ни на секунду не пожалел о своём решении.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Дровяной сарай. Бэй-Авеню, Шелтер-Айленд.

Я вошёл первым, прорываясь через паутину, оплетающую дверь с обратной стороны.

На голый земляной пол были кое-как набросаны полусгнившие доски, от которых исходил запах плесени, гнили и болота.

Посреди комнаты я наткнулся на пять коробок, поставленных друг на друга пирамидой.

— Всё в порядке? — от двери донёлся обеспокоенный голос Алистера.

— Всё хорошо, — ответил я. — Но немного света не помешало бы.

Несмотря на то, что помещение было небольшим — всего два с половиной на три метра

— света от пасмурного, серого неба не хватало, чтобы хорошо всё рассмотреть.

— У меня с собой есть коробок спичек. Подойдёт? — крикнул Алистер.

— Сейчас попробую найти свечу.

Если Роберт много времени проводил в этом сарае и приходил сюда по вечерам, значит, ему был необходим источник света.

В конце концов, я нашёл на столе наполовину сторевшую свечу, установленную на блюде.

Алистер вошёл внутрь; мы зажгли свечу и некоторое время постояли, не двигаясь, давая глазам возможность привыкнуть к смене освещения.

Я слышал, как моё сердце колотится в предвкушении.

Спустя несколько минут мы уже могли рассмотреть окружавшие нас предметы.

Я подошёл к столу.

Под толстым слоем пыли и плесени лежали обычные предметы обихода: катушка ниток, мячик, какой-то рычаг, колода карт, вязальные спицы и несколько стопок книг. От последних тянуло гнилью и плесенью — и не удивительно, ведь крыша явно протекала.

Также на столе лежала программка и два билета на спектакль «Сирано де Бержерак», датированные тридцатым ноября 1899 года. Я узнал главного актёра — Ричарда Мэнсфилда, но он не относился к труппе Фромана.

— Начнём отсюда, — мрачно предложил я, кивая на южную стену с приклеенными фотографиями и открытками.

Я осторожно направился к стене, обойдя кучу мужской и женской обуви, сваленной на моём пути.

Алистер нервно обернулся на открытую дверь.

— Пусть сюда лучше заходит свежий воздух, — произнёс я. — Не думаю, что кто-то заметит. С улицы этот угол двора не виден.

Алистер сделал глубокий вдох и подошёл ко мне; старые доски жалобно заскрипели под его шагами.

— Осторожно, — предупредил я, когда он чуть не врезался в кучу обуви, которую я только что удачно обошёл.

Я поднёс свечу к стене, освещая фотографии одну за другой, насколько это позволял скудный свет пламени.

И там, на стене, мы нашли подтверждение того, что, наконец, отыскали своего противника.

Изображения Пигмалиона.

На чёрно-белой фотографии был изображён мужчина, тянущийся к обнажённой женщине. Наверно, это было репродукцией картины — такие продают за несколько центов на ступеньках Музея искусств.

Внизу стояла подпись: «ПИГМАЛИОН И ГАЛАТЕЯ».

Вторая фотография была практически идентичной — те же фигуры, только снятые под другим углом.

Алистер тихонько присвистнул.

— Ты знаешь, что это? — спросил я.

Алистер кивнул.

— Это открытки с изображениями двух картин Жан-Леона Жерома. На них изображён скульптор Пигмалион и его творение — Галатее. Обе картины показывают момент, когда Галатее оживает. А вот и ещё одна! — воскликнул Алистер, указывая на открытку, на которой были нарисованы женщина, скульптор и ребёнок. — Я её тоже видел. Забыл фамилию художницы... Анна... В общем, начало девятнадцатого века. Эта картина является отображением мифа о том, что у Пигмалиона и его статуи родился сын.

Я перевёл взгляд правее — рядом с открытками алыми, небрежными буквами было написано:

*«Жизнь боги зиждут,
А я — ваяю смерть!»*

Я почувствовал, как кровь отлила от моего лица.

В этом мрачном, богом забытом месте, где, возможно, жил убийца, эта фраза звучала особенно зловеще.

Мы действительно нашли преступника.

Как-то Алистер сказал, что человек, которого мы ищем — а теперь мы знали, что это Роберт Коби, — был одним из самых незаурядных убийц, с кем ему приходилось иметь дело. И я тогда ответил, что не желаю пропускать через себя его поступки и пытаться понять его одержимость.

Но в этом сарае я, наконец, осознал, что обязан сделать именно это, если хочу его поймать.

Поэтому я сделал глубокий вдох и спросил Алистера:

— Как ты думаешь, эта фраза имеет отношение к фотографиям?

Алистер поставил блюдце со свечой на полочку и пробежал пальцами по надписи.

— Не могу сказать точно, — ответил он наконец. — Но я уверен, что она имеет отношение к Пигмалиону. Возможно, это цитата из пьесы.

Я вытащил записную книжку и карандаш и записал фразу.

Алистер провёл рукой по волосам.

— Мы должны представить всё это, — он обвёл рукой помещение, — с точки зрения Роберта. Думаю, не ошибусь, если скажу, что он поселился в этом сарае оттого, что он стоит отдельно от основного дома. Он использовал уединение этого места, чтобы возвращать свою одержимость.

Он на секунду замолчал.

— Сейчас мы находимся в месте, где зародились его фантазии.

— Фантазии, которые он перевёз с собой в город и воплотил в жизнь на сцене трёх различных театров, — подхватил я мысль Алистера.

Сегодня я был благодарен Алистеру за то, что он пошёл со мной. Мы с ним не всегда сходились во мнениях, но сейчас мы вместе старались достигнуть одной цели.

— Но меня кое-что смущает: какую роль Фроман и Лев Айзман играют в планах Роберта? Мы знаем, что Роберт одержим определённым типом женщин; если конкретнее — теми, кто соответствует его фантазиям о Пигмалионе и Галатее. С другой стороны, он поставил своей целью театры Фромана. Его тётя обвиняет Фромана и Айзмана в том, что они разрушили жизнь Элейн Коби. Матери Роберта. В целом, одержимость Коби выглядит

именно так, как ты мне всегда говорил: фантазии человека играют существенную роль в становлении его преступного поведения.

— Продолжай, — кивнул Алистер.

— Но всё остальное звучит, как обычные заговор ради мести. У меня никак не получается их склеить их вместе. В этом нет смысла, — развёл я руками.

Алистер озадаченно улыбнулся.

— Ты же сам говорил: жизнь — не научная теория. Как тебе такой вариант: Роберт Коби совместил свою одержимость женщинами — точнее, мёртвыми женщинами в образе Галатеи, — и ненависть к Чарльзу Фроману?

— Убив двух зайцев одним выстрелом?

— Именно.

Я снова посмотрел на алую надпись и ощутил лишь одно — страх.

Словно догадавшись, что я чувствую, Алистер добавил:

— Вспомни, что я тебе говорил: зло пугает нас тем меньше, чем больше мы о нём узнаём.

Я перевёл взгляд на стоящие посреди помещения пять коробок.

— Думаю, их содержимое сможет пролить свет на наше расследование.

Преодолевая нервозность, мы начали пробираться к коробкам, отводя в стороны целые кружева паутины.

Я склонился над первой коробкой и перочинным ножиком разрезал скотч, которым она была склеена.

Я как раз протянул руку к лежащему сверху предмету, когда дверь сарая с громким лязгом захлопнулась, отрезав нам дневной свет.

Мы подпрыгнули на месте. В панике Алистер бросился к двери, распахнул и её и осмотрел сад. Я кинулся вслед за ним, вытаскивая на бегу пистолет.

Мы разделились, обогнули сарай с двух сторон, осмотрели заросли винограда и нестриженные кусты, окружавшие строение.

— Может, это ветер?

Алистер с сомнением покачал головой — несмотря на пасмурный день, ветер не мог с такой силой захлопнуть дверь.

Но по какой бы причине дверь ни закрылась, на улице не было ни души.

Мы вернулись в сарай, снова зажгли свечу и продолжили работу с утроенной энергией. Я не мог отделаться от ощущения, что мы находимся в жутком, проклятом месте, и оба хотели как можно скорее покончить с поисками и выбраться отсюда.

Мы вскрыли все коробки, одну за другой, разглядывая содержимое в дрожащем пламени свечи.

Сначала не заметили ничего существенного: несколько блокнотов с записями многолетней давности — от стихов до пьес, написанных уже знакомым нам тонким, неаккуратным почерком.

И ничего похожего на дневник.

Никаких фотографий.

Никаких личных писем, даже от матери.

Я был удивлён: большинство людей хранят подобные вещи. Даже в моей квартире в Добсоне, несмотря на спартанские условия, на шкафу стояла коробка с фотографиями и письмами, написанными моей матерью и Ханной. Эти вещи были слишком болезненными,

чтобы видеть их каждый день, но слишком дороги, чтобы их выбрасывать.

С другой стороны, Роберт мог хранить подобные ценности в другом месте, а мог и вообще избавиться от таких воспоминаний.

После того, как мы покончили с коробками, ещё раз осмотрел сарай, чтобы ничего не упустить.

И тогда-то я и нашёл последнюю коробку.

Она больше напоминала небольшой чемоданчик, сделанный из плотного картона.

Эта коробка оказалась тяжелее других. Она была закопана в землю под несколькими набросанными досками, которые я отшвырнул в сторону.

Мы с некоторым трудом подняли её и поставили поверх остальных коробок.

Она была заперта на навесной замок, но он был простым, и я без труда вскрыл его с помощью захваченных инструментов.

Алистер поднял свечу над содержимым коробки.

Мы заглянули внутрь и увидели лишь скомканную простыню, чей цветочный узор был покрыт какими-то тёмными пятнами. Я потянул руку, чтобы отодвинуть её в сторону.

Медленно, медленно...

Пока мы с Алистером не рассмотрели, что лежало под тканью.

Если бы не были заранее готовы к самом худшему, то оба бы подпрыгнули на месте, а то и вскрикнули.

— Какого дьявола..., - прошептал Алистер.

В коробке лежала чья-то рука — точнее, скелетные останки. Кости были небольшими и тонкими, хотя, конечно, мы не могли знать, как эта рука выглядела при жизни.

На третьем пальце руки поблёскивало кольцо с сапфиром и бриллиантами. Драгоценности красиво переливались в свете свечи.

Мы оба вздрогнули, когда через открытую дверь в сарай ворвался порыв ледяного ветра.

— Эти кости человеческие? Наверно, женские? — предположил я, понимая, что делаю заключение лишь по тому, что кольцо на пальце, очевидно, принадлежало женщине, и убита она была в нём.

Алистер задумался.

— Кости довольно маленькие. И тот факт, что он оставил кольцо на пальце — или надел его на палец уже после смерти — должно что-то значить.

Больше в коробке ничего не было.

С улицы донёлся шум, и мы быстро переложили содержимое саквояжа Алистера в мой портфель, а в саквояж Алистера сгрузили скелетные останки и кольцо.

По дороге к парому мы с ним обсуждали два самых важных вопроса, стоявших сейчас перед нами: как доказать, что останки принадлежат человеку, и как отыскать Роберта Коби.

— Я должен пойти к Малвани, — говорил я. — Но я не смогу убедить его, что он не прав, если у меня не будет убедительных доказательств.

— А разве мы сегодня не нашли достаточно «убедительных доказательств»? — удивлённо посмотрел на меня Алистер.

— Все эти улики косвенные, — покачал я головой. — Мы даже не можем с уверенностью сказать, что кости принадлежали человеку.

— Выглядят они очень даже человеческими, — резко ответил Алистер.

— А внешность бывает обманчива, — возразил я. — Я не стану рисковать своей репутацией из-за неубедительных доказательств.

К счастью, Алистер придумал выход: оказалось, у него есть друг — палеонтолог из Американского музея естественной истории, на знания и профессионализм которого можно было положиться.

— Ты уверен? — уточнил я. — В конце концов, кости динозавров и людей отличаются. Может, стоит рискнуть и связаться с доктором Уилкоксом?

Алистер отмахнулся от моих опасений:

— Мой друг будет рад нам помочь.

Мы успели на последний поезд до Нью-Йорка, и за всю дорогу практически не проронили ни слова.

Кости, лежавшие в саквояже Алистера, не отпускали меня ни на секунду и не давали расслабиться, напоминая о том, что кто-то ушёл от заслуженного наказания.

Четверг

22 марта 1906 года

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Американский музей естественной истории. К западу от Центрального парка. Пересечение 78-ой и 81-ой улиц.

— Ваши подозрения, джентльмены, весьма мрачны. Мои скудные познания могут их не подтвердить.

Профессор Сол Ломан поправил сползшие на кончик носа очки.

— Мы всё же рискнём, — попытался отшутиться Алистер, а затем посерьёзней. — И мы очень ценим то, что ни один другой эксперт не согласился бы встретиться с нами в такой короткий срок, чтобы осмотреть останки и рассказать что-нибудь о возрасте, поле и жизни потерпевшего.

Сол хмыкнул.

— Ты надеешься на слишком многое, друг мой.

За окном раздался раскат грома, и свет в помещении моргнул.

Сейчас было глубоко за полночь, и мы находились в нью-йоркском Музее естественной истории.

Перед тем, как сесть на поезд в Нью-Йорк, нам удалось отыскать телефон, и Алистер сделал два звонка.

Первым эмоциональным звонком Солу Ломану он убедил палеонтолога открыть лабораторию поздно ночью, когда тот должен был давно лежать в постели.

Вторым звонком Фрэнку Райли он дал указ репортёру найти все старые заметки в газетных новостях, где упоминается пропажа людей в Шелтер-Айленд за последние десять лет.

Я тоже сделал звонок старому другу из Пятого участка; он обещал просмотреть все полицейские отчёты и городской справочник в поисках упоминаний о Роберте Коби.

По дороге в Нью-Йорк Алистер рассказал мне, что Сол Ломан был одним из лучших экспертов в области палеонтологии; Генри Фэрфилд Осборн лично выбрал его для восстановления некоторых потрясающих окаменелостей времён динозавров.

Но меня больше волновало то, что профессор мог рассказать о найденных в Шелтер-Айленд останках.

С каждым часом премьеры «Ромео и Джульетты» в четверг вечером становилась всё ближе. А мне нужны были доказательства, с которыми я бы смог обратиться к Малвани за помощью.

— Я понимаю, что лучше было связаться с антропологом — специалистом по человеческим останкам, — извиняющимся тоном произнёс Алистер, — или даже с кем-то из офиса коронера.

— Так почему ты позвонил мне? — тон профессора был мрачен, но я заметил проблеск интереса в его глазах. — Существуют ведь и более квалифицированные специалисты, чем я. Алеш Грдличка из Смитсоновского института специализируется на анализе человеческих останков. А Джордж Дорси из Полевого музея в Чикаго часто работает над делами об убийствах, включая то знаменитое дело колбасника пять лет назад. Каждый из этих людей, — подчеркнул профессор, — смог бы помочь вам гораздо лучше, чем я.

— Нам нужна помощь как можно скорее. Даже завтра утром уже может быть поздно. Даже я слышал в собственном голосе отчаяние.

Сол Ломан с сомнением посмотрел на меня, и я добавил:

— Мы работаем над этим делом неофициально.

— Вот как...

Глаза профессора загорелись ещё ярче. И я понял, что профессор — непростой человек; его очень прельщает идея участвовать в тайном, неофициальном расследовании. Это возбуждало его больше, чем официальный запрос от полиции.

Я должен был понять, что человек, согласившийся встретиться с нами посреди ночи в музее, куда до утра не пускают посторонних, был своего рода вольнодумцем.

Совсем как Алистер.

Сол Ломан очень рисковал, согласившись нам помочь; но к счастью, он готов был пойти на риск ради просьбы Алистера.

— Хорошо. Начнём.

Профессор подошёл ближе к скелетным останкам, разложенным на белой простыне. Он аккуратно коснулся кости маленьким инструментом, напоминавшим зубочистку, и приступил к анализу.

— Так... Могу сказать вам уже сейчас, что кости действительно принадлежат человеку. Посмотрите сами — они идеально совпадают.

Он показал нам изображение скелета человеческой конечности.

— Кости, образующие пальцы, называются фалангами. Посмотрите, как они похожи на те, что изображены на плакате. К примеру, большой палец, — он коснулся названной части кисти инструментом. — Видите? Вот это — дистальная фаланга, затем идёт проксимальная, и наконец — запястье. А вот эти кости, — он передвинул импровизированную указку, — называются пястными.

Он раскрыл лежавший перед ним толстенный справочник по анатомии человека.

— К сожалению, кости, которые вы принесли, не слишком подходят для определения происхождения скелета. К примеру, по тазовым костям можно сказать, принадлежат кости к женскому или мужскому скелету, потому что природа предусмотрела для женщин более широкий таз в связи с предстоящими родами. По костям лицевого черепа, а конкретнее — по зубам, можно предположить возраст умершего.

— Мы понимаем, что ты не волшебник и не сможешь рассказать нам всё.

Алистер подошёл ближе к столу, слушая профессора с восхищением и вниманием.

— А ещё с тем, что я вам расскажу, вряд ли согласятся другие учёные. Эти вопросы весьма дискуссионны, и мои заключения могут ничего не доказать.

Ломан провёл несколько измерений и продолжил:

— Конечно, более точную информацию можно было бы почерпнуть из длинных трубчатых костей, но будем работать с тем, что есть. Принимая во внимание размеры этих останков, могу сказать, что кисть принадлежала женщине. Видите, как они практически полностью повторяют изображённый на рисунке скелет?

— И это подтверждается найденным на пальце скелета кольцом, — кивнул Алистер.

— Вы можете определить, насколько быстро тело способно превратиться в скелет? — спросил я.

Профессор Ломан пожал плечами.

— Зависит от того, где было найдено её тело. Например, если к нему был, скажем так, «доступ» насекомых и диких зверей, то подобное скелетирование — вопрос одного-двух месяцев.

— И каков крайний срок, если учесть, что тело разлагалось медленнее?

Профессор вздохнул и задумался.

— Полагаю, около полугода. Или больше — этого кости уже не скажут. Она могла пролежать в лесу и три месяца, и три года — изменения будут одинаковы. То, что её рука теперь превратилась в скелет, говорит мне лишь о том, что обладательница сей конечности умерла не в течение последних недель.

Сол Ломан достал лупу и поднёс к большому пальцу.

— Ещё могу сказать, что она однажды травмировала палец. Вот эта костная мозоль, — он коснулся нужной области инструментом, — указывает на хорошо сросшийся перелом.

— И насколько давно? — уточнил Алистер.

Профессор пожал плечами.

— Это невозможно определить. Думаю, ещё в детстве. Но эта деталь может помочь вам выяснить личность жертвы. Если, конечно, владелица кольца и обладательница этой руки — один и тот же человек.

Я подумал о золотом кольце, в котором между двумя небольшими бриллиантами переливался крупный сапфир. Такие украшения обычно носили молодые девушки.

Естественно, есть вероятность того, что Роберт Коби просто нашёл это кольцо. Или это могла быть драгоценность, принадлежавшая его матери.

И всё же, учитывая, с кем мы имеем дело, я был уверен, что кольцо на руке — не простая случайность.

Ведь Роберт Коби ничего не делал случайно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Особняк Вандергриффов, Пятая Авеню, 969.

Нам удалось поспать пару часов в квартире Алистера до наступления рассвета. Когда мы вышли в гостиную, оказалось, что нас там уже дожидается Фрэнк Райли.

Он выяснил, что пять лет назад во время отдыха со своей семьёй на Шелтер-Айленд

пропала красивая юная леди по имени Франсин Вандергрифф.

Я понимал, что времени у нас мало, и вполне довольствовался именем нашей жертвы.

Но Алистер хорошо знал Вандергриффов и настоял на том, чтобы мы навестили их сегодня утром.

— Малвани считает, что дело закрыто, — напомнил он мне. — Он не появится в офисе до девяти часов. К тому же, Вандергриффы могут знать, где сейчас находится Роберт Коби.

Я решил, что это веское основание для визита к миссис Вандергрифф.

Мой друг из Пятого участка не нашёл ни единого упоминания о Роберте Коби.

— Странно, — сказал он, — складывается такое ощущение, что этого человека не существует.

— А миссис Вандергрифф примет нас в такой час? — поинтересовался я.

Ещё не было и восьми часов утра, и столь ранний визит казался верхом неприличия.

Но в голосе Алистера не было ни капли сомнения:

— Это касается её дочери. Она нас примет.

И вот мы уже ехали с Алистером по Пятой авеню — «улице миллионеров», как называли её местные, — чтобы встретиться с миссис Вандергрифф.

Белый мраморный особняк Вандергриффов с железной резной изгородью был просто произведением искусства — и одним из самых больших на этой улице.

Но я видел лишь траур, окутавший этот особняк.

Я знал, что Вандергриффы, как и Алистер, принадлежали к сливкам общества Нью-Йорка.

Мне, конечно, редко выпадала возможность оказаться в подобных домах, но вышколенная, сдержанная прислуга, встретившая нас у двери, не стала для меня сюрпризом. Как не стали сюрпризом и позолоченные люстры, и массивная дубовая мебель в гостиной, куда нас провели; не сомневаюсь, что во всех зажиточных нью-йоркских семействах дом обставлен одинаково.

Но в этом доме стояла такая аура печали, что её можно было чуть ли не потрогать.

Горе здесь стало практически материальным.

Нам не пришлось долго ждать миссис Вандергрифф. К нам спустилась импозантная пожилая дама с высокими скулами, серебристо-седыми волосами и высокомерным взглядом. Изящным движением она надела на нос пенсне, которое висело на брошке из слоновой кости, прикрепленной к тёмно-лиловому шёлковому платью.

Несколько секунд она не сводила с Алистера взгляд.

— Твоя супруга не навещала меня уже несколько месяцев, — произнесла она, неодобрительно хмурясь. — А ты позволяешь себе отвлекать меня в столь ранний час.

Я мысленно застонал: это не было похоже на начало дружеского разговора.

Но Алистер улыбнулся и ответил:

— Меня моя супруга тоже не навещала уже несколько месяцев. Она, знаете ли, живёт теперь за границей.

Миссис Вандергрифф бросила на него суровый взгляд.

— Значит, мог и сам меня навестить, — резко ответила она, — и поинтересоваться моим здоровьем и здоровьем Генри — то есть, мистера Вандергриффа.

Полный сарказма ответ Алистера, очевидно, был следствием бессонной ночи.

— Наверно, нам лучше поговорить о погоде. Давайте обсудим, что этот март был особенно холодным и снежным, и уже потом перейдём к серьёзным вещам.

Я думал, миссис Вандергрифф разозлится на эту грубость, но вместо этого увидел, как по её губам скользнула улыбка.

— Хорошо, Алистер. Я обсужу с тобой погоду. Позже. А сейчас согласна перейти к серьёзному разговору.

И она тихо фыркнула.

— Спасибо, что согласились встретиться с нами в такой ранний час, — произнёс Алистер, пытаясь наиболее безболезненно перейти к теме нашего разговора. — Это детектив Саймон Зиль. Я понимаю, прошло уже много времени, но мы здесь по поводу вашей дочери.

— Франсин? — ахнула она, с надеждой глядя на меня.

— Примите наши извинения, но мы её не нашли, — ответил Алистер. — Но в ходе расследования исчезновения другой девушки всплыло имя Роберта Коби. Вы с ним знакомы?

Миссис Вандергрифф перевела взгляд на Алистера и плотнее запахнула на груди шаль.

Но ничего не ответила.

— Мы считаем, что исчезновение вашей дочери связано с Робертом Коби, — заметил Алистер, замолчал на секунду и добавил: — Нам может помочь любая информация о Роберте Коби или его взаимоотношениях с вашей дочерью.

Миссис Вандергрифф смерила Алистера взглядом, полным злости.

— Вы порочите имя моей дочери, пытаясь найти связь там, где её нет! И оскорбляете меня, начиная разговор, который, без сомнения, причинит мне боль!

— Я не хотел вас обидеть или оскорбить, миссис Вандергрифф. И мне жаль, что приходится поднимать такую болезненную тему. Но связь, которую ваша семья, — он на секунду запнулся, — а в частности — ваша дочь, имели с Робертом Коби, это лучшая зацепка, которую мы нашли на данный момент. И я уверяю вас, что это весьма срочное дело.

Они смотрели друг другу в глаза несколько долгих секунд.

Миссис Вандергрифф сдалась первой. Она прикусила нижнюю губу, а когда заговорила, впервые за это утро её слова звучали без притворства.

— Вы считаете, что местонахождение Роберта может привести вас к моей Франсин?

— Возможно.

Она смотрела вдаль, беззвучно шевеля губами.

— Я не пришёл бы сюда необдуманно, миссис Вандергрифф. Не забывайте, я тоже знаю, что значит — потерять ребёнка, — горячо прошептал Алистер.

— Как и Роберт, — произнесла она, вздохнула и повесила пенсне обратно на брошь, — по крайней мере, мне так казалось.

— Роберт? — я едва выдохнул его имя.

Миссис Вандергрифф вздохнула.

— Буду честна с вами: Роберт не понравился мне с первой же минуты. Меня возмущало внимание, которое он оказывал моей дочери. Я беспокоилась о её репутации, ведь Роберт был абсолютно неподходящей партией. И чувствовала, что мой супруг даёт ему ложные надежды, проявляя интерес к его карьере. В качестве благотворительного жеста, мой Генри — точнее, мистер Вандергрифф, — пытался помочь Роберту закрепиться в театральном бизнесе.

Она замолчала на некоторое время, но мы её не торопили и просто ждали, когда женщина продолжит.

— Роберт воображал себя писателем — точнее, драматургом. Мистер Вандергрифф прочёл кое-что из его работ и решил, что они неплохи; в результате, он познакомил Роберта

с некоторыми наиболее влиятельными театральными деятелями нашего города.

Она подчеркнула словосочетание «театральными деятелями» и фыркнула, словно не одобряла их.

— Не думаю, что из этого что-то вышло.

— Вы упомянули, что позже изменили своё мнение о Роберте. Почему? — спросил я.

— Потому что увидела, что не права. Я судила его слишком строго.

Миссис Вандергрифф поджала губы.

— Когда Франсин исчезла тем летом на Шелтер-Айленд, Роберт повёл себя превосходно, — произнесла она, в отчаянии заламывая руки. — Никто не оказал нам большей поддержки. Он организовал поисковый отряд по всему острову, написал несколько статей и заметок в местные газеты в надежде, что кто-то узнает Франсин по описанию или по фотографии. Роберт навещал нас каждый день.

Она сделала глубокий вдох.

— А когда у нас больше не осталось надежды, когда ему пришлось опустить руки и вернуться в город, он сделал самый чудесный подарок из всех возможных. Он назвал его «Молитва о Франсин» — сборник великолепных стихов, каждый из которых был данью уважения нашей дочери. Каким-то образом ему удалось найти слова для тех эмоций, которые были заперты глубоко в моем сердце.

Она приложила ладони к груди.

— Но теперь вы не видите с ним постоянно? Не знаете, где он живёт? — озадаченно спросил я.

— Нет. Он — молодой человек с собственными интересами, — ответила она с бледной улыбкой.

И с вызовом добавила:

— Теперь, после моего рассказа, надеюсь, вы понимаете, что он никак не мог быть связан с исчезновением Франсин? После всего, что он для нас сделал? После прекрасных стихотворений, которые он о ней написал?

— Мы можем увидеть сборник, который он сочинил? — мягко поинтересовался Алистер.

— Конечно. Только не думаю, что несколько строф приведут вас к пропавшему человеку, — ответила она и вышла из комнаты.

Я посмотрел на часы.

— У нас мало времени, — напомнил я Алистеру.

— Нам ещё нужно показать ей кольцо, — ответил он. — Терпение, мой друг, терпение.

Через несколько минут миссис Вандергрифф вернулась с книгой цвета слоновьей кости. Она неохотно передала её Алистеру.

— Как я уже сказала, стихи прекрасны, — она неловко замолчала.

Алистер протянул мне книгу, и я увидела, что каждое стихотворение было тщательно отпечатано на машинке и окружено сложными иллюстрациями, в основном — цветочными.

Миссис Вандергрифф была права: их эмоциональный тон был нежен и тонок; так может чувствовать себя только родитель, потерявший ребёнка. Ни от одного из стихов не веяло страстью или романтикой.

Миссис Вандергрифф приложила ладонь к сердцу.

— Он сумел выразить словами все мои чувства к Франсин. Мою вечную привязанность. Моё горе и мою утрату.

Я отвернулся, когда она достала из кармана кружевной платок и промокнула глаза — чувствовал, что вторгаюсь в нечто глубоко личное.

— Благодарю вас, миссис Вандергрифф. И ещё кое-что...

Алистер выложил на кофейный столик, стоящий между нами и женщиной, кольцо с сапфиром и бриллиантами.

— Это кольцо могло принадлежать Франсин?

Миссис Вандергрифф застыла.

— Где вы его нашли?

Слова вышли отрывистыми, а голос женщины охрип.

Она потянулась, чтобы коснуться кольца, и отдернула руку, словно испугалась чего-то. Затем снова протянула руку... Наконец, она справилась с собой и осторожно взяла кольцо, легко проведя указательным пальцем по ободку.

— Кто-то на Шелтер-Айленд нашёл кольцо и отдал его нам, зная, что мы планируем с вами встретиться, — ответил Алистер, мешая правду с ложью.

— Где именно? — её глаза перебежали с Алистера на меня и обратно.

— Недалеко от отеля, — ещё одна полуправда.

На лице миссис Вандергрифф отразилось облегчение.

— Ну, конечно, она часто гуляла по дороге вдоль отеля.

Она крепко сжала кольцо в ладони и прижала его к груди.

— Мы с её отцом... Мы подарили Франсин это кольцо на её восемнадцатилетие. Всего за год до того, как её потеряли.

— И ещё один вопрос, который может показаться странным: ваша дочь когда-нибудь ломала палец?

— Да, конечно, — удивлённо посмотрела на нас миссис Вандергрифф, — ей тогда было десять. Мы взяли её с собой на лодку, и она повредила палец, катаясь на мачте.

Мы с Алистером переглянулись.

Конечно, мы пока ничего не могли ей сказать, поэтому Алистер пробормотал что-то вроде извинения, которое, казалось, успокоило её; тем более что сейчас все её мысли были заняты найденным кольцом.

Я практически не чувствовал вины. Если ждать плохих новостей так долго, то несколько дней уже ничего не изменят.

Я потянулся за кольцом.

— Нам нужно это кольцо ещё на некоторое время. Потом, я обещаю, мы вернём его вам, миссис Вандергрифф.

Она неохотно сдалась.

Алистер взял сборник стихов, раскрыл его, просмотрел несколько строк и протянул книгу миссис Вандергрифф.

В этот момент из-за обложки выпал белый конверт. Алистер поднял его, протянул женщине, и она спросила:

— Не хотите взглянуть на фотографии Франсин? Мы сделали их в последнее проведённое вместе Рождество.

Мы не смогли отказаться.

Мне не терпелось поговорить с Малвани и продолжить это дело.

Я почти не смотрел на фотографии, когда она протянула их мне; на каждом снимке была изображена красивая девушка с высокими скулами и вьющимися каштановыми

волосами. Она явно унаследовала уверенность и решительность своей матери — это было видно и по её позе, и по выражению лица.

Я быстро взглянул на последнюю фотографию: группа молодых людей собралась вокруг пианино на рождественском вечере; на заднем фоне виднелась украшенная ёлка.

Я снова вытащил карманные часы: почти девять утра. Нам пора уходить.

Однако что-то заставило меня ещё раз взглянуть на последнюю фотографию.

Я сосредоточил своё внимание на человеке, который широко улыбался в заднем ряду. Даже на чёрно-белом снимке были хорошо заметны идеально уложенные волосы и ровные, белые зубы. Он смотрел на меня с фотографии, словно издеваясь над неспособностью его узнать.

Ведь это лицо я уже видел ранее.

— А как этот человек связан с Франсин и Робертом? — взволнованно поинтересовался я.

— О ком вы говорите? — устало произнесла миссис Вандергрифф.

— Здесь, во втором ряду, сразу за Франсин, — показал я.

Но миссис Вандергрифф, казалось, окунулась в воспоминания и плохо меня слышала.

— Милый мой, — вздохнула она, — вы, похоже, совершенно запутались. Как Роберт мог знать его? Вы же показываете на самого Роберта!

Мы продолжали непонимающе взирать на неё.

Озадаченная нашей реакцией, миссис Вандергрифф добавила:

— Эта фотография сделана здесь, в нашем зале, рядом с пианино.

Мы снова взглянули на человека с очаровательной улыбкой, чья книга стихов и внимательное отношение так пленили эту великосветскую даму.

На того самого человека, который убил её дочь.

На человека, который больше не носил имя Роберта Коби.

Он знал о каждом нашем шаге, потому что прикрытие нашего расследования было его работой. Алистер довольно близко с ним работал. Слишком близко, я бы сказал.

Внезапно всё встало на свои места.

Разочаровавшийся драматург.

Уважаемый театральный критик из «Нью-Йорк Таймс».

Роберт Коби.

Джек Богарти.

Один и тот же человек.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Центральный парк, пересечение Пятой Авеню и 78-ой улицы.

Есть особый момент, которого я жду в каждом расследовании: когда разрозненные фрагменты доказательств волшебным образом собираются вместе и представляют разгадку целиком. Иногда это происходит из-за тяжелой работы или проницательного мышления. Но чаще всего, это результат счастливого случая; как и того, свидетелем которого мы только что были у миссис Вандергрифф.

Мы пересекли Пятую Авеню и пошли на юг вдоль Центрального парка.

— Теперь, когда мы знаем правду, всё становится на свои места. Но поверь мне, —

недоуменно покачал Алистер головой, — за время всех наших встреч он ни разу не проявил ни единой патологической черты!

— И со мной так же, — с иронией произнёс я. — Но ты сам говорил: самый дьявольски изощрённый убийца — это тот, кому удаётся водить за нос родных и близких.

— Его роль в обществе полностью маскирует его психопатические наклонности. В отличие от большинства убийц, с которыми мне приходилось работать, этот человек полностью социально адаптирован, — произнёс Алистер и потёр руки. — Ты предпочтёшь встретиться с Малвани сам или хочешь, чтобы я пошёл с тобой?

— Я пока не иду к Малвани.

— Почему, во имя всего святого?! Ещё пару минут назад ты не мог дожидаться встречи с ним, — раздражённо заметил Алистер. — Всё, что мы сделали вчера вечером и сегодня утром, было для того, чтобы помочь тебе предоставить Малвани достаточные доказательства для оправдания По и ареста Роберта Коби — то есть, Джека.

Он похлопал по портфелю, в котором лежала фотография, которую мы позаимствовали у миссис Вандергрифф.

— С таким человеком, как Джек Богарти, этого недостаточно. Теперь я это понимаю, — я ускорил шаг. — Джек привлекателен, и у него слишком хорошо подвешен язык. Если мы вызовем его в суд без стопроцентных доказательств, он очарует присяжных — и они его оправдают.

Алистер изумлённо вскинул брови.

— Как ты можешь так говорить, пока его ещё даже не судили? У нас много улик, связывающих его с этим делом. У меня закрадываются подозрения, что ты не доверяешь нашей правовой системе.

Но моя убеждённость была нерушима.

— Он будет утверждать, что мы совершили ужасную ошибку и обвинили не того человека, основываясь на косвенных уликах. Я видел такое и раньше — чуть больше недели назад.

Я рассказал ему о Лидии Снайдер, которую судили за отравление мужа. Несмотря на то, что улики, несомненно, указывали на неё, она использовала свое обаяние и чары, чтобы убедить присяжных игнорировать все косвенные улики, на которых основывалось обвинение.

— А поскольку речь шла об убийстве, им нужны были лишь обоснованные сомнения, чтобы оправдать Снайдер, — кивнул Алистер. Теперь он принимал мои слова всерьёз.

— С Джеком Богарти будет такая же картина, — произнёс я. — Он — успешный театральный критик, которого любят и уважают. Многие люди поверят, что он никогда не смог бы сделать ничего подобного. Нам не удастся посадить этого человека за решётку, если мы не сможем найти улики, которые напрямую свяжут его с этими убийствами. У него хватит харизмы, чтобы повлиять на любых присяжных. А если его оправдают, он поступит так, как поступал уже прежде: исчезнет, начав новую жизнь с новым именем. И убийства будут продолжаться.

— Ты прав насчёт его модели поведения, — наконец, произнёс Алистер. — И если ты действительно не доверяешь, что обвинение способно построить дело на основании выясненных нами фактов...

— Дело не в доверии. Я говорю о том, что для того, чтобы связать с преступлением некоторых людей — таких, как Джек Богарти, — нужны прямые улики и стопроцентные

доказательства.

На минуту между нами повисло молчание. Затем Алистер произнёс:

— Кажется, ты уже что-то задумал?

— Задумал. Но для того, чтобы воплотить это в жизнь, мне нужно ещё несколько часов.

Я прошу тебя прийти сегодня вечером к Малвани и убедить его попасть на «Ромео и Джульетту».

— Но почему ты сам...

Я постарался не обращать внимания на отразившуюся на его лице тревогу.

— Встретимся там. «Ромео и Джульетта». Приведи Малвани через полчаса после окончания спектакля.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Клуб «Фортуна», Пелл-стрит, 30.

— Это не услуга и не одолжение, — произнёс я, вытаскивая из внутреннего кармана пальто конверт. — Это строго деловое соглашение.

Ник Скарпетта хмыкнул и затушил сигару в пепельнице рядом с собой.

Он протянул толстую руку к маленькому черному телефону на левой стороне стола и пододвинул его к себе.

— Соедините меня с Андервуд, 342, - сказал он.

Я ждал, слушая, как оператор соединяет звонок.

Я не сомневался в том, что он мне поможет. Никки не раз выручал меня из трудного положения — на самом деле, возможно, даже чаще, чем я думал. Когда я был ребёнком, он часто приходил к моей матери и, несмотря на её возражения, возвращал нам проигранные накануне отцом деньги.

— Это для тебя и детей. Убедись, что он не увидит из них ни цента, — бормотал он и исчезал с нашего порога — лишь затем, чтобы вновь вернуться после очередного проигрыша отца.

Несколько месяцев назад он использовал свои связи, чтобы помочь мне отыскать Изабеллу прежде, чем жестокий убийца чуть не забрал её жизнь.

Он всегда присматривал за мной, не выпуская надолго из виду, хотя моя профессия полицейского и несколько усложняла наши отношения.

Никки был ключевой фигурой в преступном мире, и до сих пор мне удавалось поддерживать с ним дружбу, не ввязываясь в его тёмные делишки. Но я прекрасно понимал, что чем больше стану просить его об одолжениях, тем сложнее мне будет хранить нейтралитет, если он попросит об ответной услуге.

Поэтому сегодня я не просил оказать мне услугу. На этот раз я пришёл к Никки в качестве платёжеспособного клиента, осознавая, что его услуги стоят недёшево.

Наконец, телефонная связь была установлена.

— Это Луи, да? Мне нужен ты и Изадор. У меня. Через пятнадцать минут.

Это было всё, что произнёс Никки, возвращая трубку на рычаг.

Он совсем недавно из-за необходимости установил у себя телефон, но старался никогда не вести по нему дела, справедливо опасаясь подслушивания.

Дела он вёл лично, в задней комнате клуба.

— Два человека на один вечер, — хрипло произнёс он.

Я вытащил из конверта несколько купюр.

— Пять сотен, верно?

Он кивнул и сразу спрятал деньги.

— Есть ещё одна проблема, — начал я деликатно. — Мой отец снова объявился в городе.

Никки громко расхохотался.

— А то я не знаю! Сколько ему потребовалось — одна неделя или две? — чтобы оказаться в долгах, как в шелках, во всех игорных заведениях города?

— Сколько он тебе должен?

— Слишком много, — ответил Скарпетта, глядя на меня из-под опущенных век.

— Я намерен вернуть тебе его долг, — произнёс я, решительно вскинув подбородок и уверенно глядя Никки прямо в глаза.

Он открыл коробку с сигарами, стоящую посреди стола, и в нос мне ударил запах испанского кедра — настолько сильный, что практически заглушил запах табака.

Никки аккуратно выбрал сигару, потянулся за спичкой и закурил изящным движением, которое невозможно было даже предположить, глядя на его толстые пальцы-сардельки.

Он несколько раз затянулся и лишь потом заговорил:

— У тебя нет причин это делать.

— Нет, — печально улыбнулся я, — но я всё равно намерен так поступить. Сколько он должен? Тысячу? Две?

Это была гигантская сумма, но я не стал недооценивать веру моего отца в пару тузов.

Никки наклонился вперёд, оперся руками о столешницу и твёрдо посмотрел мне в глаза.

— Он этого не заслуживает. После всего, что он с тобой сделал... И я даже не говорю о его отношении к прекрасной женщине, что была твоей матерью!

Я оставался непреклонен.

— Согласен. Но я всё равно заплачу.

Несколько мгновений Никки просто курил, размышляя и выпуская в воздух почти идеальные кольца табачного дыма.

Я хотел уладить с ним все дела.

Отчасти, я сделал это, заплатив за услуги его людей, в чьей помощи нуждался сегодня вечером. Но ещё мне нужно было вернуть долг моего отца — и тогда мы были бы в расчёте.

Все последние месяцы я жил в страхе, что Никки попросит меня об ответной услуге, которую не захочу оказывать — но и не смогу отказать. Поэтому, покупая свободу отца, я обеспечивал и свою собственную независимость.

— Полторы тысячи, — произнёс он, в конце концов.

Это была моя зарплата за два года — при условии, что я ничего не стану тратить.

На долю секунды я замешкался.

Неужели я действительно хочу так поступить? Насколько проще было бы просто взять и уйти...

Но я сделал глубокий вдох и отдал всю сумму, получив в ответ расписку от Никки.

Ещё некоторое время до прибытия его людей мы вспоминали прежние времена.

* * *

Луи и Изадор, два работника Никки, которых я нанял на сегодняшний вечер, должны

были обеспечить мне грубую силу, если этим вечером мне понадобится подмога.

Луи — высокий африканец с литыми мускулами — раньше был боксёром; до той минуты, как Ник Скарпетта предложил ему более выгодное занятие.

А Изадор, дальний родственник Никки, был плотным коротышкой, который, по слухам, умел виртуозно обращаться с ножом.

Они внимательно слушали, что от них требуется.

Потом я встретился с отцом в том самом баре, где виделся с Молли Хансен вскоре после убийства Анни Жермен. Я объяснил ему, какая именно помощь от него требуется, и он мрачно на меня взглянул.

— Сегодня днём Никки прислал мне личное сообщение. Сказал, что мы с ним в расчёте. Как такое может быть?

— Я позаботился об этом, — ответил я ровным голосом.

— Ты ему заплатил?

Я кивнул.

— У тебя нет таких денег, — угрюмо сказал он. — Я задолжал больше тысячи. Какую сделку ты с ним заключил?

Я улыбнулся над сложившейся ситуацией.

За прошедшие годы мой отец заключал уйму сделок с людьми, более опасными, чем Ник Скарпетта. А теперь он пришёл в ярость, узнав, что я мог совершить такой же поступок.

— Вообще-то, у меня есть такие деньги. Я копил долгие годы, — пожал я плечами. — Ты не забыл? Когда-то у меня были планы, цели и мечты...

Прошло несколько мгновений, прежде чем отец осознал сказанное.

— Ты же собирался жениться на той девушке, да? Ясно, — он сжал губы. — Ты не должен был так поступать, Саймон. Уж точно не ради меня. Я не задержусь в этом мире надолго, а ты обязательно встретишь другую женщину...

— Я сделал это ради себя, — резко ответил я. — Мне нужна была помощь Никки — точнее, его людей. Поэтому у меня к тебе будет просьба: если ты и дальше планируешь играть в карты, делай это в другом месте. Не у Никки. Хватит.

Странно, что у него возникли какие-то возражения по этому поводу. Но я никогда не отождествлял накопленные сбережения со счастливым будущим с Ханной. Они, скорее, обеспечивали безопасность, какой у меня никогда не было в детстве.

Я повёл себя жёстче, чем намеревался.

Но сейчас, рассчитавшись со всеми долгами Никки, не хотел, чтобы мой отец и дальше создавал неприятности.

Я покинул его в баре наслаждаться пинтой «Гиннесса». Рядом на барной стойке оставил записку.

«Театр «Лицеум».

«Ромео и Джульетта».

Вы с Молли нужны мне на месте сразу по окончании спектакля».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Театр «Лицеум», 45-ая улица, дом 149.

Занавес опустился под восторженные аплодисменты Хелен Белл в роли Джульетты.

Я подождал минут двадцать, прежде чем выйти из своего укрытия. Нервы были на пределе.

Театр опустел.

Я зажёл спичку, поднял её высоко над головой — и затушил. Посмотрел на мостик, где увидел ответный сигнал Луи — значит, он на месте, и у него всё тихо.

Изадора я проверил лично. Когда окликнул его по имени, он вышел из-за своего укрытия за занавесом.

— Всё в порядке?

— Всё хорошо, босс.

Я кивнул.

— Будь начеку. Я скоро вернусь.

Я повернул за угол к гримёрке Хелен Белл и остановился. У меня было отчётливое ощущение, что за мной наблюдают. Наверно, это всё из-за нервов.

Отец ответил на мой стук и открыл дверь в комнату мисс Белл.

— А вот и человек, которого я хотел видеть, — просиял он. — Заходи.

Я боком протиснулся в комнату, стараясь не зацепить загораживающие вход букеты. За вечер всё помещение наполнилось цветами и открытками, посланными доброжелателями.

Мисс Белл сидела за туалетным столиком, закусив губу.

— Вот видите, я же говорил: мой сын придёт и всё уладит.

Мой отец улыбнулся.

Мисс Белл — нет.

— Я детектив Саймон Зиль, — произнёс я, придвигая к ней стул. — Мой отец должен был вам объяснить, что сегодня вечером вы находитесь в смертельной опасности. Но вам не нужно бояться. Я попросил его отвести вас в безопасное место.

— Вы действительно считаете, что Чарли собирается меня убить? — голос выдавал её страх.

Чарли — вымышленное имя.

— Да, мисс Белл, — твёрдо произнёс я. — Но не стоит переживать: мы его остановим. Ваше место займёт другая актриса и будет выполнять роль приманки.

Я повернулся к отцу.

— Молли готова?

— Она в соседней комнате, — ответил он. — Сейчас приведу.

Я попросил своего отца — мастера маскировки — помочь Молли превратиться в правдоподобную копию мисс Белл. Но я не был готов к тому, что вошедшая в комнату Молли станет абсолютным, идентичным близнецом примы.

Её кудри исчезли, сменившись париком, который повторял прямые каштановые локоны Хелен. Веснушки и бледная кожа были замазаны густым гримом, схожим по цвету со смуглой кожей мисс Белл. У неё было то же телосложение, что и у Хелен, а теперь она ещё и надела такую же одежду.

В общем, девушка стала зеркальным отражением женщины, которую мы собирались заменить этой ночью.

Лицо Хелен стало мертвенно-бледным.

— Это настолько необходимо? — прошептала она.

— Боюсь, да, — кивнул я.

— Это всего лишь грим и хороший парик, — вставил мой отец с напускной скромностью.

— Но Чарли заметит, что она — не я, — Хелен прикусила губу.

— Надеюсь, только тогда, когда уже будет поздно, — сказал я и добавил с усмешкой: — Мой отец всегда говорил: люди видят лишь то, что хотят видеть.

Мы с отцом переглянулись. Время пришло.

— Мы отведём вас домой, мисс Белл, — произнёс отец.

— Я могу забрать свои вещи? — спросила она, бросив долгий взгляд на цветочные букеты, выстроившиеся в ряд вдоль стен.

— Завтра, — отрезал я. — Они будут ждать вас здесь. Но сегодня не стоит привлекать к вам лишнее внимание.

Когда она ушла, я опустил глаза и прочитал записку, которая все еще лежала на её туалетном столике.

«Пужинаем после спектакля?

Думаю, это надо отпраздновать.

Чарли».

Записка пришла, как мы и ожидали.

Я подавил желание взять её в качестве улики. Джек не должен ничего заподозрить, если мы хотим его поймать.

— Всё готово? — спросил я Молли.

— Абсолютно.

И, вскинув голову, она села в кресло, которое только что освободила Хелен.

— Вам тоже лучше занять свои места. Вы же не хотите, чтобы он вас здесь увидел? — предупредила Молли.

Если она и нервничала, то не показывала этого. Может, всё благодаря её многолетнему обучению актёрскому таланту?

Как бы то ни было, очень храбро с её стороны было согласиться сыграть приманку. И я знал, что она сделала это ради моего отца.

Должно быть, она любила его больше, чем я предполагал. Я почувствовал укол вины: могу ли я подвергать её опасности?

— Вы уверены, что он сегодня придёт? — в её голосе промелькнуло сомнение.

Я попытался ободряюще ей улыбнуться.

— Вполне. Мы проанализировали его поведение на местах предыдущих преступлений и выявили последовательную схему.

— Но откуда вы знаете, что жертвой должна быть Хелен Белл?

— Как только мы поняли, что следующей целью является спектакль «Ромео и Джульетта», мы опросили всех актрис. Только за Хелен ухаживал очаровательный поклонник, который засыпал её любовными стихами, цветами и приглашениями на ужин.

Я пожелал Молли удачи и вернулся на главную сцену.

Все уже ушли.

Я поднялся на сцену, собираясь спрятаться в левой части зала. Но тут же отступил в тень занавеса.

Что-то было не так.

По центру сцены лежал бледно-голубой конверт и сапфирово-синий атласный пояс. Он обвивался вокруг письма, напоминая готовую к броску змею.

У меня заколотилось сердце.

Он пришёл раньше. Он был в театре — но где именно?

Я огляделся; тишина.

Видел ли он меня? Или остальных?

Я посмотрел вверх, пытаясь отыскать прятавшегося на мостике Луи. Там было темно и тихо.

Он ведь всё ещё там?

Я не смел зажечь спичку и рискнуть выдать Джеку своё местонахождение.

Посмотрел на часы: ещё почти двадцать минут до того, как Алистер приведёт Малвани. Если Джек уже здесь, значит, мы ошиблись со временем. Они придут слишком поздно, и остаётся только надеяться, что Малвани поверит словам многочисленных свидетелей.

Я двинулся влево, направляясь к пространству за занавесом, где стоял на страже Изадор. Я должен предупредить его, что Джек уже здесь — если он ещё не знает.

Я держался поближе к чёрным занавескам, подходя все ближе и ближе к участку за кулисами.

Вокруг не было ни звука; лишь моё учащённое дыхание.

Но что-то было не так.

— Изадор, — тихо прошептал я. — Иззи! — теперь мой голос звучал настойчиво и громко. — Ты здесь?

Я отодвинул занавеску, скрывавшую месторасположение Изадора.

Сначала решил, что его там нет.

Я сделал шаг влево и чуть не упал, споткнувшись о лежащее на полу препятствие.

Нога.

Нога Изадора.

Эта неповоротливая громадина лежала на полу без сознания.

Я потряс Изадора за плечо. Никакого ответа.

Я дотронулся до шеи.

Пульса не было.

Он мёртв? К сожалению, у меня не было времени это выяснять.

Запаниковав, я автоматически бросился обратно к гримёрке Хелен, обогнул её и завернул за угол.

Я вспомнил слова Алистера: «Он наслаждается каждой деталью своей работы. А человек, который настолько наслаждается делом своих рук, никогда не остановится. По крайней мере, добровольно».

Он был здесь, и каким-то образом ему удалось быстро и бесшумно вывести из строя Изадора. Он одолел нашего самого крупного помощника, ветерана военных действий. Но каким образом? В конце концов, на стороне Изадора было преимущество в девяносто килограммов.

Мы его недооценили. Если ему улыбнётся удача, всё будет напрасно.

Я коснулся дверной ручки в комнату Хелен и услышал за дверью шорох.

Молли!

Я потянулся за револьвером более крепкой, левой рукой, а правой толкнул дверь. И увидел его, сидящего в кресле за букетами цветов.

Не Джека Богарти, нет. Своего отца. Его руки и ноги были связаны верёвкой, а в рот, вместо кляпа, был всунут красный шейный платок.

Он был один.

Я бросился развязывать его, положив пистолет на пол.

— Вот так, отец...

Он дико дёргался, хрипел и смотрел на меня вытаращенными от страха глазами.

Я замер, сбитый с толку.

Удар по голове оказался полной неожиданностью.

Я отпрянул. Боль была невыносимой, но у меня хватило сил, чтобы осмотреться в поисках нападавшего.

Где Джек?

Боль пронзила голову, и я упал на колени от внезапно возникшего головокружения.

Малвани никогда не успеет вовремя. Мы потерпели неудачу и подвергли опасности собственные жизни.

Ещё один удар пришёл из ниоткуда.

Шатаясь от невыразимой боли, я упал на пол; комната кружилась у меня перед глазами. Усилием воли я старался не закрывать глаза. Борясь с тьмой, грозившей накрыть меня с головой, я смотрел на потолок и на букет алых роз.

А потом увидел лицо с решительным и непоколебимым взглядом.

В первую секунду я подумал, что она пришла на помощь.

Я не осознавал опасности, пока не стало слишком поздно, и я не увидел веревку... и окровавленное лезвие ножа, приближавшееся к моей шее.

Жестокий смех вырвался изо рта кружащегося передо мной лица. Или это была игра моего воображения?

Ведь это был человек, которого я никак не ожидал увидеть — нет, не в таком виде!

Никогда!

Я пытался понять, но мысли ускользали.

Я лишь знал, что ошибался на её счёт — иначе она не схватила бы меня за руки и не связала бы.

Я не мог придумать ни единой причины, по которой она стала бы помогать Джеку Богарти — и, конечно, ни единой причины, по которой она так жестоко предала нас.

Я закрыл глаза, и все мысли исчезли.

Растворились во всепоглощающей боли.

И лишь образ Молли Хансен с ножом оставался перед глазами до последнего, пока меня не накрыла темнота.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Театр «Лицеум», 45-ая улица, дом 149.

Я очнулся в состоянии полнейшей паники. Было совершенно темно. Я не мог пошевелиться, не мог вдохнуть. Клаустрофобия брала надо мной верх. И всё усугубляла жуткая боль в голове и правой руке.

Я снова закрыл глаза, заставляя себя сосредоточиться и дышать медленно. Кислорода хватит, если я расслаблюсь. Воздух вокруг меня был сырой и душный, пахнувший краской.

Не открывая больше глаз, я оценил своё положение.

Руки? Связаны верёвкой за спиной и неподвижны.

Ноги? Сверху на них давило что-то тяжелое и жёсткое. Я мог слегка ими пошевелить вправо-влево — они оказались не связаны; но двигать не мог.

Что ещё я слышал, кроме краски?

Свежераспиленная древесина. И безошибочно узнаваемый затхлый запах сырости.

Я всё ещё был в театре... в единственном месте, где была краска... и дерево... и иногда просачивалась вода.

Подвал, где выпиливали и красили декорации для сцены.

Я попытался осмотреть комнату.

Освещение было тусклым, но как только мои глаза привыкли к темноте, я понял, что лежал под грудой досок. Именно они придавили мои ноги.

Ещё одна куча почти накрывала моё лицо, а несколько досок торчали в десяти сантиметрах от моего носа.

Я собрал все силы в ногах, чтобы толкнуть. Я должен был выбраться из этого затруднительного положения. Но доски оказались слишком тяжёлыми.

Тогда я вывернулся и освободил от груды распиленного дерева лицо и верхнюю часть туловища. И услышал приглушенный стон, заставивший меня дёрнуть головой и посмотреть в его направлении.

Отец.

Он сидел, связанный и с кляпом во рту, у дальней стены.

— Поп, — позвал я. Это прозвище я придумал отцу ещё в детстве — и не произносил его уже долгие годы.

Он закашлялся, и всё внутри него забулькало.

Я хотел помочь ему, но не мог пошевелиться.

Полный разочарования, я опёрся на руки и принял сидячее положение. Затем вылез из-под возвышающейся надо мной груды досок и толкнул её левым плечом, пытаясь развалить.

Это было ошибкой. Снаружи донеслись приближающиеся шаги.

Чьи это шаги? И откуда?

Я застыл, ругая себя за то, что был таким неосторожным.

Шаги замерли.

Из-за леса — точнее, из-за выкрашенной в зелёный цвет декорации, должной изображать деревья, — показалось лицо Молли. Она обошла комнату, сначала осмотрев меня, затем — моего отца. И вздохнула с облегчением.

— Всё ещё здесь, но причиняете кучу неприятностей, — пробормотала она, глядя на кучу обрушенных мной досок.

— Ты же знаешь, что сюда направляется капитан Малвани. Если ты нам поможешь, я выбью для тебя сделку.

Она окинула меня насмешливым взглядом.

— Мне не нужна сделка. И я боюсь, твой капитан так и не придёт.

Молли была в курсе нашего плана. А это означало, что теперь Джек знает, как сорвать каждую его часть.

Мой отец издал булькающий звук. В свете фонаря Молли я увидел, что его подбородок был испачкан кровью. На долю секунды мне показалось, что он ранен. Но потом, когда он чуть не задохнулся, пытаясь откашляться, я понял, что кровотечение было вызвано

туберкулёзом.

— Ради бога! — взорвался я. — Он же захлебнётся собственной кровью, если ты не вытащишь кляп!

Молли захохотала.

— Да он всё равно сдохнет! Какое мне дело?

Ещё один жуткий хрип.

Услышав его, она смягчилась и пробормотала:

— Но я бы предпочла его больше не слышать. Наклонись вперёд, — скомандовала она отцу.

Прежде чем вытащить кляп, девушка проверила узлы, которыми были связаны его руки и ноги. Удостоверившись, что всё в порядке, она потянулась к кляпу.

— Я вытащу его, — произнесла она, — но если станешь шуметь, затолкаю ещё глубже.

Я внимательно наблюдал за отцом. Она стояла достаточно близко, чтобы он мог её ударить.

«Борись!» — молча взмолился я.

Он отец лишь прохрипел:

— У меня всё тело затекло. Пожалуйста, позволь мне вытянуть руки.

— Ни за что! Ты же сможешь тогда развязать узлы!

— Молли..., - он запнулся на мгновение, — почему?

Не обращая на него внимания, она обыскала комнату и нашла лом. Я наблюдал за ней, гадая: Молли планирует использовать инструмент на нас или для того, чтобы разобрать завалы досок?

Кто же она?

И тут меня осенило.

Да, сходства практически не было ни в телосложении, ни во внешности. Но это не важно — многие члены семьи не похожи друг на друга, да и я не считаю себя экспертом в области человеческих лиц. Но когда девушка наклонилась, чтобы убрать с дороги доску, у меня в голове пронеслись слова миссис Лейтон: «Её Роберт и моя дочь очень сдружились. Несмотря на разницу в возрасте в десять лет, они были близки, как родные брат и сестра».

— Где твой двоюродный брат?

Молли ухмыльнулась.

— Неплохая работа, детектив. Это ты всё-таки выяснил...

Она вернулась к доскам.

— Он наверху? И всё это время ты ему помогала?

Я был прав: у всех членов этого семейства проблемы с психикой.

— Полагаю, он не справился бы без тебя, — я постарался, чтобы мой голос звучал искренне. — Но я не могу понять, зачем ты это делала?

Молли пробормотала что-то невразумительное.

— Как давно он убивает, Молли? Когда ты впервые об этом узнала? Потому что это продолжалось гораздо дольше, чем просто последние несколько недель.

Она молча смотрела на меня. Девушка только что уложила последние доски на стол, словно забыла, что прежде они валялись на мне.

Я должен и дальше её отвлекать.

«Человек, способный задушить женщину, не оставив следов, явно делает это не в первый раз», — сказал мне как-то Алистер.

— Он уже давно этим занимается, — тихо произнёс я. — И всё это время ты ему помогала?

Молли прищурилась.

— Робби... болен. Ему настолько нравятся некоторые женщины, что он, в конце концов, причиняет им боль.

— Он их убивает, — холодно отрезал я.

— Он не хочет, чтобы они менялись, — сказала она. — Так он мне всегда говорил. Просто иногда он заходит слишком далеко.

— Тогда зачем ты ему помогаешь?

— Я ему не помогаю, — взорвалась она. — Я его защищаю! Я делаю так, чтобы его не поймали!

— А это значит, что умрёт ещё много женщин.

— Они отправили бы его в психушку, а то и вовсе убили бы, — упрямо ответила она. — А я этого не потерплю. Они и так уничтожили всю нашу семью, — её голос прервался.

В тот момент мне показалось, что я её понимаю.

— И вы хотели уничтожить Чарльза Фромана, — мягко произнёс я. — Вот почему ты во всё это ввязалась.

Она удивлённо на меня посмотрела.

— Ты винишь его в смерти своей тёти, — продолжил я.

— И более того, — кивнула она, — он у нас в долгу. У всех нас. Но он никогда не сделал для нас ничего хорошего.

— Я знаю, что Роберт написал несколько пьес...

— И хороших пьес. Пьес, которые должны были быть поставлены на сцене, особенно с учётом того, что Робби — сын Фромана.

Мой отец зашёлся в приступе кашля, отплёвываясь кровью.

— Держи.

Она швырнула ему грязное полотенце, с отвращением глядя на моего отца, когда он попытался извернуться и дотянуться до тряпки. Но его руки были связаны за спиной, и у него ничего не получалось; и эта беспомощность только вызвала у Молли очередной приступ хохота.

— Чарльз Фроман и Элейн Коби?

Такого я не предполагал; если, конечно, Молли говорит правду...

Образ Джека Богарти — вернее, Роберта Коби — всплыл у меня в голове. Я не видел ни малейшего сходства.

— Именно. Как ты думаешь, что он делает со всеми актрисами, которых «превращает в звёзд»? Это часть сделки и одна из причин, почему он никогда не разрешает им жениться или встречаться с кем-то другим. Но в случае с тетей Элейн, — она вздохнула, — вместо того, чтобы поступить правильно, он внёс её в чёрный список и разрушил её карьеру.

Я не собирался спорить и лишь произнёс:

— Я понимаю, почему ты считаешь, что он должен Роберту и Элейн. Но ты же говорила, что он в долгу перед всеми вами...

— Он в долгу передо мной, — с горечью произнесла она. — У меня есть талант Элейн. Её внешность. Её виртуозная игра. Она даже написала Фроману, прося, чтобы он мне помог...

— Но он не помог, поэтому много лет спустя, когда Фроман отверг сценарии Роберта,

вы сговорились и решили разрушить его жизнь.

— Роберт всё равно преследовал бы женщин, — она тряхнула головой. — А мне пришла в голову гениальная идея: мы могли бы направить его «болезнь» в нужное русло. Полезное. Всё, что потребовалось, — это показать ему пару фотографий, дать несколько советов...

— Но убитые девушки абсолютно не похожи между собой, — заметил я.

— Они и не должны быть похожи, — взглянула она на меня удивлённо. — Ты ещё не понял? Их привлекательность заключалась не в том, кем они были. Робби тянуло к тому, кем они могли бы стать с его помощью. Мне нужно было лишь посеять семена...

— Но все эти девушки были невинны! Они заслуживали лучшего.

— Избавь меня от нотаций, детектив. Невинных людей не существует. И никто никогда не получает то, что заслуживает, — её слова были пропитаны ядом и горечью.

— Да ради бога, он же их убил! И ты не просто не остановила его — ты его поощряла!

— Они послужили моим целям, — холодно ответила она.

Сверху донеслись голоса.

Молли развернулась и вышла, не сказав больше ни слова. Мы услышали, как она поднялась по деревянной лестнице, а потом в замке подвальной двери наверху повернулся ключ.

— Прости меня, сынок, — сказал отец, закашлявшись вновь. — Я опять всё испортил.

— Ты не мог знать, — покачал я головой.

Или мог? Вдруг он пропустил какие-то симптомы, не обратил внимания на какие-то знаки? Теперь это уже не важно.

Внезапно я понял, что вес, давивший на мои ноги, стал меньше; видимо, упавшие от моего толчка плечом доски выбили какую-то подпорку.

Мне повезло, что Молли уложила упавшие доски на стол, а не обратно на меня. И теперь я мог пошевелить ногами.

Сантиметр за сантиметром вытаскивал конечности: сначала — ступни, затем — голени... Я чувствовал, как к передавленным ногам возвращается чувствительность, а вместе с ней — и боль.

Сжав зубы, полез к отцу.

— Что ты делаешь?

— Ты должен меня развязать.

— Я не могу, — всхлипнул он. — У меня самого руки стянуты.

— У нас нет выбора. И сейчас не время для ложной скромности. Я знаю, что ещё не придумали такого узла, который ты бы не смог развязать.

Я пополз вперёд, пока мои запястья не коснулись его. Усевшись спиной к спине, я скомандовал:

— Давай, попробуй.

Через несколько минут я смог высвободить сначала левую руку, затем правую. Я энергично растёр их, пытаясь разогнать кровь, и принялся развязывать стягивающие отца верёвки. Я тянул их, пытаясь ослабить узел.

— Расскажи мне, что произошло. Я думал, вы с Хелен Белл ушли...

— Почти, — горько вздохнул отец. — Я вывел её через служебный вход в переулок. Но там меня ждал он, словно знал, что я появлюсь. У него было оружие, и он заставил нас повернуть обратно. Он наблюдал, как Молли связывала меня в гримёрке. Но я не знаю, куда он потом забрал Хелен.

— Я догадываюсь, — мрачно произнёс я.

Я стряхнул веревку на пол.

— Всё, твои руки я освободил.

Он осторожно вытянул одну руку, затем другую, сцепив их в замок перед грудью.

— Хочешь, я сам развяжу тебе ноги?

— Не надо. У меня получится быстрее.

Когда он распутал верёвку, я забрал её и положил в карман — мне пришла в голову мысль, что она могла пригодиться. Мы в мгновение ока поднялись по лестнице, схватив по пути небольшой лом и молоток.

Молли забрала мой револьвер, пока я валялся связанный, так что они с Джеком были вооружены по меньшей мере двумя пистолетами и, вероятно, ножом Изадора. К счастью, они не забрали миниатюрный наборчик, который я держал в кармане. Я передал его отцу.

— Уверен, с замком ты тоже справишься быстрее.

Он быстро раскрыл его и за минуту разобрался с хлипким приспособлением, которое запирало дверь в подвал. Мы медленно её открыли, стараясь не шуметь.

Я остановился и глубоко втянул носом воздух.

— Что это? — прошептал я.

Мы оба сделали ещё один глубокий вдох. Это был безошибочно узнаваемый едкий запах чего-то горящего.

Пожар.

— Нам надо убираться отсюда, — сказал отец.

Я бросил взгляд на часы.

Был ли шанс, что Малвани появится, несмотря на уверения Молли в том, что она сорвала наши планы?

Не важно. Даже если Малвани прибудет к назначенному часу, он не успеет нас спасти.

— Мы должны остановить Джека сами, — произнёс я.

Отец схватил меня за руку.

— Если ты пойдёшь туда без оружия и без помощи, у тебя ничего не получится! — в панике прошептал он.

— А если не пойду, то Хелен умрёт, — возразил я.

— Они вооружены! — прошипел отец.

— Я что-нибудь придумаю. Слушай, тот путь свободен, — я указал на чёрный вход. — Я прослежу, чтобы ты выбрался без приключений. В полуквартале отсюда есть отель. Пусть они вызовут пожарных. И полицию, — добавил я, когда отец уже бросился к двери.

Он распахнул её, и мне в глаза ударил электрический свет. Затем вокруг его фигуры сомкнулась тьма, и дверь вновь закрылась.

Дым становился всё гуще, и я закрыл нос и рот платком, пробираясь за кулисами к противоположной стороне сцены.

Где же Луи? Неужели они нашли и его?

Я торопился изо всех сил. Но когда добрался до левого края сцены, замер.

Молли стояла в трёх метрах от меня. Любой звук сейчас окажется смертельно опасным.

Я схватил веревку и на цыпочках подошёл к ней, протянул руку и застигнул её врасплох в последний момент. Она вскрикнула и толкнула меня, но я схватил её за руки и быстро связал их за спиной.

— Робби! — успела крикнуть она, прежде чем я закрыл ей рот.

Я рассчитывал, что он будет занят делом.

Слышал ли он её? Возможно. Но станет ли он нарушать свои планы ради её освобождения? Надеюсь, нет.

Я потащил её обратно в гримёрку Хелен Белл, где нашёл несколько шарфов. Одним крепко связал ноги, чтобы она больше не пиналась. Вторым затолкнул в рот и завязал, чтобы она больше не смогла позвать своего сообщника. И, хотя я сомневался, что у неё есть отцовские навыки по развязыванию узлов, третьим шарфом я привязал её к стулу.

Она яростно забилась, как птица в силках, отчего узлы только сильнее затянулись.

— Полиция уже скоро будет здесь, — произнёс я и закрыл дверь, молясь про себя, чтобы я оказался прав.

Потом вернулся к сцене, осознавая, что больше преимуществ в неожиданности у меня нет.

Сцена была ярко освещена — на ней полукругом были установлены пылающие факелы из какого-то предыдущего спектакля. В центре сцены стоял шезлонг, накрытый одеялами и напоминавший кровать. На нём сидела Хелен Белл, руки и ноги которой были связаны длинными шарфами.

У её ног лежал мужчина. Я узнал в нём Луи и резко выдохнул.

Сегодня вечером он уже не помощник.

Хелен отчаянно извивалась, пытаясь освободиться, а Луи лежал неподвижно. Он был просто без сознания — или уже мёртв?

Джек стоял ко мне спиной, работая над каким-то костюмом, но словно почувствовал моё присутствие и заговорил:

— Детектив, мы вас ждали.

Он медленно повернулся ко мне, держа в одной руке пылающий факел, а в другой — мой собственный револьвер.

Его лицо перекосила безумная ухмылка, и мужчина отвесил насмешливый поклон.

— Вы как раз успели к грандиозному финалу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Сцена театра «Лицеум».

— Мы собрались в конце пятого акта. Конечно же, «Отелло».

Он повернулся и пнул безвольное тело Луи.

— К сожалению, нам пришлось внести небольшие изменения в сценарий. Обычно африканский мавр умирает последним, после того, как убивает Дездемону.

Джек указал на Хелен, дрожащую на импровизированном ложе.

— Но сегодня, как видите, он умер первым. Ах, — он взмахнул факелом, — я всегда готов пойти на уступки!

Он поставил факел на подставку и направился через сцену ко мне.

— Сегодня вечером режиссёр — я! Кого же вы сыграете, детектив? Может, Яго? Но я сомневаюсь, что вы достаточно сильно жаждете нашу леди. Возможно, вам стоит лучше на неё взглянуть. Посмотрите, как она прекрасна сегодня вечером!

Он подошел ближе и обнял меня правой рукой за плечи. В левой по-прежнему сжимал револьвер.

Я вздрогнул от его прикосновения — от страха или от отвращения, я не знал.

Он не заметил этого и подтолкнул меня вперед на сцену.

— Я боюсь, вы сами виноваты в её нежелании сотрудничать. Обычно, моим примам нравится со мной работать. Каждая жаждет сыграть свою маленькую роль. Но сегодня, — он насмешливо нахмурился, — вы, кажется, сказали что-то такое, что привело мою звезду в дурное настроение. И теперь вам придётся приободрить её и побудить хорошо сыграть.

У меня пересохло во рту, но я ответил:

— Не волнуйтесь, мисс Белл.

Джек плюхнулся в кресло напротив нас и затрясся от смеха.

— Да, мисс Белл, не стоит волноваться! У великого детектива всё под контролем!

Он начал крутить мой револьвер на указательном пальце правой руки.

Хелен Белл испуганно захныкала.

— Вы составили прекрасный план, детектив. Должен сказать, я был впечатлён.

— Ты должен сдать, Джек. Или мне называть тебя «Роберт»? Или, — я склонил голову на бок, — ты предпочитаешь «Чарли»?

— Конечно же, Джек! Это имя я выбрал себе сам. «Джек и бобовый стебель». «Джек и золотая табакерка». А стихотворение «Идут на горку Джек и Джилл, несут в руках ведёрки»?

Он наклонился вперед и заговорил доверительным шепотом:

— Это распространённое имя. И детишкам оно нравится.

Для него это была игра.

Ещё один признак того, что он сошёл с ума.

Как мне говорить с таким человеком? И самое главное: как мне отобрать у него мой револьвер?

Если бы не оружие, я смог бы на него напасть.

Я должен выиграть время, пока мой отец не приведет подмогу. И сказал первое, что пришло мне в голову:

— Если Джек — такое прекрасное имя, почему ты сказал мисс Белл, что тебя зовут Чарли?

— Простая логика.

Он вскочил со стула и обошел Хелен Белл сзади.

— Она могла бы рассказать обо мне своим друзьям. Даже могла бы, — он наклонился вниз, к Хелен, — назвать им моё имя. Они, в свою очередь, могли бы вспомнить, что она встречалась с неким театральным критиком из «Нью-Йорк Таймс». А затем, — он усмехнулся, — когда она умерла бы, полицейские вроде вас захотели бы вызвать меня на допрос.

— Она не должна умирать, — спокойно сказал я.

— Как? — он в притворном удивлении схватился за грудь. — Конечно, она должна умереть! Дездемона всегда умирает. Такова её судьба — и не нам спорить с великим драматургом.

— Но Хелен — не Дездемона, — предпринял я новую попытку. — Ты можешь закончить всё прямо сейчас. Просто положи револьвер и уходи.

Хелен Белл заплакала, что заставило Джека придвинуться к ней поближе.

Его длинные пальцы погладили её по голове.

— Не плачь, любовь моя. Дездемона никогда не плачет. Она думает только о своей любви к человеку, который должен её убить. Который обязан сохранить её честь...

Хелен начало трясти.

Джек схватил один из своих факелов и отвернулся. Я только сейчас осознал, что обстановка на сцене — тоже часть его собственной постановки.

— Единственное, чего не могу понять, это как тебе всё удалось? — произнёс я, понимая, что должен заставить его говорить.

Он повернулся ко мне и склонил голову на бок.

— Потому что я — Пигмалион, детектив. Я беру то, что незакончено, несовершенно — и создаю красоту.

— Ты убил их всех, не оставив ни единого следа. Коронер никогда не встречал ничего подобного, — признал я. — Каким образом?

Он придвинул стул, сел, сложил руки на груди и серьёзно посмотрел на меня.

— Это дар божий.

Видя, что я опешил, он продолжил:

— Сами идеи я почерпнул у нашего великого драматурга, детектив. В молодости увидел, как актёр душил свою жертву в спектакле «Отелло». Это было прекрасно. И позже я понял, что был благословлён этим прикосновением. Волшебным прикосновением, — он взмахнул руками, — которое способно отнять жизнь, но не оставить следов.

Этот человек был сумасшедшим. Помешанным.

Я тяжело сглотнул и произнёс:

— Тебе почти удалось подставить другого человека.

Он подошёл к Хелен Белл, пританцовывая.

— Даже в такой момент вы остаётесь детективом, сосредоточенным на обыденных деталях. Скучно, — он театрально зевнул. — Вы меня утомили.

Он протянул руку, чтобы ещё раз погладить Хелен по голове, не обращая внимания на её дрожь.

— Конечно, то, что меня назначили помощником Фрэнка Райли в этом деле, было чистой случайностью.

Он отвернулся от мисс Белл и хлопнул в ладоши.

— Ха! Бедный Фрэнк, наверное, считает, что у меня есть задатки первого класса криминального репортёра со всеми уликами, которые мне удалось собрать и отправить ему.

— Но ведь ещё до этого ты подставил Тимоти По.

Джек бросил на меня странный взгляд.

— На самом деле, я даже не знал, что По был подозреваемым, пока профессор, помогающий вам, не проболтался об этом. И у меня появилась прекрасная идея. Видите ли, мне не стыдно признаться, что я немного нервничал, — сказал он мне доверительным шёпотом. — В конце концов, меня втянули в расследование, касающееся непосредственно меня. Но затем я осознал: мне представилась уникальная возможность. Всё, что мне нужно было сделать, это найти лучшего подозреваемого и предоставить вам на блюде.

Он снова обошёл вокруг сцены, его голос наполнился презрением:

— Всё оказалось даже проще, чем я предполагал. Ваш капитан и так уже подозревал По из-за его связи с Пигмалионом. Мне сопутствовала удача. А после того, как однажды я проследил за ним и узнал его секрет, — Джек широко ухмыльнулся, — я понял, что По — идеальный козёл отпущения. Его осудят за мои преступления только из-за его дурной репутации.

— Но ты не просто воспользовался тем, что у него есть любовник-африканец. Ты

подставил его с отпечатками пальцев, — сказал я, подталкивая Богарти к продолжению разговора. — Ты подбросил ему в квартиру иглы для подкожных инъекций.

Джек выглядел довольным собой.

— Не знаю, что бы я делал без Молли. Это была её идея: она всё придумала и всё организовала. Она даже просчитала, как расположить шприц позади мисс Биллингс так, чтобы он уколол того, кто полезет снимать тело.

— Но она же актриса, — озадаченно протянул я. — Где она могла научиться подобным вещам?

— Папа, мой милый папа, — пропел он громко, кружась по сцене. Затем остановился и повернулся ко мне: — Знаете эту песню? Хотя в данном случае нужно петь «ваш милый папа», детектив. Он научил её всему, что знал.

Значит, это она соблазнила моего отца, а не наоборот. Но зачем...

Словно прочитав мои мысли, Джек добавил:

— Я действительно не знаю, зачем она его выбрала. Она лишь как-то упомянула, что считала, будто у него есть полезные связи и навыки.

А мой отец ошибочно считал, что она хотела принести счастье в его последние деньки...

Это было ужасно — но не лишено смысла. Её навыков и навыков Джека могло не хватить. А мой отец идеально вписался в их преступную схему.

Как и женщины, которых Джек убивал по наущению Молли.

Джек продолжал болтать, но я сосредоточился на том, как выхватить свой пистолет, не подвергнув опасности мисс Белл. Если бы только он подошёл ближе ко мне...

Мужчина наклонился и схватил шелковые шарфы, которые лежали на сцене рядом с голубым письмом.

— Время пришло, — провозгласил он, взмахнул револьвером и указал мне на стул.

Почему никто не приходит на помощь?

Почему отец замешкался?

У меня был один, последний сюрприз, который мог дать нам немного больше времени.

— Может, твоей приме не хватает драгоценностей? — произнёс я, вытаскивая из кармана кольцо Франсин с сапфиром и бриллиантами и поднимая его над головой. Камни ярко блестели и переливались в свете мерцающих факелов.

Джек повернулся и широко распахнул глаза. Он сразу же узнал кольцо, перебежал сцену и схватил меня за запястье.

— Где вы его нашли? — прорычал он.

Я посмотрел на него в упор.

— Там, где ты его оставил.

Он вырвал его из моей ладони и нежно провёл пальцем по ободку.

— Моя прекрасная Франсин, — прошептал он.

Джек надел его на свой мизинец, и его лицо перекосила дикая ухмылка.

— Вообще-то, вы правы, детектив. Такие безделушки лучше держать при себе, чтобы помнить тех, кого мы любили. Не стоит прятать их в земле, в буквальном смысле — на пальце той, кто этого больше не оценит. А теперь сядьте сюда.

Этот человек был непредсказуем. Я разыграл свою последнюю карту; кольцо, казалось, на мгновение отвлекло его, но теперь он вновь вспомнил про свой план.

Я сел, изо всех сил стараясь не поддаваться панике.

— Я останусь, но позволь уйти мисс Белл.

Он взял один из шарфов и помахал им у моего лица.

— Как благородно, детектив. Но эта леди нужна мне для воплощения своих целей.

— По словам Молли, вы хотите навредить Чарльзу Фроману. Мне кажется, есть способы лучше, чем убийство ни в чём не повинных женщин, которые не имеют к Фроману никакого отношения.

— Никакого? Вы сказали «никакого»?!

Он развернулся ко мне лицом.

— Да они имеют к нему самое непосредственное отношение! Шлюхи, ждущие успеха! Ложные обещания, приведшие к гибели — вот и всё, что он дал нам! Мне. Моей матери. Молли.

— Так почему не убить его? Что вам сделали эти девушки?

Джек рассвирепел:

— Он должен чувствовать ту же боль, что и я, наблюдая, как умирают мои мечты! Потому что сегодня я раз и навсегда уничтожу его репутацию.

Он повернулся, схватил большой кувшин, наполненный какой-то жидкостью, и понёс его к импровизированной кровати.

— Это, — он обвёл взглядом помещение, — должно было быть моим по праву рождения. Моим наследием.

Он плеснул немного жидкости на один из факелов. Должно быть, она содержала спирт, потому что факел разгорелся ещё ярче, поджигая стоящие за ним декорации.

Джек со смехом дунул на пламя и повернулся к следующему факелу. Он повторил то же самое и со следующим факелом, а затем, с неспешностью, заставившей меня вздрогнуть, он подошёл к Хелен Белл и облил её с головы до ног.

И потянулся за факелом.

Я бросился к Хелен, схватил её за ноги и стащил с шезлонга, вырвав из его хватки. Он рванул ко мне, направив дуло револьвера прямо мне в голову. Мне удалось отодвинуть Хелен себе за спину; она не могла сама двигаться со связанными руками и ногами.

— Дездемона не умирала в пламени, — произнёс я.

Джек уставился на меня, удивлённо моргая.

— Вы правы, — наконец, произнёс он. — Это, — он широко раскинул руки, — будет её погребальным костром после того, как она умрёт по сценарию.

«Ближе. Подойди ближе».

Я откинулся назад, прижимаясь спиной к Хелен, готовый в любую секунду пнуть его ногой, как только он приблизится. Но он сделал шаг назад и навёл на меня револьвер.

— Вы же, напротив...

«Нет... Нет...»

Я понял, что он собирается сделать, и меня накрыла паника. Я огляделся, но удачных вариантов не было.

Если я пошевелюсь, то подставлю под огонь Хелен.

А если останусь на месте — умру.

Безнадёжно, как ни крути.

Казалось, выстрелы длились целую вечность — сначала один сухой щелчок, затем, сразу за ним — второй.

Я приготовился к жгучей боли и темноте, которые положат конец всему. Вместо этого

Джек вскрикнул, тяжело упал вперёд, схватившись за бок, и выронил револьвер.

Я рванул к оружию и крепко сжал его в ладони.

Но Джек продолжил бороться. За несколько секунд он выхватил второй револьвер.

Ну конечно. Револьвер Луи.

У меня не было шансов.

Я сильно толкнул Хелен влево. Вздогнул, услышав, как она вскрикнула от боли, ударившись о деревянные декорации. Но так она, по крайней мере, оказалась не на линии огня.

Но кто же выстрелил в Джека?

Я окинул взглядом театр и навёл револьвер на Джека. Он посмотрел на меня и рассмеялся.

— Интересная ситуация, не правда ли? — он шевельнул направленным на меня револьвером. — Кто кого первый застрелит? Бам!

Он прищурился, и я понял, что сейчас он выстрелит. Я должен нажать на спусковой крючок первым.

Но вдруг позади него появилась тёмная фигура и сбила его наземь.

— Нет! — закричал Джек.

— Нет! — отозвался эхом я.

Прозвучал один-единственный выстрел.

И эту пулю поймал мой отец. Отец, который должен был покинуть театр ради безопасности. Который не должен был возвращаться.

Он перевернулся на спину и схватился за живот, а я понял, что он серьёзно ранен. Отец лежал беспомощный и истекал кровью, а Джек всё не успокаивался. Он потянулся к кувшину с алкоголем и разлил его вокруг моего отца. А затем начал лихорадочно расплёскивать остатки во все стороны.

Я отвернулся, когда жидкость полетела в меня, и прикрыл глаза.

— Хватит! — скомандовал я и прицелился в Джека.

Если он не оставит мне выбора, я выстрелю.

— Полиция! — слышали мы сзади.

Джек поднялся, согнувшись от боли, но продолжал идти. Он направлялся к факелу. Он собирался поджечь весь театр.

— Полиция! Стоять! — узнал я голос Малвани.

Но он был так далеко...

Джек рассмеялся дьявольским смехом и протянул обе руки к ближайшему факелу.

Мы все были пропитаны спиртом — и мой отец, и мисс Белл, и я. И мы все умрём страшной смертью, если я ничего не предприму.

Я сделал глубокий вдох и выстрелил.

Джек упал на колени, едва не задев факелы, и я увидел, как у него на груди расплзается тёмное пятно. Он упал на пол, но сумел опрокинуться на один из горящих факелов. Пламя взвилось столбом. Я схватил отца и мисс Белл и столкнул их со сцены прежде, чем нас охватил бы огонь.

— Ты в порядке? — спросил я отца.

Но едва взглянув на его посеревшее лицо и рану на груди, я понял, что ответ был отрицательным. Он уже потерял слишком много крови. Должно быть, выстрел Джека попал в цель.

Я присел рядом с мисс Белл и быстро развязал ей руки.

— Вы в порядке?

Она молча кивнула.

Рядом со мной очутился Малвани и несколько офицеров.

Пламя вырывалось из-под контроля, и в помещении становилось нечем дышать.

— Помоги мне.

Я потянул отца по проходу к двери. Моя правая рука пульсировала от боли. Я никак не мог поднять его, поэтому продолжал тащить прочь от жара и огня, пока двое полицейских не забрали его у меня, осторожно подняли и вынесли из здания.

Малвани шёл позади, придерживая мисс Белл.

Я устало посмотрел на него.

— В гримёрке за сценой находится ещё одна женщина. Кто-то должен её арестовать.

Малвани посмотрел на меня и печально кивнул.

— Шнайдер, Арнов, — позвал он, — пусть ваши люди эвакуируют всех из гримёрки. Там находится подозреваемая.

Я хотел напомнить про два тела на сцене, но когда обернулся, то понял, что уже слишком поздно.

Как Джек и планировал, сцена превратилась в погребальный костёр — но не для мисс Белл. Для Луи, погибшего от рук Джека. И для самого Джека, убитого мной.

На улице вокруг нас с отцом сгрудились прохожие.

— Я представлял свою собственную смерть бесчисленное количество раз, — сказал отец, тяжело дыша. — Но и помыслить не мог о таком.

Я прижал свои руки к его груди, пытаюсь остановить кровотечение.

— Не сдавайся, — прошептал я.

— Всё хорошо, Саймон, — он слабо улыбнулся, — твоя мать гордилась бы мной. У меня на руках была всего пара тузов, но я пошёл на все. И выиграл.

Так и есть: сегодня вечером он спас две жизни — жизнь Хелен и мою.

Я держал его крепко-крепко, пока его прерывистое дыхание не замерло, и руки Малвани не оттащили меня прочь.

Двое мужчин переложили его тело на носилки, загрузили в фургон коронера и повезли туда, куда я не мог за ним последовать.

Глядя ему вслед, я больше не чувствовал пустоту.

Я ощущал глубокую печаль — словно надежду на всё, что могло произойти, отобрали у меня окончательно.

Воскресенье

1 апреля 1906 года

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Добсон, округ Нью-Йорк.

— Великолепный вид, не правда ли? — прогремел у меня за спиной голос Малвани. — Действительно, дух захватывает.

Я смотрел на реку Гудзон, прислонившись к железным перилам; специально выбрал это

место, чтобы расположенный к югу завод не закрывал весь вид.

— Ты проделал весь этот путь, чтобы полюбоваться вместе со мной пейзажем?

— Чёрт, Саймон, ты же знаешь, что это не так!

Он вытащил сигарету из пачки, закурил и медленно, неторопливо затянулся.

— Мне сложно признать, что я был неправ... И извиниться; сказать, что мне жаль, — произнёс он, наконец. — Ещё труднее признать, что я совершил ужасную ошибку, которая привела к смерти твоего отца.

Я повернулся к Малвани. Под красными, опухшими глазами темнели круги. И впервые за последний год я видел, как он курил.

— Только один человек виновен в смерти моего отца — тот, кто нажал на спусковой крючок. Джек Богарти. Или Роберт Коби. Или кем бы он ни был, в конце концов.

Малвани кивнул.

— Мы всегда так говорим, чтобы на душе стало легче: что винить нужно во всём плохого парня. Но ведь не всегда так. Мы тоже совершаем ошибки. И у них есть последствия..., - его голос дрогнул.

— Я не пытаюсь уменьшить последствия, — твёрдо посмотрел я в глаза Малвани. — Но в данном случае, вина всегда будет лежать только на Джеке. И на тех, кто мог его остановить, но не стал — например, на Молли.

Малвани сделал ещё несколько затяжек и выбросил сигарету.

— Прости меня, Саймон. Я должен был тебя послушать. Или, по крайней мере, выслушать.

— Надеюсь, в следующий раз ты об этом не забудешь, — улыбнулся я. — Прогуляемся?

Я указал на грязную тропинку, которая шла вдоль реки.

Несколько минут мы шли молча.

— По освободили? — нарушил я, в конце концов, тишину.

— Я лично проследил за его освобождением ещё в пятницу вечером. Думаю, он уехал в Европу, и я не могу его за это винить, — Малвани низко опустил голову. — Я чувствую себя ужасно, но ничего не могу поделать. Правда в том, что он больше не сможет работать здесь, в Нью-Йорке.

— Надеюсь, там он будет счастливее. Люди на материке более терпимые. По крайней мере, я так слышал, — произнёс я.

— Молли Хансен заняла место По в «Гробнице». Твой профессор навещал её несколько раз. Кажется, он хочет, чтобы она стала его следующим объектом исследования — при условии, конечно, что после суда ей не вынесут смертный приговор.

Я был уверен, что до казни дело не дойдёт, если Алистер заинтересуется и подключит свои связи. Я не возражал; пока Молли Хансен находится за решёткой, и пока она не сможет причинить никому вред, я не желал ей смерти.

— Значит, у тебя есть все необходимые доказательства? — уточнил я.

Малвани присвистнул.

— Видел бы ты, сколько улик мы нашли в квартире Богарти! Этот человек, наверно, не выпускал из рук свой дневник — он описывал там всё в мельчайших подробностях. А с учётом свидетелей, у нас есть немало улик, чтобы предъявить обвинения Молли.

Мы продолжали идти, наблюдая за парами, баржами и парусниками, проплывающими вверх и вниз по реке.

Тихий апрельский денёк.

— А утверждение Джека о том, что Фроман — его отец? Это правда?

— Этого мы с тобой никогда не узнаем, — покачал головой Малвани. — Не думаю, что Фроман раскается и добровольно признается.

— Как дела у детектива Марвина? — спросил я.

— Гораздо лучше, — ответил Малвани. — Мы тогда сразу перевели его в госпиталь, и уже несколько дней назад его выписали домой.

Он посмотрел на меня искоса.

— Но он сказал, что не вернётся в полицию. А это значит, что у меня в отделе есть свободная вакансия.

Он запнулся, но продолжил:

— Для меня было бы честью дальше работать с тобой бок о бок. К тому же, руководство согласно выплатить тебе бонус — за потерянную за все эти месяцы работы в Добсоне зарплату.

Я кивнул, но ничего не ответил.

Малвани остановился.

— Кстати, о работе. Хотел сказать тебе первому: один из твоих помощников тем вечером, Изадор, идёт на поправку. Он тогда был просто без сознания, а не мёртв.

Я резко повернулся.

— Но я проверял. У него не было пульса.

Малвани усмехнулся и добродушно ответил:

— Думаю, чудеса случаются, Зиль. Или — учитывая обстоятельства той ночи — тебе просто не хватило времени хорошо всё проверить.

В любом случае, я был рад услышать хоть какие-то хорошие новости о том вечере.

— И ещё кое-что, Зиль, — голос Малвани вновь стал серьёзен. — Завтра в «Таймс» выйдет статья. Я говорил с Ирой Зальцбург — несмотря на то, что в деле замешан их человек, они собираются выпустить номер. Благодаря такой сенсации продадут кучу экземпляров.

Я прищурился.

— О чём ты?

— Они собираются написать статью о Джеке Богарти. Так сказать, «их собственное видение ситуации».

— Но как..., - ошарашено выдавил я.

— Он написал статью перед премьерой. Интервью с убийцей. Это, конечно, настоящий фарс, но читатели проглотят, не поморщившись. Никто ведь не знает, что произошло в театре на самом деле.

Никто, кроме нас.

Воскресенье

13 мая 1906 года

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Шесть недель спустя.

Кладбище Вудлон, Бронкс, Нью-Йорк.

Я тихо стоял под серебристой липой на Вудлонском кладбище, глядя на могилу отца. Из-за затянувшегося расследования, коронер смог отдать тело только спустя несколько недель.

Но теперь мой отец, наконец, покоился с миром.

Службы не было. А кто стал бы горевать из-за него, кроме меня?

Мать? Она сама уже покоилась в земле долгие годы — в нескольких десятках метров от него, потому что она точно не захотела бы провести вечность рядом с ним на соседних участках.

Сестра? Точно, нет. Я, в конце концов, отыскал её в Милуоки и послал телеграмму со сведениями о кончине отца. И она вежливо, но непреклонно отказалась.

Молли? Она была пожизненно заключена в тюрьму Оберн и избежала электрического стула только благодаря Алистеру, нанявшему лучших адвокатов. Малвани был прав: Алистер собирался продолжать с ней беседы в рамках его исследований мышления преступников.

Поэтому на похоронах был только я.

Он исчез из моей жизни — в этот раз навсегда. И мне было нечего сказать.

Священник, который только что закончил погребальную службу поблизости, заметил меня, подошёл и предложил свою помощь. Это был долговязый и неуклюжий молодой человек, явно только что выпустившийся из семинарии.

Я с благодарностью улыбнулся, но покачал головой:

— Он не был католиком.

— Всё в порядке, — произнёс священник и заговорщицки понизил голос, — я знаю, другие со мной не согласны, но я уверен, что Бог един и не делает различий для детей своих вне зависимости от их вероисповедания.

И я согласился, чувствуя вину, ведь у меня не было собственных слов прощания. Но я знаю, что отец бы не обиделся.

— Похороны — для живых, — всегда говорил он. — Мёртвым всё равно.

Это означало, что эти похороны были для меня, и поэтому я позволил словам священника прозвучать взамен моих. Это были обычные молитвы, наполовину знакомые мне по другим похоронам, на которых я присутствовал.

Просто слова.

Но смысл им придавала доброта священника, произносившего молитву.

В конце концов, он добрался до последней молитвы. Последних слов.

— И мы предаём его тело земле, чтобы он снова стал землей, из которой и был взят. Земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху в надежде на воскресение к вечной жизни через Господа нашего Иисуса Христа.

— Прими мои соболезнования, друг мой, — произнёс священник, кладя ладонь мне на плечо.

И ушёл.

Я посмотрел вниз на свежескопанную землю, прошептал «до свидания» и снова прошёл мимо липы вниз по склону к выходу с кладбища. Там, рядом с «Фордом» Алистера, меня ждали две фигуры в чёрном.

Они с пониманием отнеслись к моему желанию пойти на могилу в одиночку. Но Алистер и Изабелла настояли на том, чтобы подождать меня поблизости.

— Никто не должен хоронить отца в одиночку, — сказали они.

Я подошёл к ним и заметил, что Изабелла держит в руках небольшой свёрток в

коричневой бумаге — судя по размерам, книгу.

— Мы не были уверены, стоит ли отдавать это тебе, — произнесла Изабелла, нервничая.

— Что это?

— Открытка с соболезнованиями и подарок от миссис Вандергрифф, — ответила девушка. — Это очень любезно с её стороны, но..., — Изабелла неловко умолкла на полуслове.

— Она отдала мне это, когда я вернул ей кольцо её дочери, — пояснил Алистер. — Она прочитала о гибели твоего отца и...

Он, как и Изабелла, не смог произнести то, что собирался.

Недоумевая, что могло означать их молчание, я взял свёрток и разорвал бумагу.

«Молитва о Франсин. Сборник стихотворений.

Автор — Роберт Коби».

— Зачем? — еле выдавил я.

— Миссис Вандергрифф читала статьи в газетах, — ответил Алистер, — но по-прежнему не согласна с ними. Она просто-напросто не может принять тот факт, что Роберт Коби — убийца её дочери. Поэтому она опубликовала его стихи за свой счёт. Должен признать, сборник был принят критиками очень тепло. Он породил всевозможные дикие предположения об истинной личности Джека Богарти. Никто не верит, что он и Роберт Коби — один и тот же человек.

Я с отвращением уставился на переплёт книги, которую держал в руках.

— Почему?

Он искоса взглянул на меня.

— Потому что никто не верит, что жестокий, сошедший с ума убийца мог писать такие прекрасные и нежные стихи.

Тело Джека было обожжено до неузнаваемости во время пожара в театре и в итоге захоронено на кладбище для неизвестных и нищих.

Его тётя отказалась забирать тело; она уверяла всех, что опознание проведено неверно, что Роберт до сих пор жив и просто отправился на лодке на ловлю рыбы. Она не верила полиции даже несмотря на то, что в лесу рядом с домом Лейтонов были найдены кости трёх убитых девушек — включая Франсин Вандергрифф.

— Полагаю, мы ничем не сможем убедить скептиков.

— Думаю, нет. Некоторые не могут признать и принять, что в каждом из нас тлеет огонёк и величия, и зла, — пожал Алистер плечами. — Как и в случае с Джеком.

Выражение лица Изабеллы было отстранённым и задумчивым.

— Это напоминает мне египетскую легенду о цветке лотоса, — сказала она. — Его огромные корни разрастаются по грязным болотам, но когда он зацветает каждый день — нет ни единого цветка, способного сравниться с ним в красоте. Невозможно и представить, чтобы уродство и очарование сосуществовали в одном растении — но такова природа.

— Если бы ты прочёл эти стихи, не зная их автора, ты, возможно, смог бы ими насладиться, — добавил Алистер. — Они неплохи.

— Но этого никогда не произойдёт, — покачал я головой.

Я никогда не смогу непредвзято оценить что-либо, связанное с человеком, который причинил столько зла. С человеком, который погиб от моей руки.

Я завернул книгу обратно в бумагу и протянул Алистеру.

— Она пригодится для твоих исследований.

Алистер просиял.

— Прекрасная идея, Зиль. Просто восхитительная!

Алистер подошёл к машине и завёл её. С наступлением весны он вновь наслаждался вождением.

— Какие у тебя планы на вечер? — поинтересовался он. — Вернёшься домой в Добсон? Или останешься у нас в городе?

Я взглянул на Изабеллу: её карие глаза с надеждой смотрели на меня.

— Приходи к нам, — мягко предложила она. — Сейчас тебе не стоит быть одному.

Я оглянулся на вершину холма, где лежал мой отец. Что бы о нём не говорили, он всегда любил рисковать. Всегда стремился к лучшему. Мне нравилось думать, что именно поэтому, после целой жизни неудач, он выбрал смерть героя.

— Знаете, — произнёс я, помогая Изабелле забраться в автомобиль, — я слышал, на сорок девятой улице открылся великолепный итальянский ресторан. Может, сходим?

И мы поехали на юг через Бронкс, мимо возвышающихся зданий, пустующих сельскохозяйственных угодий и новых фабрик, построенных рядом с железнодорожными путями. Бронкс, как и весь город, неуклонно разрастался — а с учётом прокладки метро, эта тенденция, думаю, продолжится.

Наконец, мы доехали до Манхэттена.

Я выглянул в открытое окно: по улицам прогуливались мужчины в котелках и женщины в лёгких белых платьях; все наслаждались тёплым весенним вечером. А вдалеке, где темнеющий городской горизонт сливался с облаками, на небе разгорался закат, отбрасывающий рыжие, розоватые и багровые отблески на небосклон.

Я поймал себя на том, что думаю о насилии, коррупции и бессмысленных смертях, с которыми столкнулся за свою жизнь. Было время, когда я не хотел ничего сильнее, чем сбежать от всего этого.

Я посмотрел на сидящую рядом Изабеллу и подумал о пока неизведанных возможностях.

Было что-то в этом городе, что взывало ко мне, манило меня, несмотря на весь здравый смысл.

В конце концов, я ведь сын своего отца.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Заметки

[

←1

]

«Гробница» — городская тюрьма, построенная в 1902 году. Расположена в Нижнем Манхэттене (здесь и далее — примечания переводчика).

[

←2

]

Цианид ртути высокотоксичен, обладает нейротоксичным воздействием, вызывает

сильнейшее поражение ЦНС. Картина отравления сходна с отравлением металлической ртутью.

[

←3

]

Театральный Синдикат — организация, которая контролировала бронирование лучших театральных мест в США, начиная с 1896 года.

[

←4

]

Чезаре Ломброзо — итальянский врач-психиатр, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве, основной мыслью которого стала идея о прирождённом преступнике.

[

←5

]

Акrostих — стихотворение, в котором первые буквы каждой строки составляют осмысленный текст.

[

←6

]

Великий Белый путь — иллюминированная часть Бродвея, которая проходит по территории Театрального квартала.

[

←7

]

Маленькая Африка — этнический анклав жителей африканского или афро-карибского происхождения.

[

←8

]

Лингуине — классические итальянские макаронные изделия; ближе по форме к спагетти, но слегка сплюснуты.

[

←9

]

Бранденбургские концерты — цикл из шести концертов Иоганна Себастьяна Баха, преподнесённых им в качестве подарка маркграфу Кристиану Людвигу Бранденбург-Шведтскому в 1721 году.

[

←10

]

Синг-Синг — тюрьма с максимально строгим режимом в США.